

Цвета параллельного мира

Николай Дедок

Оглавление

Вступление	4
Список сокращений и жаргонизмов	6
ШИЗО	9
Опер	14
Режим	18
Неприкасаемые в тюремной иерархии	25
Как появилась каста «петухов»	25
О «мастях» – небольшой ликбез	26
Есть нюанс	27
Каким образом становятся «петухами»	27
Положение «петухов» в ИУ	30
Чем они занимаются?	31
В чём выгода администрации?	31
Есть ли выход?	34
Что же делать?	35
Запах	37
Бунт против божественной иерархии	39
Вступление	39
Сыновья Алоэя	40
Арахна	40
Прометей	41
Терсит	43
Заключение	45
... .	46
Божья кара	47
Бунт в карантине	49
Маугли	54
Улетевшие	57

Колдун	64
Введение. Тюремный режим	64
Часть 1. Зеркальный маг	65
Часть 2. Дороги	67
Часть 3. Снежный ком	68
Эпилог	71
Жизнь прекрасна	74
Открытое письмо	76
Крайняя мера	80
Освобождение	87
Заключение	91
Об авторе	93

Вступление

Еще в детстве во вступлении к какой-то книге я прочитал меткое замечание: «Следует интеллигенту провести ночь в полицейском участке, как он тут же напишет об этом книгу». Не знаю, могу ли я считать себя интеллигентом, да и в когтях Системы я провел намного больше, чем одну ночь, но это высказывание кажется мне довольно уместным. Действительно, тюрьма, неволя и все с ней связанное, дают человеку такую гамму чувств и впечатлений, которую он едва ли может получить еще где-то. А для того, кто привык критически анализировать увиденное, это еще и невероятно плодотворная почва для наблюдений, рефлексии и глубокого раздумья.

По задумке, которую, надеюсь, мне удастся реализовать, этот сборник рассказов — лишь промежуточный этап на пути к более обстоятельному рассказу, мазок на холсте, который еще предстоит заполнить красками: он дает лишь общее представление, но не позволяет ощутить всю полноту картины. Такой картиной, надеюсь, станет в будущем книга-история, которая расскажет о моем заключении от первого дня до последнего.

Почему же я решил написать «Краски параллельного мира»? Во-первых, власть боялась и боится огласки всего, что делается в тюремных застенках, специально делая их настолько закрытыми, насколько это возможно. Это значит что огласка может нанести им репутационный и моральный ущерб. И, если возможность нанести такой ущерб у нас есть, мы должны ее использовать. Каждый злодей стремится скрыть свои действия или, если не получилось, оправдать их чем угодно: законом, правом сильного, «революционной необходимостью», моралью... Говорить правду и разоблачать преступления — это императив, моральный долг каждого человека. Во-вторых, рассказывать о том, что мы увидели и почувствовали, важно также и для документирования. Ведь никто и ничто не вечно. И многие в будущем могут сказать: «А мы ничего не делали... Мы только выполняли приказ», или: «Мы не знали, что такое делается, а иначе обязательно приняли бы меры!» Либо вообще начнут отрицать все: «Это ложь, не было такого! Где подтверждение?» И, если даже над ними никогда не состоится суд народный или даже государственный, куда более важен суд истории.

О тюрьме уже сказано и написано довольно много. И иногда кажется, что здесь трудно рассказать что-то новое, ведь неволя есть неволя, и во всех странах мира от диктатур Азии до буржуазных демократий Запада наполнение тюрем одинаково: отчаяние, озлобленность, страх, боль, подлость и самопожертвование, дружба и предательство, милосердие и жестокость и, конечно, институционализированное насилие, которое является своеобразным языком тюрьмы. Смогу ли я сказать что-то новое? Если смотреть глобально, то, конечно, нет, так как белорусская тюрьма не является чем-то уникальным, особенно для постсоветского региона, а общая логика и философия тюрьмы, как я уже говорил, одинаковы везде. Но в локальном масштабе,

думаю, да. Без ложной скромности могу сказать, что мой опыт в масштабах Беларуси был уникален. Мои друзья и я стали первыми анархистами Беларуси с момента получения ею независимости, осужденными к лишению свободы за политические акции. Не менее уникальными были и условия нашего освобождения. Не знаю, есть ли еще в мировой истории примеры, чтобы высшие официальные лица европейских государств, от президентов и премьер-министров, до сенаторов США, требовали от другого государства освободить политзаключенных-анархистов (!), осужденных за акции прямого действия (и, что интересно, в итоге в том числе этих требований мы действительно были освобождены), притом, что в этих странах сидит немало «своих» анархистов.

За пять лет своего заключения я побывал в четырех тюрьмах и трех колониях. Такая судьба выпадает очень немногим арестантам в Беларуси. Более года в общей сложности провел в одиночной камере, смог вблизи увидеть криминальный мир и его представителей — профессиональных преступников, «бродяг», как они сами себе называют; стал вторым узником за двадцатидвухлетнюю историю могилевской крытой, осужденным там по статье 411 Уголовного кодекса; ощутил на себе все без исключения методы «исправления» (от лишения передач до отправления в тюрьму строгого режима) и попробовал все без исключения методы тюремного протеста (от написания жалоб до голодовок и членовредительства). Поэтому я надеюсь, что мой опыт и та информация, которую я вынес из застенков, будут полезны и востребованы: кому-то для того, чтобы в будущем выдержать испытания, кому-то для того, чтобы не повторять моих ошибок, кому-то, возможно, для социологических или антропологических исследований.

За возникновение этой книги хочу выразить благодарность своему отцу и товарищам: за то, что благодаря их усилиям, я смог выйти на полгода раньше, чем должен был по приговору; моему преподавателю Владиславу Иванову — за ободрение и умение мотивировать; моей жене Лере — за рецензии и критику; подполковнику ГУ-БОПиК Александру Георгиевичу Литвинскому, благодаря мстительности и ненависти которого я побывал там, где побывал, и увидел то, что увидел. Также хочу поблагодарить всю карательную систему ДИН МВД, тотальный дебилизм и антигуманность которой были и будут для меня источником вдохновения.

Список сокращений и жаргонизмов

БМ безопасное место. Камера, обычно ШИЗО или ПКТ, где содержат осужденных, которые не могут содержаться с общей массой зеков. Обычно это те, что делали какие-то неприглядные поступки: воровали, не расплатились по долгу и так далее, но часто и жертвы ментовских провокаций. Согласно УИК, любой осужденный может быть переведен в безопасное место после письменной просьбы.

Баландёр сотрудник хозяйственной службы, зек, который разносит пищу тем, кто сидит в камерах ШИЗО, ПКТ, крытой.

Вертухай (продольный) тюремный надзиратель, контролер.

Вязаные осужденные, подписавшие обязательство о правопослушном поведении.

Двушки сигареты «средней» ценовой категории, например «Корона», «Минск». По лагерным расценкам, две пачки «двушек» это одна пачка синего «Винстона».

ДИН Департамент исполнения наказаний. Структура МВД, ответственная за все карательные учреждения Беларуси.

ДПНК Дежурный помощник начальника колонии. Офицер, ответственный за ряд административных дел в зоне: помещение или вывод из ШИЗО, приём этапов, вывод на промышленную зону и так далее. Ещё его называют «ночной хозяин», поскольку он полностью руководит колонией ночью, когда отсутствует начальник колонии.

Завхоз козёл, назначенный администрацией для контроля над зеками в какой-либо сфере (напр. завхоз карантина, завхоз отряда, завхоз промзоны). Как правило это осужденный с большим сроком.

Залосудник зэк, получивший частью своего срока тюремный режим и отправившийся отбывать его прямо из зала суда.

Осуждённые по особо тяжким статьям в ряде случаев по приговору суда до пяти лет проводят в тюремной камере, и только потом отправляются в колонию (ст. 57 УК РБ).

ИВС изолятор временного содержания. Место, где заключенный находится в состоянии подозреваемого до этапирования в следственный изолятор (СИЗО).

ИК «исправительная» колония (беру слово «исправительная» в кавычки, так как на самом деле эти колонии соблюдают не исправительные, а карательные цели), она же лагерь.

ИУ «исправительное» учреждение.

Козлы осуждённые, которые открыто сотрудничают с администрацией колонии. В их обязанности входит управлять другими зэками, держать их в подчинении, доносить на них ментам и так далее. Также «козлами» считают хозяйственную службу тюрьмы (сантехников, электриков, зэков, работающих на кухне).

Кормушка форточка в дверях камеры, через которую арестантам подаётся пища и происходит большинство разговоров между арестантом и администрацией.

Кешарка место хранения личных вещей арестанта.

Клифт верхняя одежда арестанта. Официально именуется «куртка хэбе».

Конь осуждённый, исполняет роль слуги в других осуждённых за сигареты или чай. Часто – в качества отработки карточного долга.

Крыса осуждённый, который воровал у других осуждённых.

Крытая отдельная тюрьма или ее корпус, используемый для содержания осуждённых, которые регулярно нарушали режим в колониях; используется также для прессинга «неугодных» осужденных: уголовников, которые отказываются подчиняться ментовским порядкам, политических заключенных, а также заключенных, которые жалуются в госучреждения на условия содержания. В «крытую» отправляют на срок до трех лет по решению суда.

Мойка лезвие от безопасного станка для бритья. Очень острая полоска стали примерно ноль целых пять десятых на четыре сантиметра.

Петух (обиженный, опущенный, гребень) низшая каста в неформальной тюремной иерархии, «неприкасаемый».

ПКТ помещение камерного типа, камеры для нарушителей режима внутри колонии. Обычно та же камера, что и ШИЗО, но в ней арестанту разрешено больше личных вещей: письма, книги, журналы, большее количество одежды, покупки в лагерном магазине и так далее. В ПКТ помещает начальник колонии на срок до шести месяцев.

Продол тюремный коридор, по обе стороны которого находятся камеры.

ПВР Правила внутреннего распорядка. Постановление МВД, которое подробно перечисляет, что можно и чего нельзя делать арестанту.

Режимники сотрудники режимного отдела ИУ, следят за соблюдением зэками Правил внутреннего распорядка, проводят обыски и так далее.

СИЗО следственный изолятор. Тюрьма, в которой находится заключенный в состоянии обвиняемых — до вынесения приговора. После вынесения приговора заключенный направляется отбывать срок в колонию.

УИК уголовно-исполнительный кодекс.

Хата камера.

ШИЗО (кича) штрафной изолятор. Камеры для нарушителей режима внутри колонии. В ней запрещены все личные вещи, отсутствует матрас для сна, прогулки. В ШИЗО помещает начальник колонии на срок до десяти суток.

Шмон обыск.

ШИЗО

«Кто не был на „губе“, тот не служил в армии», — часто говорят бывшие солдаты. Аналогично можно сказать: «Кто не был в ШИЗО, тот не сидел в тюрьме».

Без понимания того, что собой представляет штрафной изолятор, или, как его еще называют, кича, невозможно понять суть тюремной системы и многие поступки заключенных.

Согласно ПВР и УИК, штрафной изолятор — одна из тяжелейших мер дисциплинарного взыскания, которая должна применяться только за грубые нарушения режима. А поскольку определения «грубого» нарушения никто не давал, оно полностью лежит на совести начальника колонии, который и назначает это наказание.

Что такое ШИЗО? На территории колонии за дополнительным рядом колючей проволоки и КСП¹, как на острове, находится отдельный барак — барак ШИЗО/ПКТ, который является своеобразной лагерной спецтюрьмой. В этом бараке (в случае тюремного ШИЗО — это просто подвал), как и в обычной тюрьме, находятся камеры. В одну из таких камер после «дисциплинарной комиссии» и заводят нарушителя.

Представьте себе помещение длиной примерно два метра и шириной метр с чем-то. Дощатый пол. На этой небольшой площади находятся: нары, пристегнутые к стене (отстёгиваются контролёром снаружи, с продола), табуретка, столик «для приёма пищи», туалет (унитаза нет, есть «очко», огороженное с одной стороны стенкой около метра высотой), умывальник, небольшие полочки на стенах. Часто они расположены так, что по камере нельзя сделать и двух шагов, чтобы на что-нибудь не наткнуться. Под потолком висит лампочка, есть и «окно», если его можно так назвать. Между свежим воздухом и вами — стекло в раме, решётка с внутренней стороны и металлические жалюзи с внешней, чтобы заключённые не могли «срабатываться» — передавать что-то из камеры в камеру, а также для большего психологического давления, чтобы не было видно солнца и неба. Но администрация часто проявляет изобретательность и делает в «окнах» ШИЗО дополнительная решётку. Рекордсменами здесь можно смело назвать ментов ИК-9 (Горки), которые сделали в окне аж четыре решётки плюс стекло — солнечный свет в камеру почти не попадал — вполне возможно, они заслужили за такое «ноу-хау» похвалу от проверяющих из ДИН.

Перед заходом в ШИЗО заключённого ждёт обязательный шмон. Самое важное — практически ничего из одежды брать с собой нельзя, только свою «форменную» (в некоторых колониях и «форменную» нельзя — в изоляторе выдают особую, с надписью «ШИЗО» на всю спину). Вам разрешат взять только полотенце, мыло, зубную пасту, зубную щётку и туалетную бумагу. Даже станки для бритья можно не везде. В тех же Горках, например, тем, кто находится в ШИЗО, бриться в бане не дают, чтобы не разобрали станки на «мойки» и не использовали их, например, для того,

---

¹ Контрольно-следовая полоса — перекопанная полоса земли, на которой видны следы.

чтобы вскрыться (конечно, никто не думает об улучшении жизни эков, чтобы они перестали вскрываться — проще запретить бриться). Как результат, заключённые выходят из ШИЗО заросшие, как бармалеи.

Все остальное, что бы вы ни захотели с собой пронести (еду, сигареты, бумагу, ручку, письма, газеты, книги) «не положено». В ШИЗО вы должны остаться наедине с собой и, по замыслу тюремщиков, наверное, «думать о своем поведении».

Правда, хитрые зеки, которые не хотят избавляться сигарет на десять или более суток, делают так называемые «торпеды» — скрутки из сигарет, герметично запакованные в несколько слоёв целлофана, которые потом запихиваются в прямую кишку. Конечно, много сигарет так не влезет, поэтому упаковывать их в «торпеду» нужно очень плотно — это целая технология. В результате средняя торпеда из сорока сигарет имеет диаметр три-четыре сантиметра. Большинство эков не может взять с собой более трех торпед, но доводилось слышать об умельцах, которые брали до девяти штук. После «расторпедирования» сигареты надо где-то хранить, чтобы на плановом шмоне в камере их не нашли и не изъяли. Это тоже требует от эка определённой смекалки и хитрости.

В кормушку камеры ШИЗО трижды в день приносят еду. Ложку и миску иметь тоже нельзя — их выдают, а как поел — забирают. К 1998 г. эков в ШИЗО кормили так: один день давали пищу по сниженной норме (меньше, чем в отрядах), а второй день — только хлеб и воду. «День летный, день нелетный», — так называли этот порядок арестанты, большинство из которых выходили из изолятора после пятнадцати суток наказания, держась за стенку. В 1998 г. закон поменялся, но сниженная норма питания в изоляторах была оставлена до 2010 г. Теперь эков кормят одинаково как в ШИЗО, так и в отряде. Гуманизация!

Трёхразовое питание — почти единственное, почему, сидя в ШИЗО, можно более-менее точно узнать который сейчас час. Ведь часы в ШИЗО тоже запрещены. Также как и все, что может помочь убить время. С ШИЗО не выводят на свидания, телефонные звонки запрещены. Нельзя получать передачи, посылки, бандероли и письма. На прогулку не выводят — двадцать четыре часа в сутки находишься в бетонной камерке. Во весь рост перед узником встаёт вопрос: чем заняться? Ответ на него он должен найти, во-первых, если не хочет сойти с ума, во-вторых, чтобы время для него не тянулось с такой мучительной неторопливостью. Ситуацию осложняет то, что сидят в ШИЗО обычно по одному. Менты знают, что делают, ведь еще Дюма заметил: «разделенная тюрьма — это уже лишь наполовину тюрьма». Администрация лагеря с удовольствием даст вам почувствовать себя узником замка Иф и посадит к вам соседа только тогда, когда все другие камеры будут заняты.

Те, кто курит, решают проблему относительно легко: пока достанешь сигареты из «нычки», пока дождёшься, чтобы контролер прошел мимо глазка, пока покуришь в окошко, потом полотенцем развеешь дым по хате, чтобы не «спалиться» — уже какое-никакое занятие. Четыре-пять сигареток за день — время бежит. Тем, кто не курит, куда сложнее. Но в любом случае почти все формы времяпрепровождения в ШИЗО запрещены ПВР. За них можно получить дополнительное взыскание — например, продление срока в ШИЗО. Разговаривать с соседями через стены, окно или канализацию — запрещено, читать-писать — запрещено (даже если вы чудом что-то пронесли — у вас это заберут на первом же «шмоне»), спать — запрещено, а если вас

двое, и вы вылепите из хлеба шашки и решите в них сыграть, то и за это на вас могут наложить взыскание. «Не положено!».

Остаётся немного: ходить по камере из угла в угол, если «мебель» позволяет (обычно это пять маленьких шагов в одну сторону), заниматься спортом (если можно назвать «спортом» упражнения в помещении, в которое почти не попадает свежий воздух) или просто сидеть и думать... Лично меня спасала йога, медитация, мечты о будущем и длинные «пешие прогулки».

Но это — днём. Самое интересное в ШИЗО начинается ночью. Согласно ПВР, матрас, как и другие постельные принадлежности, заключённым в ШИЗО не разрешаются, вместо этого на ночь от стены отстёгивается нара. Заключённые же на ней никогда не спят — спят на полу, потому что там теплее. Если на улице не тридцать и более градусов тепла, то ночью вас ждёт отличное приключение под названием «Попробуй поспи». Мало того, что спать придётся на досках, что тяжело с непривычки, главное — холод редко даст вам уснуть более чем на тридцать-сорок минут. Проспав полчаса (зависит от температуры в камере), вы проснётесь от озноба и осознаете, что больше спать не можете, а также очень быстро уясните, зачем на «шмоне» с вас сняли все теплую одежду! Инстинкт выживания безошибочно подскажет вам: если невозможно поднять температуру окружающей среды, нужно поднять хотя бы температуру собственного тела, и вы начнёте делать упражнения из школьного курса физкультуры, чтобы хоть немного разогнать кровь по окоченевшим конечностям. Если вы успешно справитесь с этой задачей, то сможете поспать ещё полчаса. Чередовать спорт со сном вам придётся до самого подъёма, когда на завтрак баландёр принесёт вам горячего (если повезет) чайку и миску каши.

С течением времени набираешься опыта: заходя в камеру, заклеиваешь окно туалетной бумагой (хотя нет свежего воздуха, зато теплее), находишь места, где спать удобнее всего (я высчитывал их по стёртости краски на полу: где краска самая стёртая, там и нужно ложиться спать, ведь это говорит о том, что там спали многие до меня), заправляешь брюки в носки, чтобы уберечь крупницы тепла, делаешь из своих тапочек и свитков туалетной бумаги отличную подушку.

В любом случае, проснетесь вы разбитым, и весь день вам будет хотеться спать. Наконец, поддавшись этому желанию, вы приляжете на пол, и контролер с радостью напишет на вас акт о нарушении (еще не забыли? Спать днем запрещено!) А через несколько дней откроется дверь, и вам сообщат: «Такого-то числа в таком-то часу осужденный такой-то спал на полу камеры номер такой-то штрафного изолятора, чем нарушил пункт такой-то Правил внутреннего распорядка». И предложат расписаться за очередные десять суток. Особым шиком у ментов считается принести такую бумагу в последние часы, даже минуты, до освобождения, когда ты уже наперед смакуешь, как вот-вот попьёшь в отряде горячего кофе с шоколадкой и будешь спать эту ночь в тёплой и мягкой постели.

Сколько же можно держать заключенного в штрафном изоляторе? К 2008 году этот срок составлял пятнадцать суток. Потом с очередной волной «гуманизации» его снизили до десяти, но де-факто это ничего не изменило, так как речь идет о «одноразовом» наказании, за одно нарушение. А за «нарушения в ШИЗО» узника могут содержать там сколь угодно долго. «Спит на полу» — не единственный повод. В каждом лагере своя типичная отписка, которая стряпается на арестованного, чтобы

продлить его срок в ШИЗО. Где-то это «не произвел уборку», где-то – «расстегнутая пуговица»...

Никогда не забуду, как в ИК-17 в Шклове, где я попал в ШИЗО через два часа после того, как приехал в колонию, решил: ну, сейчас не дам им повода, буду делать все по уставу! Не будет чему придраться, и выпустят через десять суток! Крошечной тряпочкой вычистил всю камеру: убрал паутину, пыль, грязь, даже в тех местах где, уверен, их не убрали с момента сооружения барака. Вечерняя проверка. Открываются двери. В тесную камеру буквально врываются сразу три контролёра и ДПНК, и начинают остервенело мотать головой по сторонам, проводить руками по полкам, рёбрам нар, батареям, столику, наклоняться, забираться под столик и чуть не на четвереньках ползать, выискивая пыль и хоть какую-нибудь частичку грязи. Все тщетно — камера «сверкает». Тогда один из контролёров, тот, который перед этим проводил рукой по полке, на которой частично облупилась старая краска, нажал рукой и растер ее, частички краски остались на его руках:

— О! А вот и пыль! Составляем на тебя документ!

Что я им ответил, уже не помню. Но тот случай окончательно похоронил веру в то, что политзаключенному в зоне можно «жить-чтобы-тебя-нет-трогали».

Другой случай с ИК-9 (Горки). Парень, который знал, что менты на него злы и скорее всего захотят продлить ему срок пребывания в ШИЗО, намеренно вёл себя примерно — застёгивал клифт на последнюю пуговицу, не спал днём и так далее. И вот очередной день. Прошёл обед. Несколько парней, сидевших с ним в хате (он был не один), разлеглись на полу и «дают храпака». Открывается дверь, в хату заходит ДПНК. На тех, кто спит, он не обращает никакого внимания. Между ним и «примерным зеком» происходит такой разговор:

— А ты чего не спишь?

— А я не нарушаю распорядок дня!

— Не нарушаешь, да?... Ну тогда бумага на тебя, бумага!

И потом на дисциплинарной комиссии арестант может сколько угодно доказывать, что он не спал или еще чего-то не нарушал. Я не слышал и не видел ни одного случая, чтобы эти объяснения хоть раз помогли кому-то хотя бы снизить наказание, не то что избежать его.

В ИК-17 (Шклов) еще в былые времена, когда в зоне часто можно было встретить мобильные телефоны, оперативники вдалбливали зекам: за владение мобилой — тридцать суток ШИЗО! А как же тридцать, когда законом разрешено максимум пятнадцать? Получается, человек еще не попал в ШИЗО, а менты уже знают, что он совершит там «нарушение режима» и придётся докинуть ему еще пятнадцать суток?

Наглость ментов и привычность к беззаконию у зеков доходят до комического абсурда. Один из бывших сидельцев ИК-8 (Орша), рассказывал мне, как там ему добавляли суток в ШИЗО. На проверке в камеру заходит ДПНК, сверяет количество людей в камере по списку. Смотрит, кто в камере по расписанию дежурный, и, если это тот самый, кого оперативники приказали «отстрелить», говорит, даже не отрывая взгляда от списка: «Иванов, паутинка!» — и выходит. Это значит, что в камере под потолком висит паутинка (или ДПНК считает, что висит — а есть она действительно или нет, не играет никакой роли), и в этом виноват дежурный по камере, который плохо в ней убрал. Это значит, что на него составят акт о нарушении, который будет

рассмотрен начальником колонии на дисциплинарной комиссии, где сотрудники колонии, в свою очередь, будут решать вопрос о наложении на Иванова дисциплинарного взыскания. Но заключённому такое длинное объяснение ни к чему. Слово «паутинка» после его фамилии означает одно: его пребывание в ШИЗО продлевается минимум на десять суток. Но во время этого спектакля никто даже не задаёт вопросов, полное взаимопонимание!

Сколько я ни искал — не нашел правового акта, который бы ограничивал срок пребывания заключённого в ШИЗО без выхода. Максимальный срок, который я находился там безвыходно — двадцать суток, а общий мой «стаж» на момент освобождения подошёл к полугоду. Бывший политзаключённый Евгений Васькович без выхода проводил в ШИЗО могилевской крытой по тридцать суток, а в общей сложности отбыл там год. При мне одного парня держали в изоляторе шестьдесят суток без выхода — просто за то, что он не хотел подписывать «обязательство о правопорядочном поведении».

А мой сокамерник по все той же «крытой» в 2005 году высидел в ШИЗО без выхода сто восемьдесят суток! Раз в пятнадцать дней его выводили в штаб, чтобы там выписать очередное взыскание, и сразу заводили обратно. И так двенадцать раз...

Поэтому, если вам когда-нибудь придётся услышать от мента, бывшего или действующего, или от государственного журналиста, от продажного псевдоправозащитника о гуманных и европейских стандартах содержания в белорусских тюрьмах, просто расскажите им про ночные отжимания, сто восемьдесят суток в бетонной камерке и «паутинку»...

Июль 2016

Опер

Феномен советской и, увы, постсоветской реальности. Слово, знакомое каждому, кто лишён или когда-то был лишён свободы. Тот, кто обозначен этим словом, может быть улыбчивым молодюком с хитрым прищуром или предпенсионного возраста мужиком с сединой в волосах и усталым взглядом, крикуном с бегающими глазами или вежливым интеллигентом, смотрящим на тебя спокойно и сосредоточенно, слабовольным лентяем или фанатичным профессионалом — суть его была и остаётся одна.

Опер.

Во времена имперской России они звались жандармами, потом просто сотрудниками ЧК, УгРо и тому подобных структур, сейчас они – «оперуполномоченные». Интересно, а как зовут их в других странах? Агент? Инспектор полиции? Детектив? И тянется ли за ними такой кровавый след, какой на протяжении без малого 100 лет волочит за собой «наш» опер?

Официальные обязанности опера, прописанные в красивых законах: собирать оперативную информацию, контролировать оперативную обстановку и тем самым — способствовать выявлению преступлений, охраняя... «права и законные интересы граждан» (смех в зале). Но реальная деятельность этих парней с «холодной головой и горячим сердцем» (портреты автора этой метафоры – садиста Дзержинского – до сих пор являются обязательным атрибутом каждого оперского кабинета), конечно же, простирается далеко за пределы таких сухих и неинтересных формулировок.

Первая встреча с операми произошла 4 сентября 2010 года в кабинетах ИВС на ул. Окрестина, на следующий день после задержания. Два сотрудника с цепким взглядом и повадками хозяев жизни, Соколов и Ярошик, в течение многочасовых бесед пытались доказать мне, что стать мразью и предателем гораздо лучше, чем много лет сидеть в тюрьме. Один за другим обкатывались психологические приёмы: мне рассказывали, что они и так уже «всё знают», и мне надо лишь облегчить свою участь, сказав «всю правду»; что все друзья меня уже сдали; что меня используют, но они хотят мне помочь (ах, классика!), один даже признался, что в глубине души разделяет анархистские убеждения. С этого впоследствии начал беседу и КГБшник — видимо, таков их шаблон для работы с политическими. Заканчивали же они, как правило, живописанием ужасов, которые меня ждут в тюрьме и зоне, в очередной раз предлагая мне предать друзей ради спасения собственной шкуры.

Но что такое 10-15 часов допросов по сравнению с 5 годами, в которые опера стали моими постоянными спутниками?

Тюремный опер и опер из уголовного розыска и КГБ — суть один и тот же биологический вид. Они идентичны и взаимозаменяемы, но здесь я расскажу вам непосредственно о тюремном\зонавском опере, так как именно в повседневном контакте с

ним можно впитать порами, прочувствовать и, выстрадав, понять и на всю жизнь запомнить роль и место этих существ в нашем мире.

Во времена ГУЛАГа зэки, завербованные опером в лагере, подслушивали чужие беседы или сами, втираясь в доверие, вызывали человека на откровенность, результатом чего становились новые уголовные дела о «контрреволюционных заговорах», «антисоветской агитации», «подготовке к побегу» и т. п. В итоге жертва оперских выкормышей получала новый срок в довесок к старому или бывала расстреляна. И хоть сейчас такого уже нет, методы и суть оперской работы остались такими же. Опер в тюрьме и в зоне — царь и Бог. Он решает, где и с кем будет жить зэк, будет ли он получать передачи, иметь свидания с близкими, «кататься» в ШИЗО, и вообще, будет ему в зоне хорошо или плохо. Отрядный опер через завербованных им зэков (сук) дёргает за ниточки общественное мнение, и ему ничего не стоит сделать так, чтобы неугодного загнали в касту «обиженных» или просто начали систематически гнобить. В известном смысле опер значит даже больше, чем начальник колонии, ведь начальник — далеко, а опер всегда тут, рядом. В негласной иерархии администрации «исправительного» учреждения — режимного, оперативного, медицинского отделов, спецотдела, отдела исправпроцесса — оперативный отдел стоит на самом верху. Опер может всё. «Чтоб жить в радости и счастье, дёрни ручку оперчасти», «Запомни сам, скажи другому: путь в оперчасть — дорога к дому», — иронизирует арестантский фольклор.

Опер — это каратель для того, кто, по его убеждению, должен страдать, и гарант всевозможных благ и привилегий для своих сук. На ИК-15 (Могилёв) опер посадил меня на 5 суток в ШИЗО за «неправильный» разговор с приезжим ГУБОПовцем. Формальным поводом стало то, что я зашел к нему в кабинет в расстёгнутом клифте, то есть лагерной куртке (хотя все и всегда к нему так заходили).

На ИК-17 (Шклов) какое-то время зэкам было позволено выносить со свиданий неограниченное количество овощей и фруктов. Потом режимный отдел запретил — в рамках обыкновенного и непрерывного ужесточения режима в зоне. А опер через своих подручных пустил по зоне слух: «Это Дедка отец пожаловался, вот мы и запретили». Трудно представить себе более подлый способ поссорить человека с коллективом.

В Могилёвской крытой (Тюрьма-4) я как-то раз пожаловался оперу с красивой фамилией Лихута, что цензор, который работает под его непосредственным руководством, не пропустил мне шесть открыток из Швейцарии. «Как так? — говорю. — Там же ничего такого, обычные открытки с поздравлениями!» — «Хорошо, разберёмся», — был ответ.

В течение следующей недели цензор изъял три самых обычных письма от отца и жены. Фирменная фишка могилёвской тюрьмы: пустой конверт, а на нём степлером прикреплен листок с надписью: «Письмо не прошло цензуру». Это был намёк в оперативном стиле: довольствуйся теми письмами, которые получаешь, а то и этого лишим.

Опер — это иезуит. Моему соратнику Игорю Олиневичу на допросе в КГБ опера, «знатоки» анархизма доказывали несостоятельность анархистской теории: «ты же занимаешься карате. Оно иерархично!», чтобы хоть как расшатать уставшее сознание узника, подорвать его веру в свою правоту. Аналогично и мне в первые дни

после задержания, увидев, что «лобовая атака» не сработала, опера говорили: «А мы возьмём да и напишем на Индимедии, что ты всех сдал!». Уже упомянутый Лихута вёл со мной беседу, когда мне оставалось, как я думал, 3,5 месяца до освобождения: «Ну и какие у тебя планы на волю? ... поедешь, да? А работать где?... так там же всё дорого.». Желал удачи с доброй улыбкой. Несколько позже я узнал, что на момент беседы он уже 4 дня как направил на меня документы в Следственный комитет для возбуждения уголовного дела по статье 411, – то есть прекрасно зная, что я получу ещё год, он решил поддразнить меня мечтами о скорой воле, чтобы новость о добавке срока оказалась для меня ещё больнее. Пример того, как человек может истерически охарактеризовать себя одним лишь поступком.

Опер – это лжец. Ложь – его основное и любимое орудие для подчинения других и добычи «оперативной информации». «Только скажешь нам то и то – сразу тебя отпускаем. Даю слово офицера!» – часто говорят опера подозреваемым на допросах. Сколько наивных и доверчивых людей купились на это, оговорив себя, а порой, сами того не желая, и других! И вот человек получает свои 5, 10, сколько угодно лет – но не благодаря тому, что следствие собрало убедительные доказательства его вины, а благодаря своей доверчивости. Опер даст любое слово, поклянется, пообещает всё, что хочешь, назовёт тебя другом, скажет, что разделяет твои идеи, посочувствует, поругает власть – лишь бы получить от тебя те показания, что нужны ему, вне зависимости от того, правдивы они или нет. А получив, прикажет отвести тебя назад в камеру. Ты теперь – отработанный материал, а твоя душевная боль от обманутого доверия никого не интересует, главное, что дело клеится. Сколько благодаря таким обманам состряпано – на ровном месте! – уголовных дел, сколько «висяков» доведено до суда! А ведь покупаются на такое, что очевидно, никак не закоренелые преступники, а легковверные и более-менее порядочные люди, не имевшие ранее проблем с законом и не подозревающие, что его служители могут так цинично лгать.

Одного опера на ИК-15 (Могилев), который вечно уверял, что он «не имеет отношения» к тому, что меня в зоне прессует, я однажды прямо упрекнул: «Это не правда, ...евич. Вы меня постоянно обманываете». На что тот, улыбнувшись, ответил: «Обманывать – это моя профессия.»

При своей бесчеловечной натуре опер не может не быть ещё и расистом.

Одиозный ГУБОПовец Литвинский, беседуя со мной на ИК-15 (Могилев), пустился в критику «скинхедов», сказав сначала что у него «дед воевал», а потом добавив: «Я негров тоже не люблю. Но я же их ни бью!». Опер Шамёнов с ИК-17 (Шклов) долго рассказывал мне про своё видение теракта Андерса Брейвика: «Вот до чего мультикультурализм доводит!», – и гордо прибавлял: «А в Беларуси я могу ходить по улице и быть уверенным, что меня хачи не отп*здят!» По слухам, этот сотрудник был позже переведён в КГБ.

Опер – палач человеческих душ. На ИК-15 (Могилев) один парнишка жаловался мне, что опер склоняет его к сотрудничеству, требуя докладывать, о чем беседуют эки, где у кого «запрет» лежит и тому подобное. В противном случае обещал «жизни не дать». И не зря опер начал давить именно на него: тому парню позарез нужно было УДО – на воле остался маленький сын, а жена... сидела на Володарке. Он же изо всех сил избегал нарушений, старательно вкалывал на промке и целыми днями переживал за своих домашних. Опер, безусловно, всё это знал и потому остановил выбор

именно на нём. Я видел моральные мучения и метания того зэка: между семьёй и совестью, благополучием родных и возможными последствиями превращения в суку. Он пытался выкрутиться, рассказывал оперу какие-то малозначительные и общеизвестные вещи. Но этот вариант не прокатил. Вскоре меня вывезли с той зоны, и я так и не узнал, чем окончилась эта маленькая драма. Надеюсь, тот парень всё же понял, что предателем нельзя быть наполовину.

Бояться следует не тех, кто может убить тело, а с душой ничего не может сделать, **но тех, кто убивает душу** — понимаешь с опытом. В системе МВД есть как убийцы тел, так и убийцы душ. Все они: палачи из расстрельных команд и «оперуполномоченные» — получают деньги каждый за своё убийство.

Да, опер оставляет живым тело, организм, живущий на инстинктах и базовых потребностях, но это уже и не личность в полном смысле этого слова. Нюанс в том, что если в характере человека, попавшего в зону, изначально есть хоть малейшая гнильца, зерно подлости и непорядочности, то под бдительным надзором опера и его стараниями оно непременно разрастётся и высосет из человека всё хорошее, что в нём есть. Этому способствует сама атмосфера зоны, её моральный климат с императивом: «плюнь в ближнего, пни нижнего». А опер, без сомнения, ускорит рост этих всходов, подбирая удобрение каждому индивидуально, в зависимости от особенностей характера: кому-то таким послужит лишняя свиданка с женой, кому-то страх за собственную безопасность, кому-то авторитет, кому-то — УДО, кому-то достаточно пакета чая и пачки сигарет. Но результат всегда один: человек выходит на свободу насквозь прогнившим, беспринципным, ни во что не верящим. В его миропонимании стёрты грани между добром и злом. Всё это — результат работы «оперативного отдела исправительного учреждения».

Порой я думаю — а каковы они в обычной жизни? Ведь не все же они бьют своих жён, детей, обманывают друзей... Наверное и они способны любить близких, заботиться о них, быть хорошими для своих жён и матерей, от души смеяться, дружить, в общем, испытывать человеческие чувства. На праздниках, застольях, они, наверное, вполне искренне веселятся. Обнимая друзей и коллег, поют любимые песни с рюмкой в руке: «Да! И если завтра будет круче, чем вчера, „Прорвёмся!“ — ответят опера».

Конечно, прорвётесь. Бодрым строевым шагом.
В ад.

Март 2015

Режим

Есть явления жестокие. Есть явления бессмысленные. Но любые явления и вещи кажутся более жестокими, если они бессмысленны. Именно к таким и относится тюремный режим — Молох, в жертву которому приносятся психологический и физический комфорт узников, их душевный покой и самоуважение.

Человек, который впервые попадает в тюрьму, первое время находится в состоянии растерянности и сильного удивления. Своим умом нормальной, свободной личности он не может осознать тех вещей, которых от него требуют тюремщики, ссылаясь на загадочное «так положено».

Всё начинается со шмона. Удивление начинает преследовать заключенного еще в ИВС, когда на шмон перед поселением в камеру у него забирают поясной ремень и шнурки от обуви. Он спрашивает: «А почему мне их нельзя?» «Не положено!» — рычит в ответ мент. Позже от опытных сокамерников он узнает, что все время подтягивать штаны и ходить в кроссовках, как в смешных разлапистых шлепанцах, он будет потому, что на ремне или шнурках можно повеситься.

Но самое интересное его ждет в СИЗО, когда родные начинают носить ему передачи. Сигареты? Должны быть изъяты из пачки и положены в прозрачный пакет. Чай? Тоже только засыпанный в прозрачный пакет. Конфеты? С каждой должна быть снята обёртка (представьте, как нужно потрудиться, чтобы передать тридцатикилограммовую передачку). Газировку? Нельзя! Творог, молоко, сырки, сливочное масло — нельзя! Мед? Нельзя! Почему? «Не положено!» Что-то в стеклянной бутылке? Боже упаси! «Они же перережут друг друга!» Консервы в жестяных банках — нельзя, «заточку сделают».

И если вдруг родные пойдут по разного рода начальникам и начнут жаловаться, то им покажут длинный список разного рода постановлений и приказов, покажут ПВР и требования санстанции, из которых они узнают, что молочные продукты нельзя, так как боятся эпидемий, сигареты надо перекладывать, так как «вдруг вы там что-то спрятали», по той же причине нужно снимать обёртку с каждой конфеты, по той же причине каждое яблоко, апельсин, любой фрукт или овощ, который вы передадите узнику, будет проткнут шилом (и не важно, что «проживет» он после этого только пару дней), любая вакуумная упаковка — продырявлена, любая шоколадка — поломана чуть ли не до крошки.

Но что СИЗО! В колонии, куда арестант едет после приговора, его ждут новые открытия и новые недоумения. По приезду — обязательный шмон. Все «лишнее» отбирают и кладут на склад, где оно будет лежать до того момента, пока человек освободится. Это очень драматический момент для любого узника: все нажитое за год, а то и больше, все нагруженное сокамерниками, которые собирали его на этап, «летит» на склад либо в урну. Если это еда — ещё полбеды. Но самое обидное, если это одежда или обувь, купленные родными. В СИЗО, ИВС и некоторых зонах

разрешена обувь только без металлических супинаторов — ведь из них, опять же, можно сделать заточку. Для того чтобы узнать, есть ли у обуви супинаторы, вертухаи нещадно сгибают кроссовок или ботинок, ломают подошву и просвечивают ее металлодетектором. Если это твоя единственная обувь, выдадут сменную (так называемые «карантинки»), если же она куплена родными и они пытаются её тебе передать, её попросту вернут обратно — деньги потрачены зря.

ПВР ИУ (Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений) построены очень хитрым образом. Вместо того, чтобы перечислить список вещей, которые арестанту иметь запрещено, в них перечисляют вещи, которые разрешено иметь арестанту. Соответственно все остальное — запрещено, и за обладание вещами, которых нет в списке, можно попасть в ШИЗО.

Сказать, что список разрешенного недостаточен для нормального, достойного существования, особенно для тех, у кого длинные сроки, — это ничего не сказать. Взять хотя бы такую мелочь: каждый осужденный должен перемещаться по территории лагеря в форменной одежде (в робе, официально: в «костюме хэбэ»). Это установленная «форма одежды арестанта». Но робу нужно время от времени стирать. И если постирал, она должна высохнуть. В чем тогда ходить в столовую, на работу, да и просто по небольшому дворику у барака? Остаётся спортивный костюм. Но вот парадокс: наденешь спортивный костюм — «нарушение формы одежды». Получишь акт о нарушении и можешь загреметь в ШИЗО. И никого не интересует, что твоя роба просто постирана и висит мокрая на веревке. Но и не стирать нельзя. Если тебя увидят в грязной робе, то и за это могут составить документ о нарушении, так как «осужденный должен иметь опрятный внешний вид» (ПВР). Вот и крутятся зэки, как могут, чтобы и чистыми ходить, и в ШИЗО не попасть: кто «петляет» в столовую в середине колонны, чтобы не попасться на глаза контролёрам, кто просит робу поносить у кого-то из соотрядников. Кстати, иметь две робы также запрещено, найдут на шмоне — заберут, да еще акт могут составить (опять маячит перспектива ШИЗО). Этой проблеме — в чем ходить, когда постирал одежду, — уже много лет, но всем — от начальников отрядов до руководства ДИН — плевать на неудобства жизни каких-то там зэков. Проще десять, двадцать, тридцать человек «спецконтингента» отправлять ежегодно в ШИЗО, чем один раз изменить пару предложений в ПВР.

Эпопея с одеждой на этом не заканчивается. За несколько лет до моего освобождения буквально во всех зонах руководство развернуло целые «кампании» борьбы: с куртками на замках-молниях, со свитерами и мастерками под «костюмами хэбэ». Борьба с молниями велась просто так, чтобы унифицировать одежду заключённых. До поры до времени в лагере многие люди ходили в чёрных куртках на замках-молниях, переданных родными с воли, пока какой-то чин из ДИН не приехал с инспекцией и не задал вопрос: «А чего это у вас осуждённые ходят не по форме?» Ведь «по форме» — значит в неуклюжей телогрейке (которая не греет ни капли) на гнилой вате, в которой отваливаются пуговицы. И тут же началось безумие, сначала на одной зоне, потом на других: нормальные «вольнячие» куртки начали «отметать», вместо них выдавать телогрейки, а тех, кто пытался бунтовать, сажали в ШИЗО.

Борьба же с главными врагами «исправительного процесса» — свитерами и мастерками выглядела так. Осень (или весна), на улице холод. Отряд зэков выходит на работу на промзону и стоит на КПП в ожидании шмона. Каждого шмонают по

очереди и заставляют расстегнуть «костюм хэбэ». Если вдруг под ним мастерка или свитер — иди в отряд, снимай. Начинаешь возмущаться – в ШИЗО. И не важно, что на улице плюс десять, а под твоей «курткой хэбэ» только лёгкая футболка. И не важно, что после такой проверки зэки на промзоне будут целый день трястись от холода и пол отряда побежит в санчасть с простудой или гриппом. Зато любое начальство, посетив зону, будет удовлетворено: «Форма одежды соблюдена!»

Такие кампании на каждой зоне возбуждаются часто, хаотично и непредсказуемо. Щёлкнет что-то в голове Дорошко¹ – по зонам идёт циркуляр, и граждане начальники готовы демонстрировать служебное рвение. Сегодня — молнии на куртках, завтра — сапоги «неуставного образца», послезавтра — стальные ложки (у всех должны быть алюминиевые!), затем — кампания по борьбе с «выносом хлеба из столовой» (это когда выдают дисциплинарные взыскания за то, что свою пайку хлеба вынес из столовой в отряд) и так далее... Зэки определяют эти кампании по длинным очередям на КПП, где по рядам слышится раздраженный шепот: *«Опять?... Что, бл*дь, в этот раз..? Бирки на трусах проверяют, что ли? Сука, за*бали...»*

На ИК-17 (Шклов) заместителем начальника колонии был, а может, и сегодня есть, если не ушёл на повышение, очень старательный служака, Павел Николаевич Егулевский, по кличке Мерседес. Во время одной из таких компаний (тогда боролись со штанами неправильного фасона) он стоял с канцелярским ножом и прямо на КПП резал штанины зэкам. И одному из них таким образом разрезал ногу до крови. Парень оказался не из самых «прибитых», пошёл на принцип и начал отстаивать свои права, а его родные жаловались в различные инстанции. Но никакого результата это так и не принесло, Мерсу все сошло с рук.

Дальше — больше. Тенденция к усилению режима пробирается в каждую щель повседневной жизни арестанта. У каждого зэка есть прикроватная тумбочка. Думаете, там можно хранить все разрешенные вещи, которые хочется? Как же! Несколько лет назад в каждом спальном помещении повесили список того, что можно иметь каждому зэку в тумбочке. Список очень краткий: ручка (одна), тетрадь (одна), две книжки, конверт (один или два, уже не помню), одна пачка сигарет и одна упаковка чая. Все! Продуктов питания в этом списке нет. Вы спросите: а где же хранить все остальные вещи? Для этого, согласно мудрым постановлениям мусоров из ДИН, в каждом отряде существует «комната хранения личных вещей», либо, позековски, «кешарка», «бобовня», «каптёрка». Заведует этой комнатой каптёр — зэк, у которого имеются ключи от нее. Власть каптёра и его привилегированность очевидна. Дружить с ним — значит иметь твердый блат в отряде. Но что с того, что там лежат вещи? Что может быть проще, скажете вы – зашёл в любой момент и взял то, что тебе нужно, — нечего спальное помещение захламлять. Все так, но открывается эта комната... дважды в день, на двадцать-тридцать минут. И вы, конечно, не единственный из сотни зэков отряда, кто хочет зайти туда и что-то взять — новую пару носков, кусочек сала, книжку или пачку сигарет. «В комнату хранения личных вещей заходить по одному человеку!» — висит объявление на дверях. Наконец вы подловили момент, когда каптёр зашёл в каптёрку, отстояли свою очередь и прорвались в заветную комнату, чтобы открыть свой «кешер» и достать оттуда шоколадку, чтобы попить

---

¹ тогдашний начальник ДИН.

чаю с приятелем, или книжку, чтобы провести вечер в одиночестве. Схватил вещь, закрыл сумку и ушёл? Ага, конечно. В каждой сумке лежит опись личных вещей, вами же составленная при приезде в отряд. В ней записано все, от стержней для ручек до нижнего белья, карамелек, журналов или какого-то другого нехитрого скарба, нажитого в лагере. Если взял что-то — вычеркни из списка, если положил — обязательно впиши. Главное — не забыть это сделать, так как каждые несколько месяцев происходит «режимное мероприятие», а именно «смотр внешнего вида с выносом вещей». Отряд выстраивается на небольшом участке, каждый со своими сумками, и начальник отряда проверяет, у кого опись не совпадает с содержанием. Если что не так, составляется акт о нарушении. Пример, ставший в своё время хрестоматийным: Николая Статкевича посадили в ШИЗО за то, что количество его носовых платков в описи не соответствовало количеству их в кешере.

Нередко, как в любой бюрократической и иерархической системе, требования разных начальников входят в противоречие друг с другом. Это хорошо иллюстрирует случай с ИК-4 (Горки). В каждой камере ПКТ или ШИЗО стоит радиоточка (она включается или выключается с пульта контролёра), но без регулятора громкости: будешь слушать радио на той громкости, на которой включил контролёр. Но вдруг в учреждение приехала очередная проверка из ДИН. Большой начальник посмотрел на радиоточки в камерах и спросил: «А чего они у вас без регуляторов? Непорядок!» И сразу после его отъезда козлы и хозяйственная обслуга под руководством администрации поставили в каждой камере регуляторы. Зеки сидели довольные! Но прошло время, приехал уже другой начальник из того же ДИН. Посмотрел наверх и чуть не упал в обморок: «Вы что это им, регуляторы громкости поставили? С ума сошли, что ли?» В его понимании это был просто недопустимый комфорт, вакханалия гедонизма и безнравственности. Через считанные часы обслуга (те же зеки, конечно, что и ставили эти регуляторы) уже выдёргивали их из каждой камеры ШИЗО/ПКТ, коих было почти 20.

Но наивно было бы думать, что режим затрагивает только материальный аспект, что можно или нельзя иметь узникам. Как я уже говорил, его смысл в том, чтобы проникать во все сферы жизни. Уставом регламентированы подъём и отбой. Замешкался на несколько минут — получил акт и, возможно, ШИЗО. И если в лагере это ещё можно как-то рационально объяснить (отряду нужно идти в столовую, на работу), то в СИЗО строгое наличие подъёма и отбоя не поддается объяснению, особенно если камеры переполнены и половина их населения не имеет возможности спать ночью и спит днём. Не то что спать, даже лежать на кроватях днём также запрещено. И мозг человека, который только попал в тюрьму, отказывается понимать: почему? Кому будет хуже от того, что арестант в СИЗО (вина которого даже не доказана, он ещё обвиняемый, а не осужденный), приляжет на кровать днём, поспит? Да и что ещё делать в камере? Но нет, только попробуй, бдительный контролёр сразу врежет ногой в дверь: «Не спать!!!» В Жодинском СИЗО менты идут ещё дальше — на кровати нельзя сидеть с ногами (!). Но сидеть с ногами, поставленными на пол неудобно — у коек железные уголки, которые впиваются в бедра. Остальная «мебель», если её можно так назвать, очевидно, предназначена для кого угодно, но не для людей. Обитая железом, жесткая, разошедшаяся, или слишком высокая, или слишком низкая. Но привыкнешь, ничего не поделаешь...

В камере при каждом заходе администрации зэк должен сделать доклад. Выглядит он так: *«Гражданин начальник, в камере номер такой-то столько-то осужденных. Санитарное состояние в норме. Дежурный по камере такой-то. Жалобы и заявления отсутствуют»* (в различных учреждениях текст незначительно отличается). Особенно смешно данный доклад звучит в одиночной камере, когда чуть ли не годами сидишь один и два раза в день по проверке говоришь: *«дежурный по камере осуждённый Дедок...»* Будто вчера дежурил какой-то другой осужденный...

При взгляде со стороны отдельно взятые все эти правила и требования могут показаться незначительными. Ну, действительно, подумаешь, проблема: застегнуть пуговицу, когда проходишь мимо вертухая, потерпеть неудобства со стиркой робы, сделать доклад или убрать лишнее с тумбочки, тем более, что это же тюрьма, а не санаторий! Но это только на первый взгляд. Жизнь арестанта складывается вот из таких мелочей. Их сотни. И чем дальше, тем больше всё регламентируется режимом, что усложняет и без того не очень сладкую жизнь. И вот уже не остаётся места, где ты мог бы действовать спонтанно, даже в том, что касается застилания кровати или проведения свободного времени, которого и так немного. Каждую минуту тебе нужно оглядываться и думать: *«А правильно ли я сделал? Или не накажут меня за это?»* Конечно, на многие отступления от режима вертухаи не обращают внимания до поры до времени, пока не придёт разнарядка о том, что в ШИЗО мало народу, или пока конкретный зэк не начнёт отстаивать свои права. Тогда тебе быстро припомнят и то, что у тебя лишняя ручка в тумбочке, и что небрит, и что в камере висит паутина. Если же ты политический заключенный, то это тебе начнут припоминать с самого начала. Формулирование режимных требований таким образом, как это делается сейчас, значительно облегчает задачу отправки любого зэка в ШИЗО и вообще всестороннего прессинга. Не надо ничего выдумывать, фальсифицировать, просто подожди пару часов — зэк сам что-то нарушит, так как жить полностью по правилам невозможно. Логика режимников заставляет зэков воспринимать любой минимальный комфорт и любую возможность реализовать свои потребности как привилегию, для сохранения которой нужно вести себя тише воды, ниже травы.

С другой стороны, режим существует для того, чтобы унижить арестантов, заставить их почувствовать себя бесправными и зависимыми от администрации даже касательно самых элементарных нужд.

Как вы думаете, почему в СИЗО КГБ («американке») в половине камер нет санузлов? Неужели нет средств или возможности их поставить, и в двадцать первом веке в камерах стоит «параша», а «по-большому» выводят два раза в день? Ответ прост: арестант должен почувствовать, что даже отправление его естественных потребностей полностью зависит от администрации, поэтому подчиниться ей в остальном — лучший выбор из возможных.

И так во всем. Никогда не забуду, как мы стригли ногти в камере Володарки. Чтобы сделать эту нехитрую гигиеническую процедуру, которая на свободе не займёт вашего внимания ни на грамм, там надо было повернуть целую операцию. У нас в камере были кусачки для ногтей (конечно, запрещённый предмет). Сначала их нужно было незаметно для вертухая, который мог в любой момент посмотреть в глазок, достать из нычки, потом пронести в туалет («мертвую зону», которая не просматривалась из глазка), там — открыть краны и только потом начинать стричь ногти. Краны откры-

вались для того, чтобы шум воды мешал вертухаям услышать характерные звуки: «щелк! щелк!» и догадаться, что в камере — запрещенный предмет. Потом кусачки нужно было таким же образом положить на место.

Показательно, что на официальном уровне каждый запрет менты пытаются объяснить какими-то рациональными причинами: ремни нельзя, чтобы не повесились; творог нельзя, чтобы не отравились; одежду с молниями нельзя, так как все должны выглядеть одинаково; питание в тумбочках нельзя, так как «антисанитария» и так далее. Но не каждый запрет подведёшь под рациональную причину, как ни бейся. Зачем докладывать: «В камере один осужденный, дежурный по камере осужденный такой-то (он же)»? Почему не позволить зэкам сидеть с ногами на кровати? Разве это поставит кого-то в опасность? Ответы на эти вопросы можно найти. На помощь приходят внутренние документы ИУ, содержание которых мне довелось услышать лично. Во время пребывания в ПКТ на ИК-17 (Шклов), нам, опять же, «по режиму», включали выдержки из Правил внутреннего распорядка и различных других нормативных правовых актов. Кое- что из этого я записал дословно. К сожалению, не помню точно название этого постановления. Вот сидишь себе в одиночке, а металлический голос через динамик вещает:

«Режим исправительных учреждений [...] Исправительная функция режима состоит в отношении осужденного в установлении запретов и ограничений. Цель запретов и ограничений состоит в причинении осужденному страданий и переживаний, которые призваны заставить его задуматься о своем прошлом поведении.»

Когда я первый раз услышал это — не поверил своим ушам. А как же Уголовный кодекс, в котором черным по белому написано, что «наказание и иные меры уголовной ответственности НЕ имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства»? Наконец-то, во «внутренних» правовых актах, Система сама срывает маску и демонстрирует, что является истинной целью режима. И у зэка, который с первых дней заключения задается вопросом: зачем все эти правила, которые никак нельзя объяснить, оправдать или рационализировать, все становится на свои места. Они для того, чтобы ты страдал. А вся официозная болтовня вертухаев о «антисанитарии», «мерах безопасности» и так далее — не более чем пыль в глаза, которая пускается для того, чтобы придать хоть какую видимость легитимности и гуманности людоедской и бесчеловечной системе, цель которой одна: сломить твою волю через причинение страданий.

Интересно, что режим и его требования делают настоящими идиотами и без того не очень умных сотрудников ИУ. Однажды в Жодинской тюрьме нам удалось-таки затянуть телевизор в камеру. Но в бетонной коробке он очень плохо ловил сигнал, а перетащить его ближе к окну было невозможно: шнур был короткий, а удлинитель, конечно, «не положено». Так и остался он у нас посреди камеры. Но, когда он стоял на полу, его не было видно с других сторон камеры, надо было его как-то приподнять. Выбор у нас был невелик, и мы поставили его на перевернутый тазик. Через некоторое время в камеру заходят режимники со шмоном. У главного наглый взгляд: крутит головой, ищет, к чему придраться. Натренированный взгляд замечает отклонение от нормы — телевизор на перевернутом тазике:

— А что это у вас телевизор там стоит, на тазике?

— Не видно же его, когда на полу, а до стола шнур не дотягивается.

Выражение лица мента делается недовольным. Отступление от шаблона, нерегламентированная ситуация, надо срочно реагировать:

— Да это ведь тоже!... — на секунду лицо отражает напряженную работу мысли, поиск релевантной и правдоподобной придирки. — Износ тазика идет!

Когда закрылась дверь, мы хохотали с этого мента еще полчаса, он сделал наш день. Подытожили: вот это судьба, дожить до тридцати с копейками, чтобы шастать по камерам и рассказывать зэкам о «износе тазика». Что ж, таким можно только посочувствовать. Они создавали этот режим для нас, но теперь они, его слуги, еще менее свободны, чем многие зэки в тюрьме.

Июль 2016

Неприкасаемые в тюремной иерархии

Тема тюремной кастовой системы постоянно поднимается в СМИ, особенно тех, которые пишут про политических заключённых. Однако почти все, кто пишет на эту тему, знают о предмете в лучшем случае из рассказов бывших сидельцев, в худшем — из распространённых в обществе стереотипов. Как итог, часто имеет место множество грубых ошибок и введение читателей в заблуждение. Именно поэтому я решил написать данную статью, цель которой — пролить свет на некоторые аспекты такого сложного и многосоставного явления, как неформальная иерархия в тюрьмах Беларуси. На эту тему написаны не то что статьи (https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюремные_касты_в_странах_бывшего_СССР), но даже целые научные работы. И, конечно, я не стремлюсь в рамках одной этой статьи рассмотреть всё явление в его разнообразии. Речь пойдёт главным образом об одной тюремной касте, существование которой очень сильно характеризует систему в целом, и знания о которой критично важны для любого попадающего в белорусскую тюрьму, особенно политзаключённого. Это — так называемые «петухи» («обиженные», «опущенные», «гребни» и т. п.) Рассмотреть эту тему в отрыве от всей тюремной системы, не вдаваясь в детали организации карательного аппарата и социальных ролей каждой из тюремных каст, достаточно тяжело. Но всё же попробую.

Итак, из этого текста вы узнаете:

- как появилась каста «опущенных» в тюрьмах;
- каким образом в неё попадают;
- каково положение этих людей в тюрьме и зоне (исправительной колонии);
- какие функции выполняют эти люди в местах лишения свободы;
- почему существование этой касты жизненно важно сотрудникам администрации исправительных учреждений (ИУ).

Закончу я рядом советов мужской части читателей, ведь для любого мужчины, живущего в Беларуси, знания о тюрьме лишними не будут, особенно если он занимается протестной активностью.

Как появилась каста «петухов»

Начнём с экскурса в историю. Каста т. н. «петухов» традиционно ассоциируется с гомосексуальностью. И если подходить с этой точки зрения, то всё просто: проявления гомосексуальности в местах лишения свободы были всегда: и в царских

тюрьмах, и в ГУЛАГе. Ввиду крайне мачистского и гомофобного характера тюремных понятий и арестантской субкультуры, становится ясно, почему гомосексуал в тюрьме автоматически заносится в низшую касту «опущенных» — мачизму свойственно презрение ко всему женскому, низведение женщин до уровня недолудей, существ, не имеющих права на собственную волю. Это отношение переносится и на гомосексуалов. Собственно гомосексуалы — это меньшая часть касты «обиженных», в нее входит большое количество людей, совершивших проступки против неформального тюремного закона — «понятий».

И тут стоит отметить, что «петухи» как каста со строгими законами входа в неё и выхода (точнее, невозможности выхода) появилась не так давно. Она, например, не была свойственна царским тюрьмам и тюрьмам ГУЛАГа. Судя по тем источникам, которые читал я, появление касты тюремных неприкасаемых (в которую и входят гомосексуалы) относится к позднесоветскому периоду. Ряд исследователей считает, что появление касты заключённых, к которым нельзя прикасаться руками, является своеобразной реакцией воровского мира на «сучью войну» (<http://shalamov.ru/library/6/6.html>) — чтобы сохранить себя, «ворам» было необходимо выдумать альтернативный убийству способ наказания провинившихся. Другие пишут, что это стало реакцией на переполнение следственных изоляторов: в обстановке скученности и нахождения на виду у сокамерников в режиме 24/7 наиболее эффективным и жестким видом наказания будет являться всеобщее презрение и остракизм, экстремальная форма игнорирования.

О «мастях» — небольшой ликбез

Исторически в криминальном мире существует лишь три масти (или «образа жизни»): «вор», «мужик», «петух». По этим ступенькам можно спускаться вниз, от высшей («вор») до низшей («петух»). Вверх подняться нельзя. В современной криминальной субкультуре в Беларуси заключённые делятся на несколько иные касты, а именно: «блатной» («бродяга», «порядочный»), «мужик», «козёл», «петух».

«Блатные» — это профессиональные преступники, которые живут преступным промыслом на воле. Их задача — продвигать «воровскую идею», где бы они ни находились, налаживать «чёрный ход» (способствовать коррупции сотрудников администрации, переводить жизнь арестантов из русла официальных правил и установок в русло воровских понятий) и т. д. Согласно понятиям, только они имеют право перевести эка в касту «опущенных». Однако ввиду того, что далеко не во всех белорусских колониях есть «блатные» («воровское движение» Беларуси вообще находится в состоянии крайнего упадка), это правило не соблюдается и в «петухи» переводит кто попало: оперативник, «козёл», а то и просто «мужики» после коллективного решения.

«Мужики» — основное население тюрьмы. «Мужик» никуда не лезет, ходит на работу, ничем не интересуется, кроме того, как уйти на УДО. Находится под «перекрёстным командованием» сразу нескольких сил: «блатных» (если они есть), «козлов» и администрации ИУ.

«Козёл» (активист) — заключённый, сотрудничающий с администрацией в открытую. Это зэк, как правило, с большим сроком, которого администрация ставит на должность и даёт некоторую власть над другими зэками. Насколько велика эта власть, зависит от степени ленивости сотрудников ИУ. Мне известны случаи, когда «козлы» составляли на других зэков акты о нарушениях, сотрудники администрации же их только подписывали. Часто «козлам» позволяют бить других арестантов для поддержания субординации. И, конечно, вполне официально в обязанности «козлов» входит доносить на других заключённых. В ИК-17 (Шклов), например, один «козёл» мне прямо признался: «Мне мусора сказали за тобой смотреть». Ещё как минимум двое не признавались, но «работу» свою выполняли очень активно. В моём дисциплинарном деле об отправке на тюремный режим (крытую) лежат письменные показания моего соседа по комнате, в которых подробно записано, как меня привели в барак, как я себя вёл, с кем общался, с кем спорил, на какие темы высказывался и т. п.

Есть нюанс

Говоря же о касте «петухов», обязательно надо сказать, что помимо неё существует одна смежная «подкаста» — так называемые «отсаженные до выяснения», те, кто находится «на кружке». Объясню, в чем суть: допустим, против человека выставили подозрение о том, что он, к примеру, имел гомосексуальные контакты на воле. Но весомых доказательств этому подозрению нет, есть только слухи. В таком случае, пока не наберутся подтверждения или опровержения этого обвинения, человек находится «на кружке»: он ест отдельно от остальных и только из своей посуды (отсюда и фраза: «отсадить на кружку»). В таком положении человек может находиться годами, до тех пор, пока «блатной» («козёл», или даже оперативник — в зависимости от учреждения) не подтвердит обвинение — т. е. переведёт его окончательно в касту «петухов», либо не опровергнет его (т. е. переведёт официально в касту «мужиков»). Положение такого человека «на кружке» очень близко к положению «петуха», но не равно ему. Он не может пить чай с другими зэками и не имеет права голоса, однако назвать его «петухом» никто не в праве. И это *единственный случай*, когда можно перевестись из низшей касты в высшую. Зэк «на кружке» находится как бы на «карантине» — во избежание физических контактов с другими осуждёнными — вдруг он «петух» и этими контактами «зашкварит» остальных? Ведь тот, к примеру, попил чай с «отсаженным», сам автоматически становится таким. В остальных случаях «отсаженный» или человек «на кружке» равно понятию «петух» и попасть в эту категорию проще простого.

Каким образом становятся «петухами»

Идём далее. Вот вам исчерпывающий список случаев, в которых человека переводят в касту «обиженных» («в петушатню», «в гарем»):

— Пассивный гомосексуализм. Человек, признавшийся в гомосексуальных контактах навечно получает ярлык «петух», «пидор» и т. п. Активный гомосексуализм при этом считается нормой и вообще не причисляется к гомосексуализму. Хотя стоит отметить, что в последние лет 10 и это понятие стало изменяться — к тем, кто имеет сексуальные контакты с «петухами» в зоне относятся настороженно. Сам я неоднократно слышал мнение, мол «какая разница, „кто кого“ — и тот, и тот пидор». Однако, конечно, активного гомосексуала никто «петухом» назвать не вправе.

— Любые нетрадиционные сексуальные контакты с женщиной. Если зэк признается, что делал девушке куннилингус, либо же она делала ему минет, а после он с ней целовался\ел\пил из одной посуды — он «петух». Естественно, узнать об этом против воли самого человека почти нереально, поэтому в большинстве случаев люди попадают в «петушатню» после своих откровений. Нужно понимать: никто не в праве ни угрозами, ни хитростью расспрашивать вас о вашей сексуальной жизни. Об этом, кстати, в 1990-е был специальный «прогон» (малява, содержащая правовое нововведение) от «воров в законе», которые таким образом пытались бороться с чрезмерным количеством «петухов» в зонах. В некоторой степени с подобными проблемами пытаются бороться и сотрудники ИУ. Например, в Жодинской тюрьме перед тем, как ввести человека в камеру, с ним разговаривает оперативник и наущает: «запомни, х*й не сосал, п*зду не лизал!»

Сюда же стоит отнести общение с гомосексуалом по воле. Если кто-то вдруг обмолвится, что его друг — гей, то этого человека самого мгновенно определяют в «петухи».

— Любые контакты с калом\мочой и содержимым мусорок. Человек, облитый мочой, или тот, который совал руки в унитаз, автоматически становится «петухом». Поэтому, например, сантехники на большинстве зон считаются «отсаженными».

Примером может стать один достаточно известный случай в ИК-5 (Ивацевичи). В одном из отрядов был завхоз (главный козёл отряда), который долго и упорно доставал одного паренька, всячески издеваясь над ним и третируя. Тот, в отместку, прямо на утренней проверке, набрав банку мочи, облил его перед всем строем. Естественно, парня избили и посадили в ШИЗО (штрафной изолятор). Судьба завхоза, по идее, была предрешена, однако в дело вмешались оперативники, для которых, видимо, тот был ценным кадром. Они объявили зэкам, что завхоза облили... зелёным чаем. А кто будет говорить, что он «петух», будет бит. Закончилось всё тем, что с завхозом всё равно почти никто не общался. Парня же того перекинули на другую зону.

Также я лично знал «петуха», который попал в свою касту за то, что его во время драки на малолетке ударили головой об унитаз.

Что касается содержимого мусорок, то этим путём попадают в касту «петухов» те, кто чрезмерно хочет курить и ищет там бычки. Сюда же стоит отнести такие случаи, как неумышленные касания чьих-либо гениталий, например, у людей, поскользнувшихся в бане.

Правды ради, стоит сказать, что для людей с бо-лезнью иногда (в зависимости от адекватности тех, кто вправе решать) делается исключение. Например, если у человека недержание мочи, его не переведут в «петухи».

— Выполнение любой «петушиной» работы. Строго «петушиными» видами работ считается уборка туалетов (это относится к колонии; в СИЗО\крытой тюрьме уби-

рать туалет в своей камере может любой осуждённый), в некоторых зонах — ещё и умывальников, а также вынос мусора. Совершение этих действий автоматически перенаправляет человека в касту «петухов».

Вот вам пример, который произошёл в ИК-15 (Могилёв) в мою бытность там. «Мужик» стоял на проверке. Вдруг его «припёрло» — очень захотелось в туалет. Он побежал что есть силы, но не добежал — обгадился, не дойдя до унитаза. Будучи, видимо, человеком стыдливым и совестливым, решил за собой убрать. Взял швабру, тряпку... Это увидел кто-то из зэков и позвал завхоза, что называется, в свидетели. Завхоз пришёл и засвидетельствовал переход человека в «петухи».

Неформальная норма недопустимости уборок туалетов очень удобна для сотрудников ИУ, когда нужно посадить какого-нибудь зэка в ШИЗО (штрафной изолятор). В каждом отряде существует официальный график уборок, не учитывающий, разумеется, кастовую систему. При этом все в курсе, что туалет убирают только «петухи». Политзаключённого Игоря Олиневича много раз сажали в ШИЗО за отказ убирать туалеты. Естественно, любой зэк в здравом уме согласится отсидеть сколько угодно суток в крошечном холодном чулане и без личных вещей, чем стать «петухом». Сотрудники ИУ это прекрасно знают и с удовольствием пользуются таким удобным орудием для прессинга неугодных.

Аналогичный случай произошёл со мной в ИК-9 (Горки). Когда я в очередной раз отсидел в штрафном изоляторе, ко мне вскоре подошёл начальник отряда и сказал, что сегодня я по графику убираю умывальник и выношу мусор. Ещё заранее я навёл справки и узнал, что в этой зоне убирать умывальники можно только «петухам». Видимо, начальник отряда думал, что я этого не знаю и сейчас пойду чистить умывальник, поэтому в торжественной обстановке, собрав половину администрации колонии и местных козлов в свидетели, он указал мне на швабру и тряпку, предложив выполнить «дежурство по графику». Естественно, я отказался, после чего он не менее торжественным тоном сообщил: «На вас будет составлен документ об отказе выполнения дежурства». И вскоре я в очередной раз отправился греть своим телом доски в таком родном уже штрафном изоляторе.

— В «гарем» почти всегда попадают педофилы. Говорят, что в зонах насилуют насильников — однако это не так. Самое большее — с некоторыми насильниками кто-то из зэков может отказаться пить чай, но не более того. Что же касается педофилов, то у них более незавидная участь. Буквально до недавнего времени их принудительно переводили в «петушиную» касту ещё в СИЗО, даже не дожидаясь приговора. Однако веяние времени и тренд «всё по закону» и тут сыграл свою роль. Лично я встречал как минимум двух педофилов, которые не были «отсажены» и жили почти наравне с остальными. Конечно, вели они себя тише воды, ниже травы, и не каждый зэк разрешит такому присесть на свою нару или вообще с ним заговорит. Однако эта тенденция присутствует, особенно в зонах, где сидят «первоходы» (лица, ранее не отбывавшие наказания в колониях).

— В «гарем» попадает каждый, кто провёл некоторое время в камере с «петухами». Конкретный период времени тут варьируется. Кто-то говорит про час, кто-то про сутки. По понятиям, при попадании в такую камеру необходимо сделать так, чтобы «петухи» сами из неё ломались, оставив в ней «мужика». Однако понятно, что физически сделать это почти нереально.

— В «петухи» переводится любой человек, имевший физический (кроме сексуального) контакт с «петухом» либо пользовавшийся его личными вещами. На практике это выглядит так: по ошибке взял в руки посуду «петуха» либо поел из неё, попользовался средствами личной гигиены «петуха», обнял или поздоровался за руку, надел его одежду (специально или неумышленно), или попил с человеком чай, а он оказался «петухом» — и ты автоматически определяешься в эту касту.

Давать что-либо «петуху» можно. Брать у него что-либо — значит самому стать «петухом». Однако в этих правилах есть некоторые послабления, особенно в зонах строгого режима. Например, «петухи» за сигареты стирают вещи «мужиков», «петуху» могут разрешить сесть на нару «мужика» и так далее.

Часто пишут или говорят, что в «петухи» могут определить за какие-то неблагоприятные поступки против арестантского этикета. Раньше так и бывало, но не сейчас. По крайней мере, я не наблюдал ни одного такого случая. Того, кто ворует у своих, могут объявить «крысой» и всячески гнобить, того, кто сдал своих подельников на суде, могут за глаза называть «сукой» и так далее, но «опускания» за проступки — пережиток тех времён, когда в зонах Беларуси ещё были сильны воровские понятия.

Таким образом, понятие «законтаченности» чем-то сродни ритуальной нечистоты у иудеев, мусульман и парсов. И там, и там характерными признаками обычая являются иррациональность и суеверный страх перед «нечистотой». Только если, согласно Торе, человек, прикоснувшийся, например, к мертвечине, будет «нечист до вечера», то по понятиям человек, облитый мочой, будет «петухом» до конца своей жизни, даже если он освободится и заедет обратно в тюрьму через 30 лет.

Положение «петухов» в ИУ

Что представляет собой жизнь «петуха» в зоне? Если кратко, то это полный и крошечный ад. Согласно понятиям, «петух» не имеет никаких прав. Не имеет права спорить, отвечать на оскорбления, отстаивать своё достоинство, потому что считается, что достоинства у него нет. Его можно бить, унижать, насмехаться. Когда по коридору барака идёт обычный зэк и «петух», последний обязан прислониться к стеночке, чтобы не дай Бог не задеть «мужика», иначе он может быть бит. «Петухи» выполняют всю грязную работу: мытьё туалетов (а вы можете представить себе, что такое 8-10 «толчков» на отряд в 100 человек), вынос мусора и тому подобное. Некоторые «петухи» оказывают сексуальные услуги другим зэкам, зарабатывая таким образом себе на чай и сигареты (правда, надо сказать, что на тех зонах, где был я, сотрудники ИУ с этим борются и если найдут «петуха» и его клиента, предающихся «однополой любви», обоих посадят в ШИЗО).

«Петухам» дают женские имена, называют их «она» или «малая». Признаюсь, довольно дико и тошно наблюдать, как молодые ржущие зэки обращаются, например, к 60-летнему беззубому деду «Алёнка» или «Марина».

«Петухам» ни на секунду не дают забыть о том, кто они такие. В столовую они заходят последними, моются в бане тоже последними. В клубе и ленкомнате (комнате, где смотрят телевизор) для них — отдельная скамейка в самом неудобном

месте. Обращение «съ*бал на*й отсюда» в их адрес — вещь совершенно привычная и обыденная. Один уголовник мне упорно доказывал, что «„петухи“ — это не люди».

Однако ещё хуже, чем зэки, к «петухам» относятся сотрудники администрации. Контролёры, а часто и офицеры, всячески их третируют, публично оскорбляют, угрожают, а в случае чего могут и избить. Будучи бесправными людьми со сломанной волей «петухи» ещё реже, чем обычные зэки, отстаивают свои права. Как итог — больше половины самоубийств, которые происходили при мне в тюрьмах и зонах, совершали именно «петухи», хотя в процентном соотношении они составляют не более 3-5% от населения зоны. Что характерно, не лучше ситуация и в СИЗО, где «петухи» сидят в отдельных камерах. На «Володарке» такой «петушиной» камерой была 70-я. Как рассказывали парни, которые долго жили по соседству с ней, её обитатели резали себе вены едва ли не ежедневно.

Чем они занимаются?

Жизнь «на дне», постоянная ненависть и унижения едва ли из кого-то могут сделать высокоморальное создание. По моим личным наблюдениям, большинство «петухов» люди совершенно беспринципные, подлые, готовые на всё ради собственной выгоды. Хотя, конечно, данные качества не редки среди зэков в целом, среди «петухов» они, пожалуй, распространены гораздо больше. Абсолютное большинство «петухов» работают на администрацию: стучат, выполняют «оперативные задания», провокации и т. п. Необходимость как-то выживать в сверхагрессивной и враждебной среде лагеря толкает их к союзу с наиболее сильной стороной — сотрудниками ИУ. Поэтому большинство функций, которые выполняют «петухи» так или иначе навязаны им оперативниками. В официальные обязанности «петухов» входит уборка туалетов (никто кроме них делать это не возьмётся) и вынос мусора. Многие из них зарабатывают себе на жизнь и уборками в комнатах. «Петухов» делят на «рабочих» и «нерабочих». Первые — это те, кто за вознаграждение оказывает сексуальные услуги другим заключённым (чай, сигареты, сладости). Вторые — это те, которые этого не делают, и, следовательно, принудить их нельзя. Многие считают, что в «петухи» попадают через изнасилование в тюрьме или на зоне. 15-20 лет назад так оно и было. На сегодня же такое в тюрьмах Беларуси практически не встречается. По крайней мере я не знаю ни одного такого случая, и никто из тех, кто сидел со мной, ничего подобного не рассказывал. Также и случаев изнасилований «петухов» против их желания при мне не было. Сегодняшние зоны в гораздо большей степени находятся под контролем администрации, чем ранее, и «петух», которого изнасиловали, может просто написать заявление на насильника, и тому накинут срок.

В чём выгода администрации?

Наверняка, пока вы читали эту статью, у вас возник вопрос: а почему государство и, в частности, администрация ИУ позволяет существовать в местах лишения свободы дикарской средневековой кастовой системе с её неприкасаемыми, слугами и прости-

тутками? Ведь это негуманно, жестоко, и, в конце концов, не по закону, ведь согласно ПВР ИУ все заключённые должны подчиняться одним и тем же требованиям, и ни о каком делении на касты не может идти и речи. Неужели сотрудники ИУ не могут это пресечь и восстановить пусть строгую и жёсткую, но всё же дисциплину?

Ответ прост: им это не надо.

За достаточно долгий срок, проведённый в карательных учреждениях, я успел много где побывать и много кого увидеть. Я посидел в четырёх тюрьмах и трёх колониях, общался с простыми «мужиками» и «блатными», бандитами, наркоманами, «коммерсами» и «положенцами» («положенец» — это «смотрящий», назначенный на должность воров в законе), мошенниками и убийцами, козлами и даже «петухами», и, конечно же, очень много общался с сотрудниками ИУ. Много размышляя над тем, как устроена карательная система Беларуси, я пришёл к однозначному выводу: блатная и милицеевская системы руководства карательными учреждениями есть два столпа, которые поддерживают друг друга. Неформальная система понятий, придуманная «ворами», и Правила внутреннего распорядка сегодня скорее взаимно интегрировались, нежели находятся в состоянии войны и противоречия. Да, бесспорно, сотрудники ИУ насильно подчистили ту практику понятий, которая мешает управляемости и создаёт им неудобства. В частности — традиции взаимопомощи и солидарности среди зэков. В остальном мир профессиональных уголовников и мир МВД неплохо ладят. Они получают друг от друга то, что им надо: сотрудники ИУ — спокойствие в учреждении, отсутствие ЧП и управляемость (зачем рулить сотней зэков, если можно рулить одним «блатным»\козлом, который держит в страхе остальных?), а «блатные»\козлы получают привилегии и власть. Все довольны. Кроме, конечно, «мужиков», которые, как водится, оказались между двух огней и находятся, де-факто, в двойном подчинении. Многие старые арестанты, которые сидят уже более 10 лет и наблюдали за тем, как примерно с 2005 по 2010 годы все белорусские зоны из «чёрных» стали «красными», говорили мне в открытую примерно следующее: «А сейчас то же самое, что и раньше. Только вместо «блатных» — козлы. Если раньше водка и мобильники были у «бродяг», то теперь у активистов. Если раньше за косяки «мужиков» били «блатные», то теперь бьют козлы.

Что характерно, даже лица таких неформальных руководителей зачастую те же самые. Когда началась активная «ломка» зон и их перекраивание, как вы думаете, откуда оперативники брали верных и преданных активистов — завхозов и дневальных, готовых исполнить любой приказ? Их набирали из вчерашних «блатных», которые очень быстро предавали свою блатную идею, если им угрожали, например, отправкой в крытую или лишением привилегий, или же просто несколько раз сажали в их ШИЗО. Как результат, сегодня белорусскими зонами вместе с администрацией управляют заключённые, «твёрдо вставшие на путь исправления» — при этом забитые с ног до головы воровскими татуировками, с накачанными вазелином кулаками.

Несмотря на внешнее противоречие в функциях, слияние уголовного мира и сотрудников ИУ заметно не только на институциональном, но и на лингвистическом уровне. Ни для кого из сидельцев не секрет, что сотрудники администрации не менее активно, чем зэки, используют тюремный жаргон. Как я уже писал, тех же «петухов» они гнобят и унижают похлеще, чем уголовники. Да что говорить: среди самих же сотрудников ИУ существуют свои «отсаженные», являющиеся изгоями в кругу коллег.

В мою бытность на ИК-15 (Могилёв) там работал «отсаженный» контролёр. Коллеги не пили с ним чай, он был единственным, кто мог «шмонать» (обыскивать) «петухов». И такие случаи не единичны: на ИК-14 (Новосады), по рассказам одного моего сокамерника, был даже отсаженный офицер, о котором коллеги прознали, что он «неправильно» занимался сексом со своей женой. Как результат — они перестали пить с ним чай и стали демонстративно презирать, более того, даже зэки гнобили этого офицера совершенно безнаказанно. И таких примеров — немало.

Интересно, что многие зэки на волне ужесточения режима и относительного улучшения положения «петухов» (лет 20 назад их били гораздо чаще, могли также и изнасиловать) высказывали мне мнение, что скоро «„петухов“ не будет, потому что всех заставят убирать толчки». При этом часто добавляя, что, мол, власти нужно «выглядеть прилично перед Европой» (да, попадались и такие политические аналитики). Однако мне кажется, что этого в ближайшее время не произойдёт. Причина всё та же — существование касты «петухов» существенно облегчает управление зоной. Безо всякого сомнения, администрации белорусских зон могли бы заставить всех заключённых убирать туалеты и принимать пищу за одними столами независимо от «масти». Не будет по этому поводу ни бунтов, ни восстаний: максимум последствий, которыми чревато такое нововведение, — это несколько десятков особо упёртых сторонников протестов, которых придётся перевести в крытую. Большинство же зэков в Беларуси настолько забитая и бессловесная масса, что принудить их к чему угодно не составит большого труда. А если ещё и пообещать за уборку туалетов УДО — они побегут убирать их на перегонки. Однако, как видим, администрация не спешит этого делать.

Ещё один немаловажный момент: существование данной касты оказывает сотрудникам ИУ неоценимую помощь в прессинге заключённых, которые отказываются подчиняться. В любой зоне и тюрьме всегда находятся отдельные люди, которые отказываются играть по правилам, установленным милицией. Либо это асоциальные личности, которые «газуют» (т. е. пытаются жить строго по воровским понятиям), либо заключённые, пытающиеся отстаивать свои права, например, жалуются в различные инстанции, либо же те, кто лишь по факту своего статуса будут подвергаться в тюрьме гонениям, например политзаключённые. Так вот, многих из перечисленных категорий людей уже не запугать ни лишением передач и свиданий, ни ШИЗО, ни ПКТ (помещение камерного типа), ни «крытой», ни 411-й статьёй УК. Вопрос: что же с ними делать? И тут на помощь приходит последний аргумент — «петушиная» каста. И тут даже те, кто не боится ни изолятора, ни дубинок, безусловно, задумаются. Ведь жизнь в данной касте — самое худшее, что может произойти с арестантом. Человеку с чувством собственного достоинства находиться в коллективе, обладая таким статусом, становится практически нереально. А выхода прочь из этой касты не существует.

Мне приходилось общаться с бывшим заключённым ИК-2 (Бобруйск), которому начальник колонии, в ответ на требования соблюдать закон и не нарушать его права ответил: «Ты что, забыл, где гарем находится?» И это далеко не единичный пример. Про использование этого орудия против политзаключённых и говорить не приходится. Лично мне известно как минимум три случая, когда политзаключённых загоняли в «петушиную» касту просто за то, что они политзаключённые. Во всех трёх случаях

оперативная комбинация была очень похожей: по приезду политзаключённого в зону находится авторитетный зэк («блатной» или козёл), который выдвигает против того обвинение в «косяке»: сидел ранее в одной камере с «опущенным», либо пил из «петушиной» кружки, либо же общался с «петухом» на воле. Естественно, это обвинение не имеет ничего общего с реальностью. Но, как по мановению волшебной палочки, из-под земли вырастает один или несколько свидетелей, подтверждающих: «Да, пил-пил, я сам видел!», или «Да-да, полоскался с пидаром по воле, я сам видел!», – хотя «обвиняемый» этих людей и знать не знает. И вот — можно выносить решение, всё по понятиям! Результат: политзаключённый отправляется в «петушиную» касту, исполнитель («блатной» или «козёл») получает подачку в виде свидания или передачи, а хитрый оперативник, разработавший весь план, получает поощрение от начальства.

Меня, к счастью, эта участь миновала, хотя попытки, как я писал выше, были. Впрочем, очевидно, чёткой установки загнать меня в «гарем» у администрации не стояло, иначе они бы непременно это сделали.

Такое единодушие неформальных тюремных элит с администрацией в отношении политзаключённых вновь позволяет мне говорить о том, что иерархическая карательная система всегда действует в едином русле, когда необходимо подавление и выдавливание чужеродных элементов — потенциальных бунтарей, которые могут самостоятельно мыслить и отстаивать свои права. И, конечно, сами собой ложатся в эту канву аналогии с 30-ми-40-ми годами, когда уголовники приняли живое участие в ликвидации «троцкистов», «изменников родины» и прочей «58-й» (см. В. Шаламов «Жульническая кровь», Э. Эппбаум «ГУЛАГ», А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ, книга 3).

Да, эти две головы карательной гидры могут порой грызться между собой, но тем не менее они нужны друг другу, и в момент, когда необходимо будет уничтожение нам подобных, они непременно будут вместе.

Есть ли выход?

Здесь, думаю, будет уместно дать несколько советов, как поступать в случае, если вы, находясь в тюрьме, видите, что вас за неподчинение или за то, что «политический» (что чаще всего) пытаются определить или уже определили в «петушиную» касту.

Первое и самое главное — поменять своё отношение к происходящему. Всех нас, мужчин, учили, что «пидарас» — это обидно и мерзко, что быть таким позорно. И тут — коллектив взрослых и вроде как вменяемых мужчин говорит вам, что вы именно такой. Вам же необходимо в первую очередь понять, что в вашем текущем положении нет ничего постыдного или чего-то, в чём вы должны себя винить. Вы — не педофил, не насильник и даже не гей. Просто против вас использовали звериные кастовые нормы, господствующие в тюрьме, для того, чтобы сломать вашу волю и понизить ваш статус в глазах остальных.

Что же делать?

Если процесс ещё не зашёл в необратимую стадию, например, вас закинули в «петушину» камеру, или же зэки публично провоцируют, задавая каверзные вопросы, имеет смысл сопротивляться до последнего — драться, совершать членовредительство, провоцировать любые конфликты, лишь бы выйти из данной ситуации, показать свою решимость идти до конца, отвечать на агрессию ещё большей агрессией. Если же момент упущен и вы уже в данной касте, то вам остаётся требовать у администрации своего законного права на обеспечение личной безопасности (Статья 11 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) — перевода вас в безопасное место (как правило, в одиночную камеру). Согласно этой статье, *«при возникновении угрозы личной безопасности осужденного, он вправе обратиться с заявлением об обеспечении личной безопасности к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание. В этом случае должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности осужденного»*. Мне неизвестно ни одного случая, чтобы осуждённому отказали в таком требовании. Однако всё может быть, и не исключено, что для пущего эффекта человека, объявленного «отсаженным» и потребовавшего увести его из общего барака, могут специально там оставить — на ночь, например, дабы тот прочувствовал все прелести «петушиной» жизни. В этом случае, нужно быть готовым и к унижениям, и к драке, и к чему угодно. Опять же, это именно та ситуация, когда стоит идти на крайние меры в виде членовредительства или самозащиты всеми доступными способами. Стоит помнить — чем больше проблем вы создадите администрации, тем быстрее они обеспечат вам безопасность, ведь **пока что** перед администрациями ИУ не стоит цель физического уничтожения политзаключённых — речь идёт лишь о том, чтобы сломать морально. Лишний труп или инвалид в зоне им ни к чему.

Конечно, необходимо понимать, что обращение к администрации с заявлением о том, чтобы вас закрыли в одиночку, также является «косяком» с точки зрения понятий. Таких называют «ломанувшимися», «закрывшимися» и т.п. Согласно же понятиям, вы, если считаете, что вас «отсадили» «по беспределу» (т. е. несправедливо), должны найти вышестоящего в иерархии уголовника («смотрящего» или «вора в законе») и обратиться к нему с апелляцией, а уж никак не требовать от администрации посадить вас в безопасное место. Поступать так или иначе — решать вам. Однако моё мнение таково: апеллировать к понятиям, которые сами по себе являются инструментом ломания несогласных, как минимум недальновидно. Да и оперативники всегда найдут подход — «по-хорошему» или «по-плохому» — к любому уголовнику, который принимает решения. И между спасением вашей судьбы и собственным благополучием он однозначно выберет второе. Со мной, кстати, был подобный случай в мою бытность в «Тюрьме No4» (могилёвской крытой), где правили бал «блатные». Правда, эта история заслуживает отдельного повествования.

Самое первое, что нужно сделать в подобных случаях, — это обнародовать произошедшее с вами, сообщив адвокату и родным, чтобы информация попала в СМИ. Они пока что ещё являются для политзаключённых каким-никаким щитом от откровенного произвола, поэтому необходимо прямо и открыто говорить обо всём, что с вами произошло: не стыдясь рассказывать и о кастах, и о «понятиях», и о провокациях

оперативников. Ведь администрация, прессуя ээков подобным образом, как раз и играет на их мужских чувствах и ощущении стыда за то, что «я же теперь, как гомик». Благодаря этому абсолютное большинство подобных историй, происходящих, замечу, не только с политическими, никогда не выходят на волю. Люди просто стыдятся о них говорить, тем самым воспроизводя порочный круг молчания и позволяя сотрудникам ИУ и дальше использовать неформальные тюремные правила для давления на неудобных. Прекратить это можно, лишь начав говорить о проблеме вслух, поборов совершенно необоснованный стыд и страх.

Хотя побывать в подобном положении мне не доводилось, но вероятность того, что по КГБшной указке меня загонят «в гарем», я рассматривал постоянно. И путём долгих размышлений, наблюдений и анализа чужого опыта пришёл к выводу, что в случае чего буду вести себя именно так, как описано выше. Подытоживая, хотелось бы завершить это эссе чем-нибудь оптимистичным и жизнеутверждающим. Но реальность диктует немного другие тона. Количество людей, попадающих в тюрьмы за убеждения, постепенно растёт, а вместе с ними растёт и прессинг в местах лишения свободы. Немаловажной частью этого прессинга как раз и является та система каст и неформальной иерархии, которую я описал выше.

Уже не индивидуальная, а массовая система «отработки» особых категорий ээков апробируется на заключённых-наркоманах. В зонах ввели новшество: профилактический учёт для «экстремистов» — их заставляют носить жёлтые бирки¹. Логично предположить, что в свете радикального ухудшения социально-экономического положения в стране, следующими после наркоманов, для кого создадут отдельные зоны, как раз и будут «политические».

В общем, думаю, что всем нам, тем, кто сегодня стоит за перемены и свержение диктатора, стоит оставить иллюзии и понять, что легче не будет — будет только тяжелее. Безусловно, администрации ИУ продолжат использовать против политзаключённых прессинг с помощью воровских понятий — этот инструмент удобен и не раз доказал свою эффективность. Изменить ситуацию к лучшему может только слом архаичной кастовой системы, а для начала — слом молчания и табу на обсуждения этой темы в обществе.

12-16 июня 2016

---

¹ <http://abc-belarus.org/?p=6821>

Запах

Каждая тюрьма пахнет по-своему.

Вываливаясь из тесного автозака со своими клунками-кешерами, первое что видишь – изучающие рожи вертухаев. На подсознательном же уровне поры уже начинают впитывать запах той тюрьмы, которая станет на эти месяцы или годы твоим домом.

Володарка пропиталась тревогой. От «кабинетов» до «подлодки», от «сборки» до «кичи», от прогулочных дворишков до санчасти, от нового корпуса до «красного корпуса» – её бетонные стены, местами отделанные кафелем, дышат тревожным ожиданием, беспокойством за собственную судьбу, неуверенностью в завтрашнем дне, пугающей неизвестностью. Куда же опер кинет? В «братскую» хату? В «мужицкую»? Или, может в «пресс-хату»? Следак пришел! Что там? Очная ставка? Подельник стал меня сливать? Или, может, уже будут с делом знакомить? Адвокат! Чего так рано-то? Недавно ведь приходил! Может, у родных что случилось?

24 часа в сутки это место впитывает душевные волнения и нервозность тех, кто в нём заточён.

СТ-8, она же «Жодино», она же «Черный бусел» (романтическую кличку дали тюрьме, я так подозреваю, для пущего пафоса и важности, сами же менты по аналогии с российским «Черным лебедем») пахнет страхом. Он въелся в истёртые ступеньки, надраенные полы, бетонно-металлические камеры, выкрашенные бежевым стены и головы арестантов. На Жодино заключённых бьют. Корпусные и «резерв» бьют за отказ становиться на растяжку, за грубое слово в адрес контролёра, тюремные опера бьют за нежелание давать явки с повинной и за объявление голодовки. Жодино – «красная» тюрьма, в начале 2000-х в ней ломали во-ров в законе и всевозможных тюремных авторитетов. Их кровь продолжает пахнуть страхом, заражая им уже сегодняшних арестантов и опьяняя вседозволенностью вертухаев.

Могилёвская крытая – официально «Тюрьма №4» – пахнет сном. Персонал спокоен и невозмутим (хотя бывают и исключения), на проходах тихо, никто никуда не торопится: в воздухе витает сонная и флегматичная атмосфера. Примерно за час до отбоя по каждому продолу в крытой расстилается длиннющий ковёр: чтобы заглушать шаги контролёра. Я так и не выяснил для себя, зачем же это делается: чтобы громкими шагами не мешать зэкам спать или же чтобы те не слышали, как вертухай подкрадывается к двери и подслушивает, о чём беседуют в камере?

Ночью на этаже настолько тихо, что, лёжа на наре, слышишь, как вертухай готовит себе чай. Вот он закипятил электрочайник, залил кипятком, насыпал сахар, размешал... сёрбнул из кружки...

Интересно, ведь и в Могилёве зэков бьют, ведь и там кто-то ждёт нового срока. Но всё же – атмосфера совсем другая. Быть может это оттого, что половина тамошнего

населения — люди со сроками от 10-ки и больше? Им уже надоело бояться, незачем нервничать и нечего ждать...

Есть такая программа – «Битва экстрасенсов». Однажды, смотря на колдунов, делающих пассы руками и загадочно вглядывающихся вдаль, я подумал: вот бы они умели своими глазами видеть энергетику зданий и мест! Тогда над каждым из этих строений: Пищаловским замком, бывшей психиатрической лечебницей, переоборудованной в могилёвскую тюрьму, тюрьмой в городе Жодино – в местах, где злая воля людей, однажды причинивших боль своим ближним, встречается со злой волей государственной системы, синергетически умножая друг друга, – они бы увидели огромную, на полнеба, чёрную воронку, секунда за секундой вытягивающую жизнь из тех, кто под ней оказался.

Июль 2016

Бунт против божественной иерархии

Эту небольшую статью я написал примерно на третий месяц пребывания в одиночной камере ПКТ шкловской колонии. Основой для неё стала широко известная в прошлом книга Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции», в которой изложен ряд древнегреческих мифов – пусть в достаточно усечённой и местами цензурированной форме.

Пребывание в одиночной камере приводит к тому, что вся энергия человека направляется внутрь: как правило, на мыслительный процесс. Не в силах обсудить свои мысли с кем-то, арестант изливает их на бумагу. То же было и у меня: ввиду отсутствия интеллектуального общения и возможности поделиться своими идеями, я оформлял их в какие-то статьи и заметки, чем убивал сразу двух зайцев: не позволял мозгу деградировать и давал выход жажде деятельности.

Конечно, эта статья не тянет на исследование, скорее, это просто небольшой аналитический набросок, рефлексия о прочитанном. И хотя тематика тюрьмы прямо в ней не затронута, я решил включить её в сборник: некоторые из высказанных мыслей могут оказаться кому-то интересны. И пусть профессиональные историки простят меня за несколько вольное обращение с мифологическим материалом.

Вступление

Древнегреческая мифология, будучи одновременно и религией, безусловно, исполняла и идеологические функции — те же, что религия в любом классовом обществе: обоснование социального неравенства, поддержание существующего государственного устройства, закрепление иерархии в умах людей.

О том, что греческий Олимп и схема его взаимодействия с земным миром отражает, как в зеркале, земное общество с его системой классового господства, сказано и написано немало. Подобно земным правителям, боги Олимпа требуют от людей безоговорочного признания своего превосходства, а также поклонения и материальных жертв. В случае неподчинения человека ждёт жестокая кара. Да и на самом Олимпе равенства не наблюдается. Есть главные боги и есть подчинённые. На самом верху этой пирамиды стоит Зевс.

Но, как и в земной жизни, в греческой мифологии обязательно найдется белая ворона, «деструктивный элемент», способный разрушить вековечный порядок. В нашем случае это либо тот, кто из самоуверенности и тщеславия заявит, что он равен богам и ничуть их не боится, либо тот, кто из стремления к справедливости потребует общественного равенства. И то и другое по тогдашним меркам — страшное кощунство. Любой бунт, будь то восстание масс, защищающих свои права, либо частная инициатива низкородного властолюбца, взявшего «не по чину», подлежит

усмирению, а сам инсургент — наказанию. Однако сам факт наличия подобных сюжетов в древнегреческой мифологии свидетельствует о неистребимом, идущем сквозь века стремлении человека сбросить ярмо угнетения и несвободы в реальном мире, каким бы божественным ореолом это ярмо не осенялось.

В древнегреческой мифологии, таким образом, мы без труда находим события и персонажей, не признающих верховную власть богов и их родственников-полубогов, являвшихся, обычно, земными правителями. Рассмотрим самые характерные мифы этой тематики.

Сыновья Алоэя

От и Эфиальт — сыновья Алоэя, рожденного, в свою очередь, от Посейдона и Канаки. Два этих сына были горды и не желали подчиняться никому. С детства они были храбрыми и сильными, отличаясь при этом необычайным ростом. Свое противостояние с богами они начали с того, что сковали цепями и заключили в темницу Ареса, бога войны. В темнице Арес томился долгих 30 месяцев, пока его не освободил Гермес.

Осмелев, От и Эфиальт стали грозить остальным богам:

– Дайте нам только возмужать, мы нагромоздим одна на другую горы Олимп, Пелион и Гессу, взойдем к вам и похитим у вас Геру и Артемиду!

Ответом на эти, уже нешуточные, угрозы, стали стрелы Апполона, пронзившие бунтарей. Отметим особо — сыновья Алоэя были из числа смертных.

От и Эфиальт умерли сравнительно быстро, и поэтому, как увидим позже, по сравнению с другими непокорными им еще повезло.

Арахна

Арахна — лидийская ткачиха, чьи работы славились на всю округу. Однажды, в пылу тщеславия, она заявила:

– Пусть приходит сама Афина-Паллада состязаться со мной! Не победить ей меня.

Афина явилась к Арахне под видом сгорбленной старухи, но прежде чем наказывать ткачиху, решила попробовать обойтись воспитательными мерами, а именно посоветовала Арахне состязаться лишь со смертными и поскорей молить Афину, чтобы та простила её надменные слова. Арахна не вняла совету старухи, грубо пресекала ее и лишь посетовала: «Чего же Афина не идет?» Тогда богиня приняла свой истинный образ. Нимфы и лидийские женщины тут же склонились перед Афиной и славили ее. Но не такова была Арахна — она проигнорировала богиню, не воздав ей ни малейшей почести, и только настояла на скорейшем начале состязания. Обратим внимание: судей на нем не было, они не избирались и не были назначены, хотя, казалось бы, куда в этой ситуации без них.

Афина сплела полотно с изображением своего с Посейдоном спора за власть над Аттикой. А по углам полотна она изобразила, как боги карают людей за непокорность (прозрачный намек). Арахна, в свою очередь, выткала на полотне сцены из жизни

богов, где, однако, боги были представлены одержимыми человеческими страстями (а именно такими боги, заметим, и были на самом деле) и вообще без должного к ним уважения. Отмечается, работа Арахны по совершенству ничуть не уступала работе Афины. Что же делать богине? Как быть? Признать свое поражение? Конечно, это было немыслимым. Решение Афины было простым, как вертикаль власти. Она ударила Арахну челноком, а полотно лидийской ткачихи разорвала. Не вынеся позора, Арахна свила веревку, сделал петлю и повесилась. Однако мстительной Афине даже такой исход показался недостаточно назидательным. Она достала Арахну из петли, оживила и превратила в паука, обрекая, тем самым, на пожизненное занятие ткачеством.

Весь этот миф — просто-напросто квинтэссенция вопиющей несправедливости, основанной на «природном» неравенстве. Посудите сами, Арахна, вызвав Афины на честный поединок, рассчитывала на то, что и между богами и людьми должны быть единые для всех «правила игры», и что и ей, смертной, может достаться победа, если объективно она одержит верх. Такой взгляд на веди предполагает большое доверие к сопернику, игру «на честность», ведь, вспомним, даже судей на состязании не было. Таким образом, поступок Афины выглядит вероломным и предательским, что, впрочем, саму Афины ничуть не смутило. Богиня доступно показала и Арахне, и всем окружающим, что она не Руссо и не Вольтер, и принцип равенства всех перед законом чужд ей в принципе. Зато вполне приемлемо «право сильного». Ведь, применив насилие в случае, когда ее соперница, как минимум, не проиграла, Афина подчеркнула изначальное, «неоспоримое» неравенство богов и смертных, в связи с которым вторые не могут рассчитывать даже на малейшую толику справедливого отношения со стороны первых. Этот миф всем своим содержанием как бы утверждает: «будь ты хоть семи пядей во лбу, будь ты хоть сто раз прав, боги все равно могут растоптать тебя просто потому, что они — боги».

Прометей

Прометей — титан, сын богини Фемиды. В прошлом союзник Зевса в битве за власть на Олимпе, он впал к громовержцу в немилость за приверженность идеалам гуманизма. Живя на Олимпе в атмосфере вечного праздника, ни в чем не нуждаясь, он пожалел простых смертных. Видя страдания, на которые они обречены богами, он похитил из кузницы своего друга Гефеста (кстати, сына Зевса) огонь, после чего доставил его людям. Мало того, Прометей, спустившись на землю, продолжал оказывать помощь смертным: одомашнил дикого быка, впряг лошадь в колесницу, научил людей искусствам, чтению, счету, письму, кораблестроению, открыл им силу трав.

Обратим внимание на то, что Прометей не просто дал людям какой-то разовый инструмент для облегчения жизни, а помог им усмирить силы природы, которые в то время отождествлялись непосредственно с силой богов. Тем самым Прометей сделал их гораздо более независимыми. Входило ли это в планы Зевса? Едва ли. Его слуги привели Прометея к скале, а приковать его к ней было поручено его же другу Гефесту, он же должен был пронзить грудь Прометея, прибив его к скале остриём. Мучаясь

угрызениями совести, но не в силах противиться воле отца, Гефест проделывает все это.

Но есть ещё один аспект, не дающий Зевсу покоя, умножающий его гнев и подозрение к Прометею. Прометей знает тайну: как и когда Зевсу суждено быть низвергнутым с Олимпа, лишившись власти. Зевс рассчитывает, конечно, выпытать эту тайну у Прометея.

Один за другим посещают Прометея разнообразные божества: Океан, Океаниды, Гермес, на все лады уговаривая его покориться и открыть Зевсу тайну. Но Прометей остаётся непреклонен. С Гермесом он вообще был предельно прямолинеен:

— Я не променяю своих скорбей на рабское служение Зевсу. Мне лучше быть прикованным к этой скале, чем стать верным слугой тирана Зевса. Нет такой казни, таких мук, которыми бы мог он утратить меня и вырвать из моих уст хоть одно слово!

Ну чем не революционер?

За эту непокорность Зевс низвергает скалу с Прометеем в вечный мрак, где тот проводит долгие века. Подняв его вновь, Зевс уже готовит Прометею новую проверку на прочность революционного духа. Каждое утро к скале прилетает орел, который улетает, лишь выклевав Прометею печень.

За ночь печень отрастает, и с утра пытка повторяется. В то время, как низвергнутые Зевсом в период борьбы за власть титаны уже прощены и возвращены из Тартара на поверхность, как признавшие власть громовержца, Прометей остаётся непреклонным и с гордостью переносит свои страдания (заметим, участь заядлых врагов Зевса оказалась куда завидней участи попавшего в немилость союзника...) К нему приходит мать — Фемиды и герой — Геракл, и все просят об одном: признать итоги выб..., тьфу, то есть признать Зевса верховным правителем и открыть ему Тайну. По-рыцарски отнёсся к Прометею Геракл: убил орла, так долго терзавшего титана. Тут же с Олимпа прилетел Гермес и в очередной раз пообещал Прометею свободу в обмен на Тайну. И тут в борце за справедливость что-то надломилось. Прометей сказал Зевсу, как избежать свержения: олимпийскому альфа-самцу всего лишь надо держаться подальше от морской богини Фетиды, ибо любой сын, рожденный ею, будет могущественней отца.

Так Прометей обрёл свободу взамен на исполнение воли Зевса.

Миф о Прометее примечателен именно мотивацией, подвигшей героя на преступление против божественного порядка управления. Это не похоть и не упоение своей молодецкой силой, как у Ота и Эфлты, не самолюбование, вызванное наличием выдающихся художественных способностей, как у Арахны. В случае с Прометеем мотивация — живое сострадание, любовь к людям, чувство справедливости и неприятие рабства. И не важно, что Прометей, спустя долгие века, сломался, не выдержав мук. Отметим особо: будучи бессмертным титаном, он имел всё, был обласкан правителем и был вхож в высшие эшелоны власти. Однако всем этим о пожертвовал, чтобы чуточку уменьшить страдание людей в этом мире. Скажем прямо: Прометей — первый известный нам гуманист.

Терсит

Вершиной эгалитарных эпизодов мифологии Древней Греции, на мой взгляд, является эпизод из Троянского цикла с воином по имени Терсит в главной роли. Речь здесь идёт уже не об индивидуальном бунте, а о попытке поднять народное восстание. Но обо всем по порядку.

Напомним фабулу Троянского цикла: сын царя Трои, Парис, посетив в Лаконии дворец местного царя, Менелая, будучи принят как почетный гость, вероломно увез из дворца его жену — прекрасную Елену (кстати, внебрачную дочь Зевса). Менелай стерпеть такого унижения не мог и, посоветовавшись со своим братом Агамемноном, решил пойти войной на Трои, дабы отомстить Парису и вернуть свою жену. Привлечь к этому походу в качестве хедлайнеров ему удалось едва ли не весь пантеон тогдашних героев: братьев Аяксов, Одиссея, Ахилла и многих других. Все они были высшей аристократией, сыновьями и внуками царей, а также богов и полубогов — обратим внимание на этот факт, он предельно важен. Помимо их, в походе приняли участие 100 тысяч воинов — очевидно, не аристократов, а свободных горожан и земледельцев. Осада Трои длилась 10 лет. На десятый год как раз и произошло интересующее нас событие.

Агамемнон решил в очередной раз напасть на троянцев под стенами города. Однако прежде он пожелал испытать свои войска на верность. Созвав народное собрание из всех имевшихся воинов, он обратился к ним, говоря о тяготах войны, бесплодности осады и о том, что, видимо, богам угодно, чтобы греки победили. Реакция воинов была мгновенной: как всколыхнувшееся море они бросились к кораблям, радуясь возможности вернуться на родину. Оно и понятно — простой парень из эллинской глубинки едва ли страстно желал драться и умирать ради амурных предпочтений местного царька.

Тут на сцену вышла уже знакомая нам Афина-Паллада. Отметим, кстати, важный момент: миф о Трое это не сказка, не плод фантазии автора а, скорее, мифологизированная история — ведь он, не смотря на наличие сказочных персонажей, основан на реальных событиях. Так что и рассматривать произошедшее в дальнейшем мы будем как летопись исторических событий.

И вот, явившись к Одиссею, Афина-Паллада говорит, чтоб тот скорей вернул воинов на место. Дважды повторять Одиссею не надо. Выхватив у Агамемнона скипетр (знак верховной власти), царь Итаки стал активно убеждать воинов вернуться на собрание, столь активно, что скипетр ходуном заходил по спинам и головам дезертиров.

Автор умалчивает о том, были ли жертвы от этого «убеждения», но мне представляется, что не убив одного или нескольких воинов Одиссей едва ли мог остановить такую массу людей. А это у него получилось: воины вернулись на собрание и затихли, и лишь один Терсит не угомонился и стал кричать. Терсит, сообщает автор, всегда смело выступал против царей (правды ради заметим, что Терсит сам был родственником Диомеда, царя Аргона). В этот раз он ополчился против Агамемнона, говоря, что тот уже взял себе много добычи и невольниц, и пора бы уже насытиться, а им, простым воинам, пора вернуться на родину. Агамемнона же оставить под Троей одного — пусть воюет! А теперь вспомним, кем приходились большинство царей богам и станет понятно, как далеко замахнулся Терсит, на кого возвысил голос. В принципе,

все в словах Терсита было логично и справедливо, однако дальше начинаются совсем уж странные вещи. К Терситу подошел Одиссей и сказал:

– Не смей, глупец, поносить царей, не смей говорить о возвращении на родину! Если я еще раз услышу, как ты, безумец, поносишь царя Агамнемона, то пусть лучше снесут мне с могучих плеч голову, пусть не зовут меня отцом Телемаха, коль не схвачу я тебя, не сорву с тебя всю одежду, и, избив тебя, не прогоню от народного собрания к кораблям, плачущего от боли.

В подтверждение своих слов Одиссей огрел Терсита скипетром по спине, да так, что у того из глаз хлыли слёзы. Далее, по словам автора, все громко смеялись и, глядя на Терсита, говорили:

– Много славных дел совершил Одиссей и в совете и в бою, но это славнейший из его подвигов. Как обуздал он крикуна! Теперь не отважится он больше поносить любимых Зевсом царей.

Тут, мне думается, автор очень грешит против истины, выставляя всех греческих воинов безнадежными идиотами без собственного мнения. Посудите сами: еще несколько минут назад воины рвались к своим кораблям, позабыв о «любимых Зевсом царях», и только грубая сила и авторитет Одиссея смогли вернуть их на место. И тут же тысячи воинов, только что мечтавших поступить так, как предлагает Терсит, начинают смеяться над ним, хотя он выразил чаяния всех и каждого из них. Не будем забывать, что зачастую исторические события в летописях и мифах изменяются в угоду правящему классу, в нашем случае — в угоду царям-аристократам и их родне, которые, конечно, были заинтересованы в том, чтобы очернить Терсита, выставив его таким фриком, крикуном, которого бьют смеха ради. Скорее всего поступку Одиссея обрадовались и громко хвалили его такие же, как и сам он: цари, «голубая кровь» греческого войска, и, возможно, приближенные к ним воины из рядовых. Простые воины, мне думается, с грустью смотрели на эту сцену, но не решались открыто выступить в поддержку Терсита: за 9 лет осады они привыкли подчиняться своим вождям, да и к тому же прекрасно понимали, что в случае бунта Одиссея незамедлительно поддержит верхушка армии — отлично экипированные и опытные воины-аристократы и их приближенные. Поэтому именно сжавши зубы от злости и страха, а не весело хохоча, смотрели рядовые на унижение Терсита; такая версия, на мой взгляд, куда более правдоподобна.

Но на этом история Терсита не закончилась.

Из далекого Понта на помощь троянцам прибыли амазонки — в очередной раз закипел бой, в котором женщины сражались под предводительством царицы Пенсефилии. В пылу сражения она была убита Ахиллом. Глядя на Пенсефилию, Ахилл понимает, что любит ее и в печали склоняет голову над убитой. Тут бы Пенсефилии открыть полные чувства глаза, Ахиллу — обнаружить под ее туникой бронежилет и поцеловать возлюбленную на фоне разгорающейся битвы, но всю малину вновь портит некстати объявившийся Терсит. Подойдя к Ахиллу, он стал бранить его (правда, из текста не ясно, за что), а потом, видимо, решив особо изощренным способом уязвить его, взял копьё и проткнул им глаз мертвой Пенсефилии. Оправившись от шока, Ахилл ударил Терсита по лицу с такой силой, что убил его на месте. Бесславно закончилась жизнь этого персонажа, которого автор Троянского цикла так усердно обливал грязью.

Но попробуем и в этом эпизоде объективно взглянуть на произошедшее, руководствуясь здравым смыслом.

Во-первых, Ахилл принадлежал к героям-полубогам и был кровно заинтересован в победе греков над Троей — эта победа давала ему богатую добычу (в т. ч. рабов) и, наверняка, расширение своих владений, не говоря уже о славе и престиже. Во-вторых, до вступления Ахилла в бой (он ввязался в битву, когда она уже шла), амазонки серьезно теснили греков — те стали отступать и уже почти были прижаты к своим кораблям. Еще немного, и они сели бы в эти корабли. А куда бы они поплыли, сев в них, Ахиллу было предельно ясно. Для вождей сложилась крайне неприятная ситуация... Достаточно было малейшей искорки, например, клича того же Терсита, и войско, показав тылы, «делает ручкой» своим начальникам: воюйте, мол, сами, а мы — домой. Прецедент уже был и он, конечно, свеж в памяти у Ахилла. В этой ситуации аристократия решила действовать на опережение, и в суматохе боя Ахилл убивает такого неудобного борца, как Терсит, ведь он может в любой момент воспользоваться ситуацией и взять реванш за недавний позор. Однако прямое убийство равного себе было формально непозволительно даже для Ахилла (ему пришлось впоследствии даже плыть на Лесбос, чтобы жертвоприношениями Аполлону и Артемиде очиститься от скверны пролитой крови), и автору мифа-летописи было жизненно необходимо дать убийству достойное оправдание, такое же, какое, видимо, дал сам Ахилл в кругу аристократов: Терсит-безумец измывался-де над мертвым телом... На самом же деле Ахилл попросту воспользовался (возможно, даже, по предварительной договоренности с другими аристократами) случаем, идеально подходившим для устранения опасного бунтовщика. Не буду утверждать, что эта версия событий единственно верная, но, думается, она вполне имеет право на существование.

Заключение

Всех героев-бунтарей из греческих мифов, как «простых смертных», так и бессмертных, объединяет одно: все они, говоря по-простому, плохо кончили. Либо вынуждены были склониться перед волей богов, и потому лишь получали прощение, либо безжалостно уничтожались. Ни один не одержал победу в этом противостоянии. И это вполне закономерно, иначе и быть не могло — в древнегреческом мифе (да и, пожалуй, в древнегреческом сознании) просто не нашлось бы места такому персонажу, он выпадал бы из системы координат. Арахна побеждает в соревновании с Афиной и та, опустив голову, уходит с «поля боя». От и Эфиальт весело проводят время с женой Зевса... Такое для древнегреческого мифа, конечно, немыслимо. Отсюда вытекает важнейшая функция древнегреческой религии — воспитательно-идеологическая. Мифы были призваны со всей поучительностью показать: спор с богами и их наместниками на земле (царями, знатью) бесполезен, губителен для спорщика, а единственным его итогом станет безоговорочная победа вышестоящей по иерархии персоны. Так, через подчинение вождям небесным, в людях вырабатывали привычку подчиняться вождям земным.

Но, заглянув за ширму назидания и поучения, мы увидим самое главное — то, что двигало Одиссеем, бившим Терсита, Зевсом, терзавшим Прометея, Афиной,

доведшей Арахну до самоубийства. Мы увидим страх. Страх богов, казалось бы, могущественных и неуязвимых, перед огромной бесправной массой смертных, среди которой раз за разом рождаются смельчаки, открыто выступающие против «вековечного» порядка. И здесь становится ясно: мифология лишь отражает вполне реальный вековечный ужас правителей перед малейшей вероятностью народного восстания.

Впрочем, как ни пугали греческий народ поучительными мифами, а в нем неизбежно появлялись и продолжают появляться новые Терситы и Прометеи. И, хочется верить, однажды они заставят Олимп содрогнуться.

Октябрь-ноябрь 2012

...

Кто возомнил себя хозяином небес,
Того низвергнут в ад его же дети.
И с Хроносом, имевшим всё на свете,
Так поступили Посейдон и Зевс
Без страха пред Афиной став,
Её Арахна вызвала на спор
Бил консулов вчерашний гладиатор
За сто лет до распятия Христа
На власть восстать не каждому дано
Вслух объявить, что мёртв холодный идол,
И, хотя в жизни равенства не видел,
Меж громовержцем и рабом поставить знак «равно»
Хоть и сегодня не стихает свист плетей,
Герои прошлого, вы нами не забыты!
В Сети вещают новые Терситы
И льёт бензин в бутылки новый Прометей...

Март 2015

Божья кара

Лето две тысячи тринадцатого. Жара. Мы с Цыганом решили сходить на ежедневную прогулку, поменять ненадолго зеленый бетон камерных стен на серый бетон прогулочного дворика. Наш сокамерник К. остается в хате.

Ежедневный, знакомый до боли, маршрут. Дверь распахнулась – нам направо. Вниз по лестнице. Утомленная овчарка, трое легавых. Один лестничный пролёт, второй, выходим в дворики. Семь прогулочных двориков могилевской крытой. Те же камеры, но без мебели и без потолка. Вместо потолка — два ряда сетки из проволоки. Режимник Юра заводит нас в седьмую и закрывает дверь. Наш положняковый час пошел.

Как обычно, радуемся солнышку. За час нашей прогулки оно успеет сползти по стене на добрый метр. Говорим про всякую ерунду, Цыган рассказывает свои деревенские наркоманские истории. Вдруг слышим в соседнем дворике громкий, залистый, естественный и искренний смех:

— Ха-ха-ха-ха-ха! А-а-а-ха-ха-ха!

Потом снова.

Первая мысль: какую-то большую хату вывели гулять, вот они там и веселятся. Но прислушиваемся и понимаем, что человек один. Один? А с чего можно так громко и естественно смеяться одному? И тут вспоминаем: вместе с нами часто водят гулять Лешу Гуза.

Алексей Гуз — своеобразная легенда могилевской крытой. Бывший курсант Академии МВД, профессиональный спортсмен. По слухам, в свой первый приезд избил целую смену местных мусоров, когда его заводили в камеру. Те ему этого не простили и долго потом глумились...

Двадцать пять лет срока за похищение Завадского, соучастие в убийстве азербайджанской семьи из пяти человек и многое другое... Почти одиннадцать лет он провёл в одиночке.

Неужели он там один, во дворике? С чего тогда так залиристо смеётся? Мы стали прислушиваться. Скоро смех сменился пением:

На спящий город опускается туман,
Шалют ветра по подворотням и дворам,
А нам всё это не впервой,
А нам доверено судьбой
Оберегать на здешних улицах покой!
Да! А пожелай ты им ни пуха ни пера.
Да! Пусть не по правилам игра.
Да! И если завтра будет круче, чем вчера,
«Прорвёмся!» — ответят опера ...

Нет, это было не так, как поют школьники на уроках пения – лишь бы проорать текст. Голос был твердый, уверенный, фразы пелись с выражением, с душой, с каким-то патетическим надрывом.

Мы с Цыганом переглянулись, улыбнулись. Все было понятно без слов. Через несколько минут, когда «Оперá» закончились, мы услышали:

От улыбки хмурый день светлей,
От улыбки в небе радуга проснётся,
Поделись улыбкою своей,
И она ещё не раз к тебе вернется!..

Он спел песню целиком. От первой до последней строчки. Сколько бы там куплетов ни было, но похоже на то, что все они были спеты. Судя по всему, он ее заучивал.

Солнце сместилось по бетонной «шубе» на свой надлежащий метр. Время прогулки закончилось. Застучали двери, Юра повел домой первые дворики... хлопки дверей, шарканье ног. Все возможные звуки давно изучены — скоро и до нас дойдет очередь, двери хлопают все ближе. Выходим. Назад нас ведет только один легавый. Это хорошо. Хочу убедиться, действительно ли в соседнем дворике был Леша Гуз.

На пару секунд, проходя мимо двери, открываю глазок и вижу: ровно посередине бетонно-асфальтовой «комнаты для прогулок» стоит здоровый высокий бородатый мужик и, задрав голову, смотрит сквозь решетку на солнце. Удивительно — носить бороду в тюрьме строго запрещено.

Я закрыл глаза и подумал: пять человек, двадцать пять лет срока, одиннадцать лет в одиночке. Случайностей не бывает, тем более, когда дело касается человеческой жизни.

Теперь я знаю, как она выглядит — Божья Кара.

Март 2016

Бунт в карантине

Тюремный бунт – почти всегда восстание обречённых. Силы бунтующих и карателей заведомо не равны, выступление будет подавлено в любом случае: через ШИЗО, ПКТ, избиения, накрутку новых сроков или даже убийства восставших. Вопрос лишь в том, какой ущерб восстание принесет сложившейся системе и, следовательно, станет ли вероятность нового бунта фактором, который сдержит начальников от очередного наступления на права. В этом и есть смысл тюремного бунта. Таким образом, каждое восстание в тюрьме — это задел и страховка, обеспечивающее следующим поколениям арестантов немного лучшие условия жизни.

В белорусских тюрьмах настоящих бунтов не было давно. Времена, когда эки могли избить сотрудников администрации, ломать заборы и захватывать бараки, остались в 90-х. Поэтому сегодня, при общем спокойствии в зонах и тюрьмах, при послушности абсолютного большинства эков, даже простое неповиновение более чем пары человек уже расценивается как бунт и чрезвычайное происшествие.

На ИК-15 меня привезли 12 июня 2011 года.

Всех вновь прибывших в лагерь на 2-3 недели помещают в карантин — отдельный отряд, изолированный от других, с гораздо более строгим режимом, без вывода на работу, но с многочисленными каждодневными дежурствами: мытьём полов, надраиванием умывальников, подметанием двора по два раза на день и прочими бесполезными занятиями. Цель карантина — дать понять эку «куда он попал», выявить тех, кто намеревается «блатовать» и не подчиняться режиму. Делается это через принуждение эка переступить через неформальные табу, принятые в воровском мире и подчинить его формальной мусорской дисциплине. Например, ещё 15-17 лет назад локальный участок («локалку» — внутренний дворик барака) мели либо петухи, либо всякого рода опустившиеся личности. Нормальному мужику это считалось «западло», не говоря уже про блатного. Если в карантине тебе предлагали метлу, ты обязан был гордо отказаться и проследовать в ШИЗО — а потом уже поднимался в отряд. Это табу изживалось администрацией постепенно, год за годом. И сегодня локалку метут 99% процентов эков, если не больше. Если ты не метёшь — ты не поднимаешься в отряд: прямо из карантина тебя ждет дорога в ШИЗО, ПКТ, а потом на крытую, либо же «раскрутка» по 411-й статье (см. «Открытое письмо»). В прежние годы убирать умывальник могли только петухи (туда ведь плюют!), сегодня почти во всех зонах это делают мужики. Хотя эта работа по-прежнему считается «непрестижной». В процессе отмирания эти правила зачастую проходят через смешные деформации: в ИК-15, например, в карантине все проходят через уборку умывальника, но в отряде тот, кто это сделал, автоматом переводится в «петушину» касту.

Соответственно более строгому режиму, в карантине используются и более строгие наказания к тем, кто его нарушил. Широко практикуется круговая порука. Например, если какой-то зэк ночью покурил в туалете, то завхоз карантина доносит на него мусорам, те приходят в карантин и устраивают всем его жителям (это обычно 40-50 человек) «смотр внешнего вида» на час-полтора: выгоняют всех в локалку вместе с сумками и всеми пожитками, потрошат их содержимое, заставляют там же, стоя под солнцем либо сидя на корточках с руками за головой («поза этапа» – так это называют мусора), полчаса слушать лекцию о «недопустимости нарушения режима».

История, которая произошла со мной, напрямую связана с ноу-хау «пятнашки» (ИК-15): за провинности какого-то одного выгоняют весь карантин на плац и заставляют маршировать по кругу – нога в ногу.

Прибыв в зону, я изначально решил, что «блатовать» или провоцировать мусоров на репрессии не буду. Буду спокойно жить по режиму, никуда особо не лезть, почитать книжки и заниматься своими делами. В общем, «не отвечивать», как и советовали мне старые и опытные зэки, с которыми я успел пересечься за 8 месяцев предыдущей отсидки. Но узнав о таких скотских коллективных взысканиях (ничего подобного не предусмотрено законом: заставлять зэков вышагивать в ногу по кругу – это обыкновенное глумление от вседозволенности), я подумал, что лучше уж привлечь к себе внимание и быть наказанным, чем делать такие унижительные вещи.

По счастливой случайности, я был в карантине не единственным политическим. Со мной вместе тогда сидели еще двое: Евгений Васькович, осужденный на 7 лет за поджог здания КГБ в Бобруйске, и Евгений Секрет – узник «Плошчы-2010», получивший три года за то, что три раза ударил ОМОНовца ломиком по щиту. Кроме нас в карантине было еще несколько нормальных ребят, повидимому, не готовых мириться с беспределом. Несколько раз переговорив с ними и обсудив происходящее, мы решили, что отказываться от маршировок нужно коллективно. Заручившись поддержкой еще двух пацанов – Ромы и Егора, – а также проведя среди всех наших знакомых в карантине разъяснительную работу: «Если выведут на плац – никто не марширует!», – я и Евгений стали ждать, когда мусора вновь решат применить свою тактику, чтобы демонстративно отказаться и показать пример другим. У Егора, тем более, была формальная причина для отказа: у него не было обуви (нога была 47 размера), по карантину он ходил в тапках.

Долго ждать не пришлось. Вскоре у Егора произошла словесная стычка с дневальным карантина – мелким и противным козлом. Егор пообещал ему всадить заточку в бок, пустая угроза, конечно, но ее хватило, чтобы дневальный побежал жаловаться завхозу карантина – Бороде.

Борода – редкая, даже по лагерным меркам мразь, мотал свою 25-ку срока и был повязан с мусорами множеством совместно поломанных судеб. Поэтому за угрозу своему подопечному он, недолго думая, побежал к режимникам.

Пришли двое режимников: Роговцов (кличка его была Розетка – за смешной вздернутый нос) и Москалёв (Собака), начали выгонять нас на плац. Взяв томик Солженицына, который тогда читал (в карантине оставить вещи негде – днём запрещено заходить в спальные помещения, где стоит твоя тумбочка, поэтому всё своё

носишь с собой), я проследовал за остальными. С самого утра накрапывал мелкий дождь.

Выстроив эзков в ряд на плацу возле карантина, Со-бака начал вести «профилактическую беседу»:

– Посмотрите, кого вы слушаете! Приедут – ни ро-дины, ни флага – и пытаются вас на что-то подбивать! А вы ведетесь! *(В эти дни в карантине было несколько «критиков» с Тюрьмы №4 – видимо режимник был уверен, что именно под их влиянием произошел конфликт с козлами. — прим.авт.)* Кто будет конфликтовать с активом, нарушать, сразу поедет в ШИЗО! И УДО вам тогда не видать! Понятно?!

Егор решил ему возразить — пока строй покорно молчал. Мол, активисты сами нарываються, ведут себя нагло, требуют непонятно что. Но Собака, как истинный мент, не пытался найти правых и виноватых, а просто начал хамить Егору, вальяжно прохаживаясь вдоль строя. В перепалку встрял Васькович:

– Вы не имеете права так разговаривать! Вы унижаете его человеческое достоинство!

– У него нет достоинства! — без тени сомнения ответил Собака.

– Достоинство у него есть! Оно есть у каждого!

Такая продолжительная ругань с эсками явно не входила в планы Собаки и подрывала его авторитет. В дело вступил Розетка:

– Так, ну-ка построились все по пять! – и стал выстраивать всех в начале плаца.

Как-то очень не вовремя дождь превратился в ливень. В воздухе запахло мокрым асфальтом и перспективой штрафного изолятора.

Мы с Евгеном и Ромой переглянулись.

На плаце все выстроились по пятёркам. Я – во второй пятёрке. В первой — Евгений и Егор.

Собака и Розетка вальяжно прохаживались вдоль «коробочки» эзков, предвкушая, как сейчас будут глумиться и ухохатываться над марширующим по кругу стадом.

– А теперь маршируем вон до той линии! И чтоб в ногу! С левой ноги начинаем! И-и-и-и РАЗ! — командует Розетка.

Три человека пошли по плацу, нелепо имитируя солдатский шаг. Егор и Евгений остались стоять. Мусора, немного потерявшиеся от такого наглого неповиновения, не знали, что делать и просто отозвали их, приказав стать в стороне от строя.

Тем временем дошла очередь до второй пятёрки.

–левой ногой! И-и-и РАЗ!

Я внимательно наблюдаю за своими соседями по пятёрке. Один было занёс ногу, как сбоку раздался крик Евгения: «Стоим!!!» Его тут же поволокли в кичу. Никто из нашей пятёрки, кроме этого одного, не двинулся с места.

Смотрю на Розетку: в его глазах явное недоумение. Он, наверное, думает, что его не расслышали:

– И-и-и, РАЗ!!! – повторяет еще громче.

Пятёрка по-прежнему стоит на месте.

– Вы что, бл*дь? Неподчинение?! – задыхаясь от злости, и свирепея, ревет Розетка. В дело вступает Москалёв:

– Всем сесть на корточки!!! Руки за голову!!!

Строй не двигается с места.

- ВСЕМ СЕСТЬ НА КОРТОЧКИ, БЛ*ДЬ!!! – вопит, повторяя за ним Розетка.
- Сам садись, – громко и отчетливо говорю я.
- Кто это сказал? – спокойно спрашивает Собака.
- Я.
- Иди сюда.

Я подхожу к нему не без чувства тревоги. Москалёв и еще пару подошедших мусора (их уже нормально собралось — в карантине ЧП!) начинают на меня наезжать, провоцировать и угрожать. Я жду удара, но его не происходит. Молчу, ничего им не отвечаю. Слышу сзади шум — Розетка проходит мимо строя и с криком «СИДЕТЬ, БЛ*ДЬ!!!» бьет стоящих с краю по спине, раздает им подзатыльники. Я отворачиваюсь и продолжаю слушать наезды мусоров.

Как-то незаметно успел закутиться с легавыми и Егор — его тоже потащили в ШИЗО.

Они говорят мне идти на место. Я разворачиваюсь и вижу, что весь карантин уже сидит на корточках. Подумав, что один в поле не воин, сажусь и я (потом корил себя за это: нужно было стоять).

Ливень не останавливался.

Следующие минут десять мы слушали «воспитательные» вопли Розетки и угрозы всех посадить в ШИЗО. Я сидел, накрывшись сверху своим томиком Солженицына. Розетка прошел мимо меня, не преминув оставить комментарий:

– «Архипелаг ГУЛАГ»? Читайте-читайте. Пригодится!

«Какой замечательный заголовок для Радио Свобода», – подумалось мне...

Скомандовали встать.

— Что, еще кто-то в ШИЗО захотел? — намекая на Егора и Евгена, продолжал наступление Розетка. Ещё хотя бы один конфликт с активистами — всех туда закрою, понятно?! А теперь построились. И шагом марш — в карантин. И-и-и-РАЗ!

Я — в первой пятёрке. От нашего ряда до дверей карантина — метров 20. В моих планах ничего не поменялось: договорились с мужиками, значит нужно делать, что обещал. А что могут закрыть в кичу было понятно с самого начала.

Четыре человека из нашего ряда, смешно пытаюсь попасть в ногу, пошли в направлении карантина. Я один остался стоять. Москалёв вновь подозвал к себе. Меня обступила целая куча мусоров, которые стали наперебой на меня орать:

– Чё, благуешь, да?!

– У нас блатные сразу в крытую уезжают, понял!

– Чё за статья? Три-три-девять? Баклан?!

– Будешь сидеть до звонка!

– Да акт на него составить, пускай в ШИЗО посидит! ... и тому подобное. Я не очень их слушал — уже сильно промокнув под дождем, колотился от нервов и бешенства — ряд за рядом мои соседи по карантину уходили в барак, бодро взмахивая ногами. Стоять не остался никто.

Эта история быстро стала известна всей зоне, местные «движенцы» за нас радовались: «Карантин бунтанул!». Зэки прикалывались: когда «нулевой отряд» (так нас

называли) нёс бачки с едой по центральной аллее, демонстративно уступали место: «Пропусти, блатные идут!»

Васькович и Егор получили свои сутки ШИЗО, вышли, и были нами достойно встречены. Егор скоро уехал в СИЗО по каким-то вновь открывшимся обстоятельствам.

Сам я до сих пор удивляюсь, почему тогда не был отправлен в кичу. Однако последствия всё же были: сначала меня вызвал в кабинет начальник оперчасти: Слесарев, (ставший позже зам.начальника зоны), угрожал крытой, 411-й статьёй и применением физической силы в случае дальнейшего неповиновения (по иронии, в последующие 4,5 года срока я испытал всё вышеперечисленное). Кроме того, меня поставили на некое подобие профучета — следующие пару недель каждый вечер к нам приходили контролёры, «проверять Дедка»: не сбежал ли, не чинит ли каких беспорядков.

После всего произошедшего, в карантине еще не раз курили в туалете, ругались с козлами и нарушали режим. Кого-то сажали за это в ШИЗО, кому-то давали дежурства вне очереди. Пару раз даже выводили весь карантин на плац с личными вещами.

Но больше ни разу не заставляли маршировать.

Апрель 2017

Маугли

Его привели в нашу сто пятьдесят вторую хату вечером. Худое, заросшее, чумазое существо лет шестнадцати на вид, с испуганным взглядом — точь-в-точь затравленный зверёк. Первые несколько минут мы вообще ничего не могли от него добиться. Кто такой? С какой хаты? Он только невпопад мотал головой, растерянно моргая глазами исподлобья. Наконец посадили его за стол, напоили чаем и вытащили-таки кое-что. Знакомьтесь: Саша К., двадцати одного года, сам из Червеня. Сидел в хате со строгачами¹, но те его «поставили на лыжи»² (забегая вперед, скажу, что дальше мы хорошо поняли за что). Сидит за какой-то украденный рюкзак с фотоаппаратом. Я в шутку назвал его Маугли, потому что он и в самом деле был словно из леса вышедшим, к тому же со смуглым лицом. Прозвище быстро прижилось.

Прошло несколько дней. Совместными усилиями хата одела, постригла Маугли и заставила его умыться — стал больше похож на человека. При себе у него не было ничего, даже станка для бритья, но всем необходимым мы его обеспечили. Саня не «грелся» (даже письма ему никто не писал), но, естественно, ел, пил и курил вместе со всеми, так как жили мы общим.

Как-то незаметно, немного осмелев, увидев, что живут здесь люди, а не звери, начал он проявлять себя не с лучшей стороны. То влезет в чужой разговор и несет при этом чушь, то комментирует, когда не просят, то лезет к кормушке разговаривать с ментами, чего делать совсем не умеет, то огрызается на справедливые замечания. После нескольких таких эпизодов основным методом беседы с ним стал крик. На Маугли орал с утра до вечера, так как не проходило часа, чтобы он что-нибудь не «накосячил». Но Сане все было нипочем.

Меня же он заинтересовал как «редкий вид». На свободе, конечно, с такими людьми общаться не приходилось, а тут — пожалуйста, сколько угодно. Я был в хате, наверное, единственным, кто на него не кричал (ну, если честно, *почти* не кричал) и общался, как равный с равным, хотя и было это непросто. Скоро в биографии Маугли обнаружилось много интересных подробностей: отец его сидел много лет на Глубоком (ИК-13), что с матерью — неясно, ну а сам Маугли живет с тетей, которая его, очевидно, недолюбливает. Рос парень сам по себе, по крайней мере, примет целенаправленного воспитания в нем я не заметил. Почти вся жизнь Сани прошла на улице: бухал, «факал» клей, воровал. По его словам, закончил ПТУ, но при этом почти не умел писать, да и прочитать больше нескольких строк для него было непосильной задачей. Развитие его, по моей оценке, тянуло на уровень одиннадцати-двенадцатилетнего. Иногда я смотрел на Маугли и думал: вот тебе и двадцать первый век в центре Европы... Под носом у хваленых социальных и образовательных служб и той же инспекции по

---

¹ Арестанты, что уже отбывали в прошлом наказание в местах лишения свободы.

² Заставили обратиться к ментам с просьбой перевести в другую камеру.

делам несовершеннолетних вырос дикарь, который в двадцать один год не умеет читать. И все, что они сумели с ним сделать – это посадить в тюрьму. Теперь же с вероятностью в девяносто девять процентов он будет всю жизнь бухать, сидеть, воровать и колоться. И всем наплевать. Всем... Кроме местного РУВД, которому он делает статистику.

Но если до Маугли не было дела государству, то было дело неправительственным организациям: Саня еще подростком ездил в Италию по Чернобыльской линии. Подробностей я уже не помню, только помню, как он рассказывал о своем звонке итальянцам отсюда, из Беларуси: «Звоню, она берет трубку... Ну я: „Привет!“ Она: „Пронто! Пронто!“ А я ей: „Х*ёнто!“ – и бросил трубку!» На этом месте Маугли залился смехом, очевидно, довольный своим тонким юмором.

Еще у Маугли была астма. Иногда он заходился тяжелым кашлем и тогда просил у контролера баллончик с аэрозолем, который ему не дали в камеру (так как он был металлический), оставляли в ячейке на продохе. Баллончик, кстати, был «от итальянцев». Но, несмотря на ужасные приступы, Саня и не думал бросать курить.

Дни шли, Маугли делался в хате явным изгоем. Не умея вести себя прилично, Саня к тому же постоянно «порол косяки» — то «запарафинит» общую вещь, напьется на ночь чифира и потом ночью блюёт, не давая другим спать. Кроме того, его приходилось постоянно заставлять мыть свои вещи и участвовать в уборке хаты. Разумеется, на него бесконечно ругались. Первое время я его даже защищал — жалко было смотреть, как он скукоживался от грозного рыка и выпученных глаз сокамерников, — и сам пытался не раз и не два разговаривать по-хорошему, объясняя правила жизни в хате. Помогали эти «душеспасительные» беседы в лучшем случае на полдня, поэтому после очередной попытки я их забросил. Как сказано ранее, «жесткие» методы тоже не помогали в его воспитании. К тому же скоро мы поняли один интересный психологический нюанс: Маугли просто жизненно необходимо было находиться в центре внимания, даже если это внимание выражалась исключительно в брани и криках. Для того чтобы быть «звездой хаты» и в течение всего дня слышать разговоры о себе, он готов был терпеть и оскорбления, и атаки, и угрозы. Уже в последующие годы я понял, что это особый тип людей, который особенно ярко проявляет себя именно в камерной системе. Они нарочно напрягают тех, кто их окружает, чтобы любой ценой закрепить их внимание на себе.

Скоро все пути воспитания (кроме, пожалуй, физического) закончились. Его просили, на него кричали, всячески угрожали, пугали, лишали сигарет, пытались игнорировать. Но все это только больше распяляло нашего Маугли, ведь он явно чувствовал, что усилия всей хаты, а значит, и внимание, направлены на него. Он начал выражать недовольство: мол, к нему плохо относятся. Предупреждал контролера, что «вскроется», объявлял голодовку (которая длилась 15 минут, до первого борща, принесенного баландёром), а однажды даже написал заявление оперу. На тетрадном листике волнистыми строками, едва разборчиво, невероятно кривыми буквами было написано примерно следующее (передаю близко к оригиналу):

заявлене

*прашу пиривести мяня вдругую хату патамушта у мяня 1000 касиков явсем
мишаю наминя пастаяна арут*

...и так далее.

Правда, заявление это он так и не подал. Зато процесс ее составления и обсуждение самого поступка Маугли затянулись на полдня. А большего Саня и желать не мог.

После Нового года (наступил 2011-й) меня отправили в больничный корпус жодинской тюрьмы — лечить вросший ноготь на ноге. Через две недели я вернулся, но Маугли в хате уже не было. И вот что мне рассказали пацаны. Почти сразу после моего отбытия Саня словно с цепи сорвался: то ли у него открылась психическое заболевание, то ли он удачно его симулировал. А в частности: барабанил в стены безо всякого повода, нес чушь пуще прежнего, прятался за дверью туалета, воровал вещи из общего «котла», а потом вообще украл и спрятал у себя чужое письмо. Скоро он начал получать от ребят «лещей», так как терпеть уже не было никакой возможности. В результате менты, наверное, поняли, что с Саней что-то не так, и забрали его в санчасть.

Прошло почти три года. Я снова в Жодинской тюрьме, но уже не в ранге подследственного — перевели из могилевской «крытой» лечить желудок, так как в Жодино филиал Республиканской тюремной больницы. Вызвал опер, видимо, чтобы пробить, что я за «пассажир». На стене в оперском кабинете фотографии осужденных с профилактическим учетом. Пробегаю глазами по строке «Склонны к суициду и членовредительству», я встречаюсь взглядом с Маугли. Вот те на! Да, действительно он. И фамилия совпадает. Наверное, заехал, освободившись, по второму разу, а может, уже и по третьему.

Вернувшись в хату, я стал вспоминать все то, что сейчас рассказал вам. Вспомнил баллончик от астмы, взгляд волчонка, насквозь гнилые в двадцать один год зубы, патлы, падающие в тазик с мыльной водой, когда мы брили ему голову... И почему-то на ум пришел вопрос: а что с Саней случится, когда он умрет? К сожалению, я почти уверен, что долго он не протянет, если только не сядет на длительный срок и тюрьма его не «законсервирует».

А кто по нему будет плакать? Будет ли кому нести его гроб?

И не получится ли, как с бальзаковским «Отцом Горио», который умирал почти в полном одиночестве, и озаботились его последним путём, считай, чужие люди?

Родных у Маугли нет, друзья есть вряд ли, а если есть — это явно не лучшие представители человеческого рода... Подумалось — как же скучно и неуютно так не только жить, но и умирать, когда ты совсем один... А еще подумалось, что тот, кто бросил меня в тюрьму за политическое преступление, и тот, кто сделал Маугли вором и маргиналом на краю жизни, — это один и тот же Левиафан.

Март 2015

Улетевшие

Лето 2012 года. Город Шклов, ИК-17. Одинокaя камера ПКТ: один день сменяет другой такой же – я сам выдумываю им наполнение, чтоб не заскучать. Вот прошёл обед, баландёр забрал миски. Делать нечего, настроения читать или учиться нет, зато послеобеденная жара клонит в сон. Я расстелил свой клифт под столиком (чтобы в глаза не бил свет от лампы), под голову – учебник арабского и приготовился скоротать во сне ещё один час ещё одного дня.

Устроившись поудобнее, начал было засыпать, как вдруг в конце прохода послышалось жужжание электронного замка, а потом лязг металлической решётки. «Кого-то привели», — подумалось мне. Как раз около 15 часов в зоне каждый день проходят «крестины» (дисциплинарная комиссия), где начальник зоны раздаёт зэкам сутки ШИЗО, месяца ПКТ, а также лишения свиданок и передач.

... Топот как минимум двух человек. Ага, отрядник привёл своего зэка. Интересно, в ШИЗО или в ПКТ? Тут с прохода раздался хриплый прокуренный голос, орущий что есть мочи:

Ра-а-а-сцветали яблони и груши!
Зацвели туманы над рекой!
Выходи-ила на берег Катюша...

Всё ясно. Это Коля.

Коля — зэк, поехавший крышей, мужик лет 50-55, а может и младше — уж очень нездорово выглядел. «Улетевший», как таких часто называют арестанты. Про него, как и про каждого такого, ходили легенды: якобы ходит по зоне без бирки, не бреется, посылает ментов на х*й, орёт что ему вздумается и где вздумается. В моменты же особых обострений его и сажают в ШИЗО — чтоб совсем уже не бесновался.

Дали Коле 10 суток. Для него они, конечно, были весёлыми, но явно не для остальных зэков и не для ментов. Развлекался Коля тем, что после приёма пищи не отдавал баландёру алюминиевую миску. Держать их у себя в камере ШИЗО или ПКТ было запрещено, поэтому после каждого приёма пищи их забирали. Но только не у Коли. Частенько после обеда, завтрака или ужина приходилось слышать на проходе такой диалог:

Контролёр: Поел?
Коля: Поел.
Контролёр: Давай миску.
Коля: Пошёл на х*й!
Контролёр: Давай миску сука пидарас бл*дь!
Коля: Пошёл на х*й!!!

... далее следовали препирательства на протяжении минут 15-ти, после чего разъярённый контролёр открывал решётку, сам забирал миску, попутно давая Коле по печени.

Зэки же не любили Колю за его ночные фокусы. Днём он отсыпался, а ночью брал цепь, которой пристёгивалась нара, и бил этой цепью по наре, создавая адский грохот на весь барак, не давая спать ни зэкам, ни контролёрам.

Отсидев ту десятку (уже не первую за срок), Коля куда-то пропал. По слухам, его вывезли на ПО (психиатрическое отделение) — так зэки называют тюремную «психушку», находящуюся на ИК-3, в Витебске.

Потеря человеком рассудка в тюрьме — явление довольно частое. Мало того, что в тюрьмы часто попадают люди с «ограниченной вменяемостью» либо умственно отсталые, так ещё и сама тюрьма способствует развитию разного рода психических расстройств. Вот как об этом писал в «Записках революционера» Пётр Кропоткин:

«Подо мной сидел крестьянин, по фамилии Говоруха, знакомый Сердюкова, с которым он перестукивался. Против моей воли часто даже во время работы я следил за их переговариванием. Я тоже перестукивался с ним. Но если одиночное заключение без всякой работы тяжело для интеллигентных людей, то гораздо более невыносимо оно для крестьянина, привыкшего к физическому труду и совершенно неспособного читать весь день подряд. Наш приятель-крестьянин чувствовал себя очень несчастным. Его привезли в крепость, после того как он посидел уже два года в другой тюрьме, и поэтому он был уже надломлен. Преступление его состояло в том, что он слушал социалистов. К великому моему ужасу, я стал замечать, что крестьянин порой начинает заговариваться. Постепенно его ум все больше затуманивался, и мы оба с Сердюковым замечали, как шаг за шагом, день за днем он приближался к безумию, покуда разговор его не превратился в настоящий бред. Тогда из нижнего этажа стали доноситься дикие крики и страшный шум. Наш сосед помешался, но его тем не менее еще несколько месяцев продержали в крепости, прежде чем отвезли в дом умалишенных, из которого несчастному не суждено уже было выйти. Присутствовать при таких условиях при медленном разрушении человеческого ума — ужасно».

Не менее ужасно наблюдать последствия этого разрушения.

На той же ИК-17 (Шклов) в ШИЗО при мне сидел Кузя — петух. В ШИЗО он сидел не в качестве наказания а как на БМ-е. Туда его спрятали от зэков. Проблема Кузи была в том, что он вёл себя неадекватно, в частности — гадил под себя и вообще где попало. Если верить рассказам зэков, таким он стал в результате регулярных побоев в отряде. Кузю били до того, как он стал «срать» — за то, что петух и, скорее всего, за то, что «ненормальный». А потом, продолжили бить — уже за то что «срался», и жить с ним рядом в бараке было невыносимо. Кроме побоев были и увещевания —

ему много раз давали чистую одежду и постельное бельё, но всё было тщетно. От греха подальше администрация нашла «замечательный» выход: посадила Кузю в «безопасное место», которое по условиям содержания отличалась от ШИЗО только тем, что там на полу валялся матрас. Каждый несколько дней я слышал крики дневального, матерившего Кузю на чём свет стоит: матрас регулярно бывал обгажен. Говорят, мать, приехавшая к Кузе на свидание, была в настоящем шоке и долго требовала у начальства объяснить, что они сделали с её сыном...

Там же, на семнадцатке сидел ещё один персонаж — не помню его имени. Его посадили в одиночку за то, что тот имел привычку воровать у других жителей барака. Несколько раз эки его били, пока он сам не попросился его спрятать. На него почти каждый день находило буйство — он начинал издавать из камеры громкие нечленораздельные звуки и шумно материться непонятно на кого и на что. Это продолжалось часами. Но однажды он даже стал колотить нехитрую ПКТшную «мебель», и лишь тогда менты зашевелились — как же, казённое имущество портит! — и прислали врача. Вертухаи скрутили бедолагу, и врач что-то ему вколол, после чего звуки начали постепенно идти на убыль и через полчаса стихли совсем.

Иной раз под крышей в ИК-17 собиралось сразу несколько психически нездоровых, и тогда начиналось настоящее веселье. Представьте себе: продол с 24-мя камерами, деревянные двери, через которые слышно всё, что происходит внутри, и бетонные стены, создающие отличную акустику. Ты сидишь в своей камере один и слушаешь одновременно доносящееся с нескольких сторон:

— э-э-э... э-э-э... ы-ы-ы... ы-ы-ы...

— Бл*дь на*уй ё*аны в рот! Пидары бл*дь!!!!

— А-а-а-а-а-а!!! А-а-а-а-а-а!!! А-а-а-а-а-а!!!

... и так на протяжении многих часов — пока у товарищей психов не закончится запас энергии. В такие моменты начинаешь сомневаться, что ты в тюрьме, а в не дурдоме — и начинает казаться, что сам постепенно сходишь с ума.

Как я уже писал, многие «улетевшие» становятся настоящими знаменитостями: проблемных зэков перекидывают из зоны в зону, и слава идёт впереди них. К числу таких относится Хоккей — арестант с ИК-15 Могилёва. Ссутуленный мужик около 40 лет, с постоянной щетиной. Срок — 25 лет. Как говорят эки, за убийство КГБшника. Первые 5 лет как осуждённый по «особо тяжкой», он просидел на гродненской крытой, где, видимо, и тронулся умом — либо же КГБшники отбили голову. Подробностей никто не знает, т. к. близко общаться с Хоккеем невозможно.

Один из самых известных приколов о Хоккее — радиопередатчик в его шапке. Он считает, что менты установили ему туда микрофон, и поэтому его часто можно встретить разгуливающим по локалке и бубнящим в шапку проклятия и отборную ругань в адрес милиции, государства и Лукашенко. Любит Хоккей обругать и беларусов (за то, что выбрали Лукашенко), особенно во время просмотра телевизора. Хотя среди зэков сторонников Лукашенко найдёшь едва ли, но за оскорбления в адрес беларусов Хоккей неоднократно был бит. Сам он, кстати, россиянин.

Он любит изобретать замысловатые ругательства и записывать их в тетрадку. У Хоккея было много общих тетрадей, исписанных мелким почерком от начала и до конца. Те, кто имел возможность с ними ознакомиться, говорят, что это просто бессвязный и необъяснимый поток сознания, ругательств и бреда.

Но наиболее неиссякаемым источником веселья для зэков было то, как Хоккей ведёт себя с мусорами. Как-то он набрал из столовой каши-сечки, и выложил её посреди локалки на газетку, подписав: «Для Махоуни» (Махоуни — кличка бывшего начальника ИК-15 по фамилии Маханьков). А однажды просто ходил по локалке, во весь голос сквернословя в адрес «Махани и Толкачихи». Его вызвала к себе администрация: начальник колонии Маханьков и его заместитель Толкачёв. Задали вопрос:

— Кто такие Маханя и Толкачиха?

— Это мои московские шлюхи! — Хоккей честно поехал в ШИЗО.

Однажды в могилёвскую колонию приехали какие-то курсанты. Пройдя по «центральной аллее» они пошли дальше — осматривать зону, один курсант отстал и начал оглядывать зарешёченные локальные участки вокруг себя. На его несчастье в одном из них стоял Хоккей. Вцепившись руками в решётку, он уставился курсанта сумасшедшими глазами и цедил в его сторону какие-то немыслимые ругательства:

— Чё смотришь, сука бл*дь... Приехали пидарасы, свинобыдло е*аное...!

Курсантик счёл за лучшее догнать своих...

Не знаю, били его менты на пятнадцатке или нет, но в ШИЗО он катался регулярно. Впрочем, на его поведение это никак не влияло.

Но самым активным рассадником умопомешательства среди зэков является, безусловно, крытая. В группе риска — люди с большими сроками, как те, кто сидит в одиночках, так и те, кто сидит в общих хатах. Стеснённое пространство, постоянные конфликты, ругань, накалённая атмосфера, страх, невозможность сменить обстановку, провокации и издевательства со стороны ментов, долгие годы заключения впереди и, как следствие, — безысходность, очень этому способствуют.

Одиночек на всех не хватает, поэтому администрация часто сажает «ненормальных» в кичу. Однажды, сидя в тамошнем ШИЗО (оно, ко всему, ещё и находится в подвале), поздно вечером, в одной из соседних камер внезапно стали раздаваться громкие ритмичные удары и дикий вопль:

— Лю-ди!!! Лю-ди!!!

Удары не прекращались добрый час, перемежаясь криками: «Выпустите меня отсюда!!!» пока корпусной не пришел и не надавал тумачков буяну. На тот день он успокоился, но на следующий всё началось вновь.

Я стал интересоваться у пацанов в соседних камерах, что там происходит, но кроме «у кого-то из нечисти крышу сорвало», так ничего и не добился. Сказать, что я испытывал к этому человеку сильное сочувствие, было бы лицемерием. Но, постаравшись представить уровень страха и отчаяния, который заставил его, сидя в подвале крытой тюрьмы, молотить ногой в двери и звать «людей», я по-настоящему ужаснулся. Однообразие, безнадежность, давящая камера кичи, психическая болезнь и, наверняка, огромный срок впереди — это настоящая бездна.

Стоит заметить, что у большинства «улетевших» помешательство проявляется периодически, время от времени. Случаются и периоды просветления. Таким был, например, Саня по кличке Шрек — ещё один обитатель могилёвской крытой. Этому парню не было и 30 лет. В детстве он учился в школе для детей с задержками психического развития. Родители у него если и были, то в тюрьме не помогали никак и, отсиживая свой срок за убийство, «грева» он не получал вообще. Держали его, как

правило, в одиночке, потому что ни с кем не уживался. Обычно в его камере было тихо, но время от времени оттуда начинала раздаваться ругань в адрес мусоров — как по поводу так и без. Вымещал свою злость он, как правило, на контролёрах, которые заглядывали в кормушку во время раздачи еды. Но хуже всего было, когда у Шрека кончались сигареты. Поскольку денег для отоваривания в лавке у него не было, он занимался тем, что клянчил их у ментов. На день ему давали около 5 штук «Примы». Если давать переставали, он начинал орать и бить в двери, ломать камерную мебель, умывальник, бить стекло в оконной раме. В знак «протеста» против жадности ментов он отказывался идти на прогулку, сопровождая это отборной руганью в их адрес.

Менты били Шрека часто. Иногда прямо в камере, иногда выводя на «сборку», но всегда — без особого эффекта. В моменты особого буйства, когда шум из его камеры совсем уж доставал продольных, они просто вызывали врача, который делал ему укол (как говорили зэки — аминазина), и на какие-нибудь сутки Шрек успокаивался.

Но как Хоккей был знаменитостью в ИК-15, так знаменитостью могилёвской крытой была Ира. Одна из немногих повстречавшихся мне женщин-крытчиц, она сидела со мной в соседней камере: я был в 18-й, она в 19-й. Уровень помешательства, который она демонстрировала, был просто ужасающим. Каждый день из 24 часов в сутках примерно 5-6 часов — независимо от времени суток, это могло быть и раннее утро, и поздняя ночь — из её камеры доносился непрерывный бессвязный текст, представлявший собой поток больного сознания. Воспроизвести даже маленькую его часть я никак не могу — память отказывалась это фиксировать. Скажем так, она начинала говорить о чём-то, например, о самолётах, или об увиденном по телевизору, или о планетах и галактиках, говорила об этом несколько предложений, потом, цепляясь за последние слова предложения, начинала от них уже новую тему — и так бесконечно. Что было для меня самым поразительным, она не просто говорила, она кричала, орала настолько громко, что её было слышно на всём этаже, а если она подходила к окну — то и на всех остальных этажах. Свою речь она неизменно перемежала угрозами и матерщиной в адрес мусоров. Изысканно и вычурно материла их и когда её выводили на прогулку. Те легавые, что поумнее, просто молчали, более ущербные начинали лаять её в ответ.

Ира активно общалась с соседними хатами через «решку» — выпрашивала сигареты. И горе было той хате, из которой в её адрес была сказана грубость или проявлено неуважение: она вылазила на подоконник и часами поносила её обитателей — и это слушала вся тюрьма. В отместку ментам за то, что не дают сигареты, или просто ради развлечения она могла стать голой на ежедневной проверке. Или начать тарабанить в батарее глубокой ночью, лишая сна, фактически, весь этаж. В таком случае приходил врач и колол Ире аминазин.

А вот те зэки, кто с ней переписывался, говорили, что, судя по вполне осмысленным и даже литературным письмам-маявам 39-летней Ира — вполне приличная женщина с высшим образованием, у которой на воле осталась дочь. Именно стремясь обеспечить её Ира, как говорят, и взялась таскать из России наркотики, за что и получила 12 лет колонии строгого режима...

Человека, потерявшего рассудок, администрация рассматривает, как досадное недоразумение. Если он «тихий», то есть своим помешательством не нарушает режим содержания (таких полным-полно), на него вообще никто не обратит внимание. Ну

сошел с ума человек — с кем не бывает? Ни о каком лечении говорить не приходится: в тюремной аптечке есть только валерьянка (от всех нервных расстройств) и аминазин для успокоения буйных. Говорить про профилактику психических расстройств в ИУ и вовсе смешно. В каждом исправительном учреждении всего один психолог (кстати, мент в форме, что явно не способствует доверительным отношениям между ним и зэками). В зонах, где работа со «спецконтингентом» поставлена хоть на какой-то, пусть показушный, уровень, он встречает приезжающих с этапа и общается с ними, иногда — может организовать посещение молельной комнаты или церкви. На этом всё. По режиму он обязан проводить регулярные беседы с каждым осуждённым, но реально ли это, если в колонии, например, 1 500 человек? В некоторых колониях я за всё время нахождения там психолога не видел вовсе. То есть человек числится в штате, заполняет какие-то бумажки, делает вид, что чем-то занимается, получает за это зарплату — но при этом реально не выполняет совершенно ничего. Ну а далее ДИН отчитывается в МВД о «психологической работе» и «индивидуальном подходе» к осуждённым, МВД, в свою очередь, вешает лапшу на уши международным организациям — как качественно и гуманно работает в Беларуси пенитенциарная система — и все довольны. Зато тюрьмы и колонии продолжают перемалывать чьи-то мозги, готовя к выходу на волю моральных инвалидов. Карательная система построена так, чтобы работать со следствиями, а не с причинами. Повесился кто-то в камере? Зачем выяснять, что к этому привело, лучше отобрать по всей тюрьме шнурки, ремни и нитки — чтоб не смогли повеситься, даже если очень захотят. Кого-то сорвало с катушек и он/она стал(а) молотить по дверям ногами с дикими криками? Вколоть аминазина — пусть на другой смене вопит, сколько хочет! И всем плевать, в чём причина: режимники отправили назад передачу от родственников, на воле мать умерла или просто отчаяние довело до неадекватности.

Психически больных в тюрьме никто не лечит. На пресловутое ПО в ИК-3, Витебск, отправляют только тех, кто уже полностью потерял дееспособность — не может работать либо держать его в ШИЗО стало уже невыгодно. Как и в любом аспекте Системы, их волнует только твоя функциональность: выполняй, что тебе сказано, и не отсвечивай, будь ты хоть сто раз параноик, шизофреник или просто дурак. О качестве же лечения в тюремной «дурке» ИК-3 мне судить сложно, но я ещё не видел ни одного человека, который хотел бы туда вернуться...

Осень 2012 года. Город Шклов, ИК-17. Я досаживаю свои последние месяцы в ПКТ — впереди суд на «крытую» и этап в Могилёв. Закончился обед — сегодня были макароны, разваренные до состояния однородной массы. Что ж, пришло время поспать. Подготовил свою привычную «лежанку», закрыл глаза и уже начал было отрубаться, как в начале продола раздалась привычные звуки — жужжание электрозамка. Кого на этот раз? Дослушав, когда зэка доведут до дежурки, я уже почти заснул — и вдруг был выброшен из состояния полусна пронзительным голосом, похожим на карканье ворона:

Ра-а-а-сцветали яблони и груши!

Колдун

Введение. Тюремный режим

Некоторые имена действующих лиц изменены.

Замкнутое пространство со специфическими этическими нормами, извращенными понятиями о морали, где человеческое существо, будучи подчиненным одной лишь цели — выжить, рождает причудливые причинно-следственные связи.

Можно верить или не верить в судьбу, в способность Вселенной материализовать наши мысли и желания, в карму, в правило бумеранга, в библейское «что посеешь, то и пожнешь», можно считать все вышеперечисленное проявлением Высших сил или логическим следствием наших собственных поступков, однако в определенных точках земного шара эти правила проявляют себя как непреложный и ультимативный факт.

Одна из таких точек есть и на территории Беларуси: учреждение под названием «Тюрьма No 4», более известное среди арестантов как Могилёвская «крытая».

Тюремный режим — одно из последних и самых жестоких дисциплинарных наказаний, предусмотренных УИКом для «злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания». Хуже, пожалуй, лишь 411-я статья УК РБ (см. «Открытое письмо»). В «крытую» зэка могут отправить из исправительной колонии по решению суда на срок до 3-х лет. На тюремном режиме отбывание наказания происходит в условиях камерной системы: в камерах, где люди годами находятся друг с другом в режиме 24/7, от 3 до 12 человек; час прогулки в день, жёсткие ограничения по количеству дозволенных вещей, одна передача в год, и то далеко не всем (что, учитывая количество пайки означает, что крытчик находится в постоянном состоянии полуголода), и одно свидание в год: 2 часа разговора через стекло, которых также нередко лишают по решению начальника тюрьмы.

Однако центральная фишка Могилевской «крытой» не ее «голодный режим», а то, кем она управляет-ся и по чьим правилам живет.

Изначально тюремный режим был рожден исправительной системой для пресечения лагерных бунтов и изоляции тех, кто мог их спровоцировать: блатарей, воров в законе, принципиальных и харизматичных политзаключённых.

С начала т. н. «криминальной революции» в странах СССР в пресловутые 90-е, «крытые» стали средоточием тех самых «отрицал» — живущих по воровским понятиям криминальных авторитетов, создающих головную боль для администрации лагерей; блатных, которых не брали ни лагерные ШИЗО, ни ПКТ. Их сплочённость, приверженность «понятиям» и готовность к насилию для насаждения своих порядков неизбежно требовали их изоляции в условиях камерной системы.

Но времена менялись. Организованная преступность в Беларуси была переделана (не считая, конечно, Семьи, что стоит у руля). Частью — ликвидированы

эскадронами смерти, частью — измельчали и перегрызлись между собой «воры в законе», лагеря были поставлены под контроль администрации, в них, выражаясь языком мусоров, была достигнута «стабильная оперативная обстановка». По идее, «крытые» должны были исчезнуть или, по крайней мере, их количество должно было уменьшиться. Однако не такова бюрократическая советская, а значит и лукашистская логика. Каждая «крытая» — не менее сотни сотрудников ДИН МВД, стабильное финансирование из бюджета, так же стабильно распиливаемое администрацией, это и широкие коррупционные возможности для кумовьёв и режимников. Так разом взять и прикрыть это всё лишь потому, что в Беларуси не стало криминальных авторитетов? Ну уж нет! Если тюрьма есть — кто-то должен в ней сидеть! Система выбрала другой путь: раз средний зэк стал более послушен, мы просто понизим критерии для отправки туда — и «крытые» вновь наполнятся людьми! И вот уже с середины 00-х в Могилевской, Жодинской и Гродненской тюрьме становится все меньше разного рода свезённых с зон блатных и «смотрящих», и все больше простых мужиков. Попасть в «крытую» стало возможно, если ты: протянул на зону мобильник, поставил брагу, поругался с начальником отряда, писал жалобы на администрацию, отказался мести локальный участок, просто подрался с другим зэком. При мне в Могилевскую «крытку» заехал парень за то, что облил завхоза водой и сказал, что это моча. Администрации зон стали активно пользоваться «крытой» как свалкой для всех проблемных элементов. Кто-то проиграл большую сумму денег? В «крытую» его, чтоб в зоне голову не набили. Кто-то «скрысил» у других арестантов? Будут чмырить, повесится еще... В «крытую» его, от греха подальше! Туда стали отправлять даже обычных петухов по какому-то никому не ведомому принципу.

Так и Могилёвская «крытая», на момент моего приезда туда, 7 декабря 2012 года, являла собой корпус тюрьмы с населением около 220 человек, в котором собственно блатными — криминальными авторитетами и профессиональными преступниками — являлись около 20-ти. Остальные же, за небольшим исключением, представляли собой контингент, перечисленный выше. Блатные делили с администрацией власть в тюрьме, и в этом дележе мужицкого пирога каждый получал своё: администрация — управляемость и отсутствие эксцессов, блатные — право собирать свой «общак», чувство собственного превосходства над серой массой «вязаных» и многочисленные привилегии от мусоров.

Часть 1. Зеркальный маг

Его я заметил ещё на «сборке», когда наш этап вновь прибывших на тюрьму крытчиков шмонали и решали, кто в какую хату пойдёт.

Рот не закрывается. Звонкий голос. Редкое для наших широт греческое имя — Костас, и армянская фамилия — Саркисян. Личное дело — толстенное, даже толще, чем у меня (что редкость).

— А я жалобщик, — охотно поясняет Костас всем интересующимся. — У меня на мусоров (называет какую-то заоблачную сумму) ... жалоб!» — в голосе неподдельная гордость.

Стоим лицом к стене, руки за спину, ждём шмона. А Костас, тем временем, уже разговорился с конвойными:

– Смотри, что у меня есть! – достаёт из кешера простую школьную тетрадку и начинает листать. Все листы – в бурых пятнах и непонятных каракулях, похожих на росписи. – Это души, – объясняет Саркисян. – Я покупал их в зоне за пачку двушек.

Приглядевшись, вижу, что купленные души представляют собой пятна крови их владельцев и их же подпись рядом.

– Они читают заклинание и объявляют, что отдают свою душу мне, Костасу Саркисяну – довольно ра-столковывал он, сверкая черными, как угли, глазами, – а я им пачку «Феста» или «Короны». И все довольны! – Костас одну за другой листал страницы с бурыми разводами, давая понять, что охочих до такой сделки было в зоне хоть отбавляй.

– И на*уя тебе это? – недоумевал конвойный.

– А я от них подзаряжаюсь, как от батареек.

– ... бл*, стремная какая-то х*йня, – боязливо заметил мент. – Не боишься в это влазить?

– Ха! Да у меня бабка – самая сильная ведьма Армении! Была. Я сам – магистр зеркальной магии. Кстати, – обратился Костас уже к другому конвойному, – ты чего с рыженькой-то поругался?

Мусор недоуменно переглянулся с коллегой. Костас продолжил брать быка за рога:

– Ну подруга-то у тебя есть?

– Ну есть.

– Рыженькая, я же вижу, – Колдун прищурился, в упор глядя на конвойного. Так чего поругался-то?...

Глядя на то, как магистр зеркальной магии разводит конвойных, я задался вопросом: интересно, облегчит ли магия его арестантскую жизнь в таком непростом и мрачном месте как «крытая». Или, наоборот, усложнит?

«Есть ведьмаки, есть маги. А я – колдун. Это совсем разные вещи!» – проводил Костас ликбез уже не только мусорам, но и всему этапу, удивленно приклеившему уши к необычной беседе. Никто из нас ещё не знал, что Могилевская крытая и сама колдует похлеще, чем Саркисян, и что на 2,5 года она уготовила ему с избытком жестоких приключений.

После шмона менты подняли нас на «тройники». Это – своеобразный тюремный карантин. Восемь камер на три человека каждая, с более строгим режимом и несколько «на отшибе» – в боковом «рукаве» от основных тюремных коридоров. Там вновь прибывшие находились по 2-3 недели, морально готовясь к жизни в камерной системе и проходя всевозможные тюремные регистрации: у врача, психолога, опера и т. д.

Мы с Колдуном (именно такое погоняло ему дали блатные) оказались в соседних хатах. Я в 150-й, он – в 151-й. Конструктивная особенность тройниковских хат такова: тонкие стены и санузлы впритык друг к другу через стенку. Это значило, что открыв слив унитаза, можно было разговаривать, а просунув руку – легко передать не слишком толстый сверток: сосед просто брал его своей рукой, а ты отдавал.

Не найдя много общих тем со своими сокамерниками, я стал интенсивно общаться с Колдуном.

30 лет, сам родом из Гомеля. Срок — стандартная 8-ка по части третьей статьи 328 (незаконный оборот наркотических средств). Привезли Колдуна с 3-ки (ИК-3, Витьба). Там он активно выносил мозг мусорам и без усталости строчил жалобы во все возможные инстанции: от ДИНа до КГБ. Но местной знаменитостью на «тройке» он стал не благодаря этому, а, конечно же, благодаря своим магическим активностям. Он не только скупал у эзков души, но «исцелял» больных, делал магические амулеты, заговаривал, подзаряжался энергией от растущих в локалке деревьев, а однажды даже взялся наводить порчу на замполита зоны. Читая заклинания, он на виду у всего отряда стал вбивать в его следы восковые гвозди. По слухам и свидетельствам других эзков с тройки, именно последнее и стало реальной причиной его отправки на «крытую».

На тройники Колдун протянул целую кучу эзотерической литературы: «Искушение нечистой силой» Орлова, «Практическую магию» Папюса, сборник книг Кастанеды, всевозможные распечатки про мантры и чакры... Всем этим он охотно делился со мной: увидев во мне человека, немного знакомого со сферой его интересов (я тогда уже год занимался йогой, да и почти все книги Кастанеды прочитал еще раньше), он стал посвящать меня не только в тонкости своей магической профессии, но и в коммерческие планы. В них входило, выйдя на волю, собрать секту, объявив себя, естественно, пророком, просвещенным или кем-то в этом роде, и учить своих адептов «боевой магии». Естественно, за немалые деньги. Без обиняков предложил мне сотрудничество, обещая баснословные прибыли при минимальных затратах. Я тактично отказался.

Освоившись в своём маленьком коллективе, Колдун приступил к магическим экспериментам. В хате 151 начались сеансы спиритизма. Костас нарисовал на листе бумаги магический круг с буквами алфавита, заляпал его своей кровью и, прочтя заклинание, держал над центром круга иголку, которая указывала на буквы — таким образом, дух из открытого Костасом портала общался с ним, отвечая на вопросы. По просьбам сокамерников, Колдун охотно вызывал на общение души их умерших родственников, ну а в помощь себе — всевозможных архангелов. Когда из соседней хаты стали жаловаться на самопроизвольно открывающиеся форточки и жесткие кошмары по ночам, Колдун пообещал «закрыть портал».

Вскоре подошло к концу наше время на карантине. Сначала я, потом Костас поднялись на основной корпус крытой. Тут перед Колдуном развернулось широкое поле для деятельности.

Часть 2. Дороги

Дорога — средство общения арестантов, на языке мусоров называемое «межкамерная связь».

В тюрьме бывает три вида дорог: воздух, мокрая и кабура. Первые две — это когда посредством нехитрых инженерных приспособлений между камерами натягивается верёвка («конь»), и с его помощью через окна (по воздуху) или через слив канализации (по мокрой) эзки тягают плотно запакованные грузы и/или малявы. Но в Могилевской «крытой» основным средством общения служили кабуры — дыры в сте-

нах, потолке или полу, позволяющие связываться (работать) с соседними камерами напрямую. Пробить кабуру в бетонной стене в условиях отсутствия мало-мальски подходящего металлического инструмента, само собой, занимает невероятное количество времени и сил, поэтому умные зэки грамотно маскируют кабуры и делают всё, чтобы менты их не спалили.

Роль дорог и межкамерного общения арестантов в жизни Могилевской крытой трудно переоценить. Ежедневно в тюрьме, в строго определённое время происходили 4 сработки. Любой зэк мог написать любому: найти земляка, узнать новости с зоны, расспросить за общих знакомых и т. д. «Вязаные» могли написать блатным с просьбой загнать в хату «по необходимому» (чай-сигареты), разъяснить какие-то моменты понятий или зайти и разрешить конфликтную ситуацию в камере (несмотря на то, что тюремный режим подразумевает строгую изоляцию, блатные пользовались правом свободно заходить в любые камеры и чинить в них правосудие. Двери им открывал лично старший смены контроллеров – «корпусной»).

Не меньшее значение имеет в арестантском быту и малява. Как гласит расхожее высказывание, «малява — лицо арестанта». Неосторожно употреблённое слово в маляве может принести в «крытой» целый клубок принципиально нерешаемых проблем, подвести легкомысленного зэка под жестокое физическое наказание, оборвать карьеру блатного. Наиболее прожженные кры- тчики не позволяют себе в малявах даже зачёркиваний и исправлений. Некоторые кладут в скрученную маляву ресничку — чтобы адресат знал, вскрывалась ли она по дороге (блатные практикуют такую перлюстрацию для контроля над подозрительной перепиской «вязаных»).

«Что написано пером, того не вырубишь топором» – это про малявы. В крытой устное и письменное слово могут как возвысить, так и (что гораздо чаще) унижить того, кто имел неосторожность выпустить их в мир.

Четыре раза в день зэк, стоящий на дороге, принимал в свою камеру и отдавал из нее почту — пригоршни маляв, аккуратно скрученных до размера огрызка карандаша, плотно запакованных в целлофан бумажных капсул. Так, наряду с явной жизнью камерных коллективов, протекала, струясь регулярными потоками по артериям- кабурам, потайная эпистолярная жизнь тюрьмы.

Часть 3. Снежный ком

Поднявшись в камеру No124, Колдун увлечённо занялся своим привычным ремеслом: снимал порчу с сокамерников, «лечил» их, подвергал сеансам гипноза, заставлял смотреть себе в глаза, обещая, что пока- жет им «их демона», и так далее. Более того, стал набирать себе учеников — не только в своей камере но, с помощью дороги, и по всей «крытой», — заманивая тем, что один из его учеников, якобы, выступал на «Битве экстрасенсов».

Предлагал стать своим учеником и мне. Для этого надо было всего-навсего совершить некоторые манипуляции со своей кровью и зеркалом (ведь он же зеркаль- ный маг) и, конечно, прочитать клятву на верность самому Костасу. Я тактично отказался.

Желающих же по крытой нашлось достаточно: Колдун вел активную переписку со многими и ярко расписывал неограниченные чудодейственные свойства, коими

будут наделены его ученики, став, под его мудрым руководством, «боевыми магами». Молодые крытчики были в восторге, приносили ему клятву в верности и слали с малявами плямы своей крови.

Некоторое время с Колдуном переписывался и я: вроде как на тройниках же общались. Правда, вскоре в его малявах я стал чувствовать какой-то подвох. Начинаясь словами: «Здоровенько, Братишка!» или «Здрова, Друг!», – все они неизменно заканчивались: «Колян, загони, если не трудно... (ручки, карандаши, стержни, открытки, конверты – в общем, все то, что на крытой в дефиците и что у меня, как он знал, имелось). Пару раз я, конечно, делился, но аппетиты Колдуна только росли, маляв же без просьб материального характера не приходило вовсе, и вскоре я свернул переписку до минимума: такая «дружба» мне была ни к чему.

Вскоре мне довелось на две недели зайти в хату No124 и воочию увидеть жизнь Колдуна в коллективе и его колдовские практики. Надо сказать, арестантская жизнь шла у него не так успешно, как магическая. Несмотря на наличие учеников, которых он привлекал своим красноречием и сказочными обещаниями, в целом, в камере на 6 человек он, скорее, был предметом насмешек и причиной постоянных конфликтов. Неумеренная болтливость и хвастливость, постоянные «косяки» (то зальёт водой телевизор, то ляпнет что-то невпопад в присутствии блатных, а терпит потом вся хата), нежелание «жить тюрьмой» не делали Костасу авторитета. Он пытался наверстать данный ресурс рассказами о своей всемогущей бабке, о своих неснимаемых проклятьях, и о том, как его однажды в Гомеле побили два недоброжелателя, и оба вскоре трагически скончались. Получалось слабо. Зато с заходом в камеру новых людей (меня и еще пары пацанов) всюю проявилась его коммерческая жилка. Раньше он донимал сокамерников разговорами о своей будущей свиноферме, которая была призвана озолотить его в считанные годы, и даже нашел для этого бизнеса партнеров прямо в хате. А теперь, разузнав о том, что у моего сокамерника, с которым мы вместе временно переселились в 124-ю, есть какая-то недвижимость в деревне, предлагал переписать ее на себя в обмен на дарование магических способностей. Почему-то решив, что и я – владелец дорогостоящего имущества, он предлагал мне отдать ему все и получить взамен амулет, с которым станет доступно исполнение любых желаний. Любых! Вопрос, отчего же он не сделает себе такой амулет и, например, не выйдет из тюрьмы, так и повис в воздухе.

Вскоре после моего возвращения в прежнюю камеру отношения с сокамерниками у Костаса обострились, и ему пришлось переехать. Этому предшествовал заход в 124-ю камеру блатных, которые провели с Колдуном профилактическую беседу и официально наложили ему запрет на колдовство.

Но и в новой, 120-й камере Колдун пробыл недолго. Пытаясь показать из себя больше, чем он есть, не ужился в коллективе, и ему дали понять, что пора искать себе другую хату. Тут стоит отметить, что в крытой, как и в камерной системе в целом, частые переезды из хаты в хату крайне негативно отражаются на репутации зэка: считается, что если не смог прийти к взаимопониманию с одним коллективом, то не сможешь и с другим. Каждая пройденная хата, таким образом, увеличивает негативный репутационный багаж зэка.

Новым пристанищем Колдуна стала камера номер 123 – одна из самых больших на корпусе. Она считалась своеобразным «отстойником», куда блатные отправляли

сидеть тех, кто не ужился в других хатах, крытчиков «с отступлениями» («фуфлыжников», «крыс» и т.п.), недалёких и не очень адекватных зэков, а также тех, кто не мог «уделять внимание в общее» (гнать блатным передачи с чаем, сигаретами и пр.). Психологический климат в таких хатах был под стать контингенту: напряжённый, недобрый — агрессивная, даже по меркам крытой, среда. Каждый сам за себя.

Блатные, как я уже писал, устраивали периодические обходы камер, проводы-вая своих «вязаных» по- допечных, или «козлов», как они их (нас) презрительно называли между собой. Во время таких обходов нуждающимся хатам разносилось необходимое (чай и сигареты), доводились важные вести и нововведения, давались установки о том, как вести себя с мусорами, и, конечно, вершилось правосудие: разрешались конфликты, с накосячивших «спрашивали физически», или делали строгое внушение. И, безусловно, для наглых, самоуверенных блатных такие обходы были возможностью в очередной раз возвысить себя над «вязаными».

Трое-четверо «бродяг» развязной походкой, в дорогих вольных шмотках (тогда как все были обязаны носить форменную робу), с самодовольным видом без предупреждения заходили в камеру, прерывая ее привычный ритм жизни, тут же раздавая едкие и насмешливые замечания всем, кому считали нужным. Возразить им что-то, ответить или вступить в спор никто не осмеливался. Малейшая попытка поставить себя на один уровень с блатными, влекла, в лучшем случае, напоминание о твоём статусе, в худшем — удар по лицу, поэтому большинство зэков бросались тут же варить чай и доставать из шкафчиков специально отложенные на случай прихода братьвы конфеты и дорогие сигареты. Блатные видели, что их боятся, и это еще больше поднимало их в собственных глазах.

В один из таких обходов, весной 2014-го, блатные зашли в хату номер 123. Колдун тогда закусился с мусорами и отбывал свои 10 суток в подвале ШИЗО. В ходе общения блатные — тонкие психологи — быстро заметили: в хате что-то не то. Недомолвки. Запуганные перегляды, странные оттенки интонаций не ушли от их внимания. Ходившая по кругу кружка чифира не снимала напряжение. Смотрящий за тюрьмой, Вова Лысый, решил, что называется «пробить поляну» напрямик:

– У вас вообще... в хате всё нормально?

– Да, да, всё нормально! – торопливо закивали «вязаные».

Но веры им, конечно же, нет. Что-то скрывают.

– Понимание присутствует!? – исподлобья глядя в испуганные глаза, повторяет Лысый.

– Всё нормально, Вова, всё ништяк! – кивают зэки, уже понимая, что где-то был допущен прокол.

Тут встречается Мартын, один из недавно заехавших в хату:

– Да в целом нормально всё, на должном. Но вообще понимания в хате не хватает.

«Ну наконец-то» – наверняка подумал в этот момент Лысый. Но Мартын не хочет пояснять, что он имеет в виду — боится. Тут же подручный Лысого, Шара, переводит Мартына в другую камеру, где тот дает весь расклад: в коллективе на 12 человек выделился наиболее наглый — Браконьер, «залосудник» с 25-ю годами срока. Хата и раньше жила, разбившись на враждующие группки, но он нарушил и это шаткое равновесие. Собрав вокруг себя небольшую кучку похожих на себя, он стал отстаивать свои интересы кулаками и ногами, избивая сокамерников под разным поводом: то

много хлеба съел, то выразился не так. До блатных эти случаи не доносились — то ли по общей договоренности, то ли из-за страха перед Браконьером, хотя согласно всем постановлениям братвы о подобном должно было сообщаться немедленно. Так они и жили, дерясь за пайку и боясь того, у кого кулак больше. Понятное дело, такое положение дел для блатных было неприемлемо. В воровской системе, также как и в государственной, монополия власти на насилие является принципиальным моментом. Согласно понятиям, блатные могут бить «вязаных», а «вязаные» друг друга — нет.

Шара возвращается в 123-ю, Лысый оттуда и не уходил. Браконьера бьют и выкидывают из хаты на продол. На следующий день расследование продолжается. Колдуна дёргают из ШИЗО в камеру на первом этаже. Дают чаю, угощают шоколадом. Невзначай Лысый интересуется: как они жили в 123-й хате?

– Нормально жили, все класс, — отвечает, не чуя подвоха, Колдун.

– Точно всё нормально? — уточняет Лысый — А может, были проблемы какие?

– Да не, Вова, не было проблем! Всё как обычно! — продолжает Колдун топить сам себя.

Но в киче физический спрос запрещён понятиями. После окончания срока в ШИЗО блатные дают Колдуну еще пару дней «на раскумарку» и, вновь придя в 123-ю, бьют по лицу с формулировкой «за обман братвы». Тут бы ему и успокоиться, но, видимо, напрочь уверовав в то, что высшие силы ему покровительствуют, Колдун продолжает свою игру и пишет маляву бывшему сокамернику Мартыну (тот уже в другой хате): почему ты дал блатным весь расклад, зачем слил Браконьера, ведь была договоренность молчать? Мартын не растерялся, получив маляву, и из всех вариантов выбрал самый беспроегрышный. Аккуратненько завернул ее и выслал блатным.

Лысый со своими приближенными долго и усердно втаптывали Колдуна в дощатый пол 123-й камеры, выбили два зуба и заставили съесть злополучную маляву. Вышеупомянутый Шара так старался, лупивши вдвое меньшего по размерам Колдуна, что порвал в процессе кроссовок. Впрочем, впоследствии Костас, замаливая свои грехи перед братвой, загнал Шаре в передачу пару новой обуви. То есть, конечно, сказал своим родителями — и они загнали.

Освободился Костас Саркисян в мае 2015 года и, насколько знаю, до самого освобождения больше не колдовал.

Эпилог

С младенчества и до самой смерти всё доброе, гармоничное и правдивое, что есть вокруг нас, диктует нам простые и доступные правила человеческого общежития: не лги, не возжелай чужого, не хитри, не используй других людей как инструменты. В общем, обращайся с другими так, как хочешь, чтобы обращались с тобой. Об этом же твердят буквально все мировые религии. Каждый из нас в большей или меньшей степени нарушает эти правила: необходимость выживать среди несовершенных людей заставляет идти на компромиссы с совестью. Однако если обман и своекорыстие становятся центральной осью, вокруг которой вращается вся твоя жизнедеятельность,

раньше или позже ты неизбежно запутаешься в тенетах собственной лжи и придёшь к очень несчастливому концу. Не в мифическом аду — а здесь, в этой жизни. И тот снежный ком, который на тебя обрушится, зачастую будет внешне никак не связан с твоими собственными поступками. «Пути Господни неисповедимы», — скажет по этому поводу христианин. «Да просто не фартануло, епт», — скажет недалёкий злодей. Но когда-нибудь, я уверен, учёные найдут объяснение тому, почему наши поступки и даже намерения, сделав непостижимый круг по ниточкам социальных связей, непринуждённо оттолкнувшись от поступков и намерений других людей, возвращаются к нам с утроенной силой: милыми подарками судьбы, если изначально были добрыми, или жестокими ее карами, если изначально несли мстительность, злобу и своекорыстие. А еще, думаю, они объяснят, почему в обычной жизни цикл этого круга может занимать десятилетия, а в некоторых — поистине заколдованных местах — он вершится с ошеломительной скоростью.

Я нашёл Колдуна Вконтакте через год с небольшим после освобождения. На аватарке — «загадочная» картинка с магом в стиле фэнтези. В статусе: «ЗА ДЕНЬГИ НЕ КОЛДУЮ!!! УЧЕНИКОВ ВЫБЕРАЮ САМ!!!» Написал ему.

«Здорово, братишка!» — пишет в ответ. «Как ты? Как здоровье, друг?» — льстивые эпитеты сыпались один за другим. «А где ты живешь? А вот мой телефон, давай созвонимся!» — общительность просто зашкаливала. Поговорили о крытой, об общих знакомых, о той истории. С его слов, блатные «спросили» с него тогда не за обман, а за колдовство против тюремного замполита (заместителя начальника по воспитательной части), когда тот выписал ему сутки ШИЗО. В подвале кичи Колдун протянул к нему руку со словами: «Будь ты проклят проклятием сатаны. Пусть все твои дети рождаются мертвыми!» — замполит Владимирович немедленно побежал жаловаться блатным, и те били Костаса со словами: «Будешь еще колдовать?!?»

Впрочем, вскоре маг перевёл беседу на более прагматичные рельсы и поведал мне, что сейчас живет в Москве и хочет основать фирму по снятию всех грехов с душ. Полное «обезгрешивание» одной души будет стоить 20 000 евро, зато эффект просто ошеломительный: на душе ни одного греха, она становится чистой, как слеза младенца! Но Москва — лишь стартовая точка бизнес-плана. Планируются филиалы по странам СНГ, сам же Костас будет сидеть в Европе и грести бабки, а работать будут его ученики, боевые маги. «Все, кто примет участие с самого начала максимум в течение года станут миллионерами в долларовой деноминации!» — позже писал он мне. Для запуска проекта Ко-стасу не хватало одной лишь мелочи: стартового капитала (сам маг работал сторожем, жил у родственни-ков) — что-то около 5000 долларов. На мой недоуменный вопрос, чем же я могу ему в этом помочь, когда живу на стипендию и журналистскую подработку, он ответил не менее удивленно:

— Ну вас же там ваши политологи спонсировали!

Мои попытки доказать, что политологи не спонсируют анархистов, он выслушал с густым недоверием во взгляде и еще раз настойчиво посоветовал мне подумать и вложиться в его предприятие чтобы стать миллионером максимум в течении года.

Я тактично отказался.

ЦІП ГУВД Мингорисполкома
30.03.2017-07.04.2017

Жизнь прекрасна

Очередные десять суток ШИЗО в шкловской колонии No 17. На этот раз мне повезло: я в хате не один, нас аж трое. Так и теплее, поскольку батареи почти не греют, и веселее — есть с кем провести время. Один мой сосед — молодой хлопец с одним годом срока, ему освободиться через пять дней. Второй — Саня, по прозвищу Летчик. Седые волосы, хотя самому еще нет сорока лет. Усталый голос. Вид старого волка. Сидит уже тринадцать лет, а впереди еще семь — бытовое убийство. За те десять суток, что мы провели вместе, я услышал от него много интересного: как он до посадки успел послужить в армии (его служба как раз пришлась на период распада совка); как в начале своего срока «блатовал» на Орше (ИК-8), где был свидетелем «черного хода»: блатных разборок прямо в зоне, чуть ли не свободного пользования мобилами, ментов, готовых за деньги принести любую наркоту. Он помнил, как раньше сидели зеки в ШИЗО по принципу «день летный, день нелетный» (то есть один день кормили горячим пайком, а второй — куском хлеба и чашкой кипятка), и многое-многое другое.

Но не эти истории, а философия жизни Летчика врезалась мне в память.

Как-то я немного приуныл. Не помню уже повода: то ли после очередной бессонной ночи, то ли после очередного мусорского выкрутаса, но раздражительность, которая накапливалась много дней, вырвалась в итоге наружу потоком бесконтрольной брани на учреждение, на ментов и вообще на всё наше текущее состояние. Летчик слушал. Потом согласился:

– Да, базара нет. Зона здесь петушок. То ли дело на «восьмерке»! Бывает с утра, пока все спят, выйду в локалку, сяду на скамеечку с чаем... Солнышко светит, птички поют. Настроение — за*бись... А ты не переживай. Скоро выйдешь обратно в ПКТ, заваришь чайку... Да и срока у тебя понты. Не гони...

Он помолчал, посмотрел на меня своими усталыми, немного безумными глазами и добавил:

– Жизнь прекрасна. Даже здесь...

Жизнь прекрасна. Даже здесь... Эта фраза в моей голове одновременно ударила молотом и зазвенела колоколом, вызвав невидимый взрыв в нейронных сетях. Я замолчал. С каждой минутой ее смысл доходил до меня все больше.

Представьте себе: душная, мрачная бетонная коробка, в которой ночью отжимаешься и приседаешь, чтобы согреться и поспать, и в которой сидишь столько, сколько захочет начальник зоны. За пределами «коробки» — лагерь, с агрессивным, в большинстве коварным и покорным населением, люди, к которым не стоит поворачиваться спиной, а к ним в придачу — привыкшие к безнаказанности менты с садистскими наклонностями, которые не видят в тебе человека. Нет прав, нет воли, нет жены, которая бы приезжала на свидания, нет благополучия и простых

человеческих радостей. И так уже тринадцать лет, а еще семь впереди. Но: «Жизнь прекрасна. Даже здесь...»

Эта сила воли и жажда жизни поразили меня и вселили огромное уважение к этому человеку. Сколько жизненных сил, стремления к свободе и силы духа надо иметь, чтобы так рассуждать в его состоянии, и как нелепо после этого сетовать на свою судьбу большинству из тех, кто считает, что у них в жизни проблемы!

Уже потом, когда после «семнашки» меня встречала крытая со своими «блатными» и «авторитетами», когда цензоры и опера кипами выбрасывали мои письма, изолируя от внешнего мира, когда в Жодино «вертухай» ставили к стенке, били по ногам и заковывали в наручники за то, что «политический», когда в той же крытой по двадцать суток не вылезал из ШИЗО, когда за пять дней до освобождения добавили еще год срока, когда в Горках лишали свиданий с родными и адвокатом, каждый раз, рано или поздно, когда мне очень хотелось расстроится, загрустить и пожалеть себя, перед глазами всплывало лицо Летчика и его слова:

– Жизнь прекрасна. Даже здесь...

Январь 2016

Открытое письмо

В любой тюрьме усилия ее сотрудников направлены на то, чтобы не дать заключенному бороться за свои права. Огромную роль в этом играет, кроме физической угрозы, изоляция от социума и источников информации. В середине ноября 2014 года, сидя в одиночной камере могилевской крытой я узнал о возбуждении против меня нового уголовного дела по статье 411 УК РБ, что означало, что мое скорое освобождение откладывается еще на год. Повлиять на этот факт я был не в состоянии, разве что убить себя, чтобы не было кого судить. Единственным доступным средством борьбы оставался лист бумаги и ручка. Я должен был, насколько это возможно, привлечь внимание общественности, в том числе международной, к наличию этой статьи и практики её применения против политзаключенных и простых уголовных заключенных, борющихся за свои права. Так родилась идея написать открытое письмо в СМИ.

Но написать — даже не половина дела, а одна десятая ее часть. Как переправить его на свободу? Тюремные администрации редко выпускают даже официальные жалобы в ДИИ, не говоря уже о разгромных письмах в прессу. Я должен был пойти на хитрость, раскрывать которую здесь не стоит. Скажу только, что результатом ее стали усиленные шмоны при выходе к адвокату, а также угрозы перевести меня в худшую камеру. Но это меня уже мало волновало — свое дело я сделал...

Написанное в марте 2015 г. письмо уже в апреле, благодаря моим родителям и соратникам, было переведено на русский и английский языки, передано представителям Евросоюза в Беларуси, дипломатам из американского посольства, опубликовано в газете «Народная воля» и во множестве других белорусских интернет-СМИ.

«Здравствуйте! Меня зовут Николай Дедок. Я обращаюсь с этим письмом ко всем, для кого слова „справедливость“, „гуманизм“ и „человеческое достоинство“ не пустой звук.

26 февраля этого года я был осужден по части 1 статьи 411 Уголовного кодекса на 1 год лишения свободы. Название этой статьи — „Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения“. Приговор мне вынесен в тюрьме за пять дней до окончания моего предыдущего срока — четырех с половиной лет заключения. Отмечу также, что мне назначено максимальное наказание по этой статье — один год из возможного одного года. В 2012 по этой же статье был осужден уже вышедший на свободу политический заключенный Дмитрий Дашкевич.

В чем же состояло мое „преступление“? В шестнадцати дисциплинарных нарушениях за без малого два года пребывания в тюрьме No 4, в частности: ношение спортивного костюма, переговоры с соседними камерами и хождение по камере после 22 часов. Немаловажно то, что за каждое из этих шестнадцати нарушений я уже был наказан в дисциплинарном порядке, получив выговор или от пяти до десяти суток ШИЗО (штрафного изолятора), отсидев в штрафном изоляторе только в этой тюрьме шестьдесят суток.

В Конституции, Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Беларусь декларируется множество хороших принципов и прав, но они мало чего стоят, пока в Беларуси действует статья 411 УК, которая позволяет отправить человека в колонию на один год (или на два — по части второй данной статьи) за ношение или не ношение предмета одежды, за разговор с соседом по камере. Есть ли такая чудовищная и абсурдная правовая норма еще где-нибудь в мире?!

Изначально статья 411 вводилась в УК для борьбы с криминальными авторитетами в местах лишения свободы и криминальными «понятиями», перешедшими Беларуси в наследство от уголовного сообщества времен СССР. Однако сегодня криминальные «понятия» практически повсеместно побеждены властью, а статья осталась, и все активнее применяется к политическим заключенным и другим заключенным, которые хоть как-то борются за свои права. Уже сама формулировка статьи открывает величайшее пространство для морального насилия и унижения человеческого достоинства. Пример: тюремный контролёр (надсмотрщик) плюет на асфальт и дает осужденному в руки швабру: „Убирай!“ Тот отказывается: „Не буду!“ Четырех таких отказов достаточно для возбуждения уголовного дела! Этот случай мне рассказал один из осужденных, и, даже если он немного раздут или преувеличен – все в нем происходит в рамках закона, и это самое страшное. В полном соответствии с законом заключенного можно посадить за четыре отказа выполнять унижительную работу! И мне не известно ни единого случая оправдания судом по статье 411 УК.

Вообще, нарушения прав человека и издевательства в белорусских тюрьмах достигли такого размаха, что стали системой и привычкой, о них можно писать не письмо, а книгу. Но в этом письме я не могу охватить все и сосредоточусь только на статье 411 УК.

Такое раздолье для произвола администрации тюрем и колоний создают написанные в МВД Правила внутреннего распорядка (ПВР), которые обязан выполнять каждый заключенный. Однако осужденных не знакомят с ПВР полностью, только частично, мотивируя это тем, что ПВР «для служебного пользования», что не мешает администрации требовать их выполнения от осуждённых. Сами ПВР составлены таким образом, чтобы наказать можно было любого осуждённого в любой момент за такие вещи, как небритость, грязные одежда или обувь, незастегнутая пуговица на воротнике, за то, что неправильно поздоровался или не поздоровался с представителем администрации, не встал в его присутствии и за многое другое. Нередко акты о нарушениях просто фальсифицируются, и попробуй потом докажи, что твоя обувь на самом деле блестяла! За подобные „нарушения“ продолжают попадать в ШИЗО, ПКТ (помещения камерного типа), лишаться свиданий с родными белорусские политические заключенные: Игорь Олиневич¹, Николай Статкевич, Артем Прокопенко, Евгений Васькович. Причём строгого соблюдения ПВР требуют исключительно от тех, кто как-то «выделяется»: от политических заключенных и тех, кто смеет говорить начальству о своих правах. Остальные живут более-менее спокойно — пока

---

¹ В том варианте, который опубликовала «Народная воля» и другие СМИ, текст моего обращения был изменен. Неизвестный цензор, который читал рукописный оригинал, вместо перечня «Игорь Олиневич, Николай Статкевич, Артем Прокопенко, Евгений Васькович» начал список политзаключенных из Николая Статкевича, а Игоря Олиневича поставил вторым в списке. Хотя, казалось бы, какая разница? Мелочь, но как хорошо она характеризует оппозиционные СМИ и политику как таковую!

молчат. Сколько раз я наблюдал применение статьи 411 УК, и всегда оно было мстью осужденному за несгибаемую волю, за отстаивание своих прав и никогда чем-то иным.

В официальных изданиях чиновники исправительной (хотя правильнее писать — карательной) системы постоянно повторяют, что взяли лучшее от советской исправительной системы. Это действительно так, если лучшим считать тотальное пренебрежение личностью, безжалостное подавление свободы осужденных, содействие разделению их на касты и роли, использование страха как единственного метода управления. При этом президент Беларуси любит повторять, что Беларусь — центр Европы. Однако почему этот «центр» грубо игнорирует взятые на себя международные обязательства — хотя бы Декларацию прав человека, которая гарантирует человеку уважение его человеческого достоинства, право на гуманное отношение к нему и справедливый суд? В Беларуси осужденный — бесправное и зависимое существо, чью судьбу полностью удерживают в своих руках чиновники исправительного учреждения и ДИН (Департамент исполнения наказаний МВД). Захотят — посадят в СИЗО, ПКТ, на тюремный режим, захотят — снизят статус осужденного до того, что он перестанет существовать для других как личность (для этих дел есть лояльные администрации заключенные, которые выполняют любой приказ), захотят — добавят срок наказания. Это чувство отчаяния и бесправия трудно передать — его нужно пережить самому.

Конечно, мне очень хотелось бы кричать на весь мир о несправедливости, которую совершила и совершает со мной карательная система, но еще больше я хочу стать последним осужденным по статье 411 УК. Поэтому обращаюсь к международным и белорусским правозащитным структурам, ко всем заинтересованным в соблюдении прав человека международным организациям и всем неравнодушным людям Беларуси с призывом сделать все возможное для отмены статьи 411 УК. Да, белорусское общество атомизировано, сковано страхом и конформизмом, отдельные группы в нем с трудом отстаивают свои экономические права, а те, кто пытается отстаивать политические права, подвергаются бесконечным репрессиям. Но я убежден, что белорусы одумаются и поймут: «тот, кто променял свою свободу на безопасность — не заслуживает ни первого, ни второго», коллективная воля людей может заставить государственную машину прислушаться к голосу разума и начать выполнять свои международные обязательства.

Безусловно, внимание всего мира, и в первую очередь Европы, сегодня приковано к Украине, где люди гибнут десятками и сотнями, и по сравнению с этим кажется, что страдания каких-то пяти политических заключенных в относительно стабильной и, главное, мирной Беларуси не так уж значительны, чтобы кричать о них на весь мир. Но вспомним, что и события в Украине начались во многом из-за отсутствия у авторитарной власти уважения к человеческому достоинству, из-за попыток навязать обществу жизнь в страхе и антидемократическую систему ценностей. То же мы наблюдаем и в Беларуси, разве нет?

Поэтому я обращаюсь со своим призывом к вам и всем, у кого есть силы и возможность повлиять на status quo, с надеждой, на то, что все, что происходит со мной больше не произойдет ни с кем в Беларуси.

Николай Дедок
Тюрьма No 4
Март 2015 года»

Крайняя мера

«А что это за порезы у тебя на руках? Хотел покончить жизнь самоубийством?» — спрашивают меня время от времени. Многие не понимают, зачем, сидя в тюрьме, калечить себя и какой в этом может быть смысл.

В тюремном этикете есть понятие «крайние меры». К ним относится голодовка и членовредительство. Согласно неформальными тюремными правилам крайние меры применяются в трех случаях: угроза жизни, угроза здоровью и угроза личному достоинству. Логика таких действий проста: ставя свою жизнь под угрозу, арестант вынуждает администрацию госпитализировать себя и тем самым временно избегает критической для себя ситуации, ведь за умершего зэка начальство может «вздрыгнуть» вертухая или другого сотрудника: дать выговор, лишить премии, иногда даже уволить.

Именно угроза здоровью и довела меня в 2015 году до крайних мер. Отношения с администрацией в ИК-9 (Горки), куда меня привезли после осуждения по статье 411 и докинутого года срока, не сложились с самого начала, что неудивительно — не затем меня туда привезли, чтобы я спокойно отбывал срок. Среди зэков Горки считаются «пресс-колонией», где осужденных, которые выделяются из общей массы (политических, неуправляемых криминальных авторитетов, любителей пожаловаться на условия содержания) прессуют особенно жестко.

Не успел я приехать в колонию, как начались придирки: рано лег в постель (за 30 минут до отбоя), отказался от уборки туалета (то есть не стал делать «петушиную» работу), не так поздоровался и так далее. «Десять суток ШИЗО», — только я и слышал от начальника колонии. Но и в ШИЗО все было, мягко говоря, не так гладко. Первый срок я сидел с другими ребятами в камере, и уже там меня поразили равнодушие и цинизм администрации в отношении всего, что касается нужд арестантов. Я думал, что после четырех с половиной лет тюрьмы меня уже ничем нельзя удивить. Оказалось, можно. Например, после первых десяти суток ШИЗО дежурный офицер вывел меня не тогда, когда у меня закончился срок — около девятнадцати ноль-ноль, а почти на три часа позже. Сколько сидел в ШИЗО в других учреждениях — нигде такого не было. На мои замечания контролеру о том, что у меня срок ШИЗО уже закончился, — никакой реакции. Таким образом, я должен был дойти до отряда, побриться, умыться (т.к. ни- чего этого сделать в ШИЗО толком нельзя) и успеть все это до отбоя, который в двадцать два ноль-ноль. Если бы я не успел, на меня бы с утра обязательно составили акт за то, что я небрит (не говоря уже о том, что не очень приятно ложиться спать, не умывшись). Но я решил, что чистота важнее режима, и из-за того, что приводил себя в порядок, пошел спать немного позже чем в двадцать два ноль-ноль, чего и ждали контролеры, которые через пять минут после отбоя пришли в отряд и составили на меня бумагу за «невыполнение команды „отбой“». Вот вам и нарушение, за которое снова можно выписать новый срок в ШИЗО! Такая

наглость меня разъярила. Мало того, что продержали в изоляторе на три часа больше, чем должны были, так еще и исподтишка толкнули на нарушение!

Другой неприятный случай касался горковских медиков. Согласно закону, в ШИЗО дважды в день врач должен делать обход, выяснять, все ли хорошо себя чувствуют. В ШИЗО ИК-9 врач делал один обход в день, и то, кроме воскресенья. В субботу, сидя в ШИЗО, я простыл и на следующий день начал звать врача, чтобы он хоть как-то помог, поскольку в том чтобы температурить и кашлять на дощатом полу в легкой робе приятно мало. На все мои просьбы у контролера был один ответ: «Врача нет, сегодня воскресенье!» Да и зеки подтверждали: по воскресеньям врач не ходит. Но я знал, что это ложь. В каждой колонии в любой день недели и в любое времена есть дежурный врач, просто по скотскому обычаю этого учреждения ему лень вылезать из своего кабинета в санчасти и идти целых пятьсот метров только ради того, чтобы принести таблетки какому-то там зэку — авось до завтра не сдохнет!

Но даже все это — недостаточная причина для применения крайних мер. Повод появилась после того, как меня посадили в ШИЗО за отказ от работы. На этот раз посадили одного, и в довольно специфическую хату — она находилась в метре от «дежурки» контролера. Якобы для лучшего контроля. Но главным было не это, а то, что хата была угловая — находилась на углу барака. Казалось бы, какая разница? Камера и камера. Но постоянный посетитель ШИЗО хорошо знает, в чем разница. Знают это и менты. Дело в том, что угловые камеры — самые сырые и холодные. В них холодно даже летом, не говоря уже о зиме¹.

Когда тогда, девятнадцатого мая, меня отвели в камеру No 16, я сразу закрыл окно, надеясь, что к ночи «надышу» на более-менее приемлемую температуру. Но эти надежды не оправдались.

Дальше началась самая тяжелая ночь в моей жизни. Когда пришел отбой, и я прилег на пол, то обнаружил, что он никакой не дощатый. Он был настолько холодным и жестким, что мне сначала показалось, что это бетон. Но, расколупав ее в одном месте, я понял, что она из ДСП, что в свою очередь тоже нарушение закона, так как, согласно регламенту, все полы в ШИЗО и ПКТ должны быть дощатыми.

Первый «раунд» сна длился у меня минут тридцать. И он же был самым длинным. Далее у меня не получалось поспать больше пятнадцати минут — не давало всепроникающее ощущение холода. В эту ночь я понял, насколько въедливым и беспощадным он может быть: отбирая одну за другой доли градусов тепла от вашего тела, он заставляет разум не думать больше ни о чем, кроме как о том, как согреться. Навязчивая мысль стучит в голове, как дятел, который никак не закончит свою работу, ощущается вечно голодным хищник, которого тебе нечем накормить. Холодно, очень холодно. Холодно рукам, холодно ногам, холодно спине, холодно носу и ушам. Заправленные в носки брюки и заправленная в брюки роба уже давно не помогают. Где-то в середине ночи перестали помогать и традиционные «согревалки» — отжимания и приседания. У организма уже не было в запасе свободных калорий, чтобы переработать их в тепло. Мало того, после нескольких сотен отжиманий и

---

¹ Как раз зимой в могилевской крытой мне пришлось полтора месяца просидеть в камере на углу здания. Благодаря сырости на стенах появлялся конденсат. Стекая по стене вниз, он образовывал леденец в углу камеры, который, если его не «ликвидировать», вырастал буквально за день. Двадцать четыре часа в сутки мы жили в телогрейках.

приседаний, не оставалось уже и сил, чтобы делать их дальше. Ситуация становилась безвыходной. Ближе к утру (как мне казалось, ведь часов, конечно, не было), начались своеобразные «сонные галлюцинации»: мне снилось, что я сплю у себя дома под огромным теплым одеялом. Мне очень хорошо и комфортно, приятно и легко... В голове пролетает мысль: и чего это я беспокоился, прыгал, отжимался и приседал, когда мне так хорошо спится? И тут мозг дает команду на пробуждение. Открываю глаза, и по всему телу проходят тяжелая и болезненная дрожь: я наконец понимаю, где я, и что опять надо вставать и пытаться выдавить из себя какие-то активные движения, чтобы повысить температуру тела и поспать еще хоть несколько минут. Атмосферу и общее впечатление дополнял яркий электрический свет сразу двух лампочек из-под потолка. Свет в СИЗО на ночь не выключали, и я чувствовал себя в какой-то смеси сумасшедшего дома и пыточной.

Наконец пришло утро. Поев, я надеялся поспать, чтобы хоть как-то «отбить» часы, которые не добрал за ночь, и привести себя в норму. Контролер, конечно, написал на меня акт за это (за который мне потом добавили еще несколько суток), но мне было уже все равно.

После утренней проверки я прилег на пол и понял, что я наивно ошибался: даже дневная температура в камере не позволяла нормально спать. Получается, спать нельзя ни днем ни ночью... Я вспомнил мучительную ночь и понял, что у меня впереди еще минимум девять таких ночей, а скорее всего больше, так как, бесспорно, начальник зоны накинёт еще. И тогда я понял — надо что-то делать.

Дальше в течение всего дня я требовал у ДПНК, который время от времени приходил в СИЗО, перевода в другую камеру. Аргументы: температура в ней ниже, чем должна быть согласно законодательству², а пол — ДСПшный, хотя должен быть дощатый, что тоже «не по закону». Он слушал мои просьбы и бросал безразличное «разберемся...» или «я уточню...», и ситуация не двигалась с места. Я тем временем понимал, что еще девять таких ночей и выйти из СИЗО можно будет с целым букетом заболеваний в дополнение к имеющимся. Надо соскакивать любыми средствами. Я подготовил «мойку», которую пронес с собой в СИЗО, несмотря на шмон (спасибо советам бывалых арестантов) и начал составлять план. Первоначально он был такой: сразу после вечерней проверки вскрываю вены на обеих руках и живот. Главным моментом здесь было вскрыться как следует, а не просто поцарапаться: насмотрелся я на таких, которые «вскрывались», чуть поцарапав руки, менты над ними только смеялись: перебинтуют прямо в камере и даже не спросят, чего хотел. Чтобы больше не мерзнуть в этой хате, надо резаться всерьёз, но в то же время и не «переборщить», так как, порезавшись слишком сильно, можно замёрзнуть уже навсегда. Решил так: сначала добираюсь до вен на руках, делаю точечные надрезы, кровь аккуратно сцеживаю в свою пол-литровую кружку, набираю полную (человек может выжить, потеряв до половины крови, а во мне — около пяти литров), после чего выливаю ее под дверь камеры (сразу после проверки там будет ДПНК и контролер — заметят, никуда не денутся), а после вскрываю живот (два пальца ниже пупка — так учили), желательно до брюшной полости — тут уж как болевой порог позволит.

---

² Внутренними правовыми актами МВД установлено, что в СИЗО она должна быть не менее восемнадцати градусов.

В сотый раз попросив перевести меня в другую камеру, я понял, что делать этого они не будут и что нужно переходить к действиям.

Планы с самого начала спутал неожиданный сдвиг в ходе проверки, в результате чего я решил не ждать и начал вскрываться раньше.

Спрятался за «броню» (перегородка между туалетом и остальной хатой), чтобы меня не было видно из глазка, перекрестился, взял «мойку» и нанес первый порез — по левой руке. Было ли страшно? Конечно, да. Но я понимал, что и зачем делаю. Вопреки ожиданиям, кровь не пошла фонтанчиком, вместо этого выступила парой капель, которые потом слились в слабенький ручеек — я накапал в чашку совсем немного. Тогда начал наносить по руке уже не просто порезы, а порезы-удары, чтобы тоненькое лезвие «мойки» вошло как можно глубже. Пару раз бил лезвием дважды в один и тот же порез, чтобы его расширить. Некоторые порезы получились довольно удачными: хорошие полсантиметра в глубину и сантиметр в ширину. Но крови по-прежнему было очень мало. Может, от волнения она отошла от периферии тела внутрь? Говорят, есть такой биологический механизм приспособления к опасности... Тут около моей хаты начали топтаться легавые — проверка! Я спрятал руки за спину, выскочил из-за «брони» и встал навытяжку, а-ля послушный зек. Теперь главное, чтобы они ничего не заметили — еще рано!

— Добрый вечер, — говорит ДПНК.

— Добрый вечер. Дедок. Всё в порядке.

— Точно всё нормально? — в глазах мусора отражается недоверие.

— Точно, — улыбаюсь.

Мусор подозрительно осматривает камеру...

— А чего не по форме одежды? — пока они заходили, я не успел надеть клифт, стоял в майке.

— Да не успел надеть, вы так быстро зашли! — снова улыбаюсь, а сам думаю: «Господи, только бы капли на полу не заметили!»

Наконец двери закрываются, и я внутри себя смеюсь с того, как я их провел. Лошары!

Но тут меня подвела бдительность контролера. Я сразу полез за «броню», а контролер, видимо, интуитивно почувствовал что-то неладное и продолжил смотреть в глазок вместо того, чтобы идти к следующей хате. И, очевидно, увидел то ли кровь, то ли мою руку, которая высывалась из-за «брони». Крик за дверь: «Он режется!!!», считанные секунды — мент открывает первый замок. Я понимаю, что времени нет, перекидываю «мойку» в другую руку и быстро, сколько есть сил, полосую себя уже по правой. Мент начал открывать второй замок, от решетки. Как хорошо, что он винтовой! Это дает мне еще пару секунд, я приспускаю резинку штанов и с максимально возможным давлением провожу себе «мойкой» по животу. Успеваю сделать так три раза, и легавые врываются в камеру. Скидываю «мойку» в умывальник, да так удачно, что она сразу попадает в слив.

ДПНК и контролер стоят, смотрят. С обеих рук и с живота у меня течет кровь. Они достают наручники и заковывают мне руки. Ведут в прогулочный дворик — в то время там как раз идет прогулка. Я сижу в состоянии легкого шока... Теперь главное, чтобы выполнили требования. Но жалею, что все произошло не так, как я запланировал. Ну да ладно, что уж поделаешь — как получилось, так получилось.

Проходит минут десять. Разговоры заключенных (перекрикиваются с одной дворики в другой):

— Слушай, а что там за кипиш? Чего менты суетятся?

— А это Дедок вскрылся!

— Кто?

— Дедок!

— А кто это?

— Политический.

— Это я Дедок! — вступаю в разговор.

— Так а чего ты вскрылся?

Разговорились с парнями. Объяснил им свое общее положение в этой колонии, послушал их советы...

Тут в мой дворик заходит «тройка»: начальник оперативного отдела, начальник режимного отдела и начальник медицинской части. Режимник просит раздеться — меня начинают шмонать. Всех интересует только один вопрос: как я пронес «мойку»? Конечно, я им этого не говорю. После того как они прощупали все, вплоть до резинки на моих трусах, посмотрели на мои пятки (вдруг там что-то приклеено), чтобы убедиться, что больше «моек» у меня нет, и только потом задали вопрос: в чем причина моего поступка?

И меня прорвало: в эмоциональной форме пересказал им, что с выполнением КГБшных приказов они явно перестарались, и озвучил свои требования: перевести меня в любую другую камеру. Они послушали.

Опер попросил всех выйти и скомандовал снять с меня наручники. Мы остались с ним наедине. Дверь дворика закрылись, и он раздраженно спрашивает меня:

— Чего ты хочешь? — по своей оперской природе он не верит, что мои требования такие, которые я озвучил, думает, что держу на уме что-то другое.

Такой вопрос сначала меня немного смущает.

— Чего я хочу, я вам не скажу, потому что вы тогда сделаете всё, чтобы я этого не получил, — был мой ответ. Не видел смысла у него еще чего-то просить — все равно хороших условий содержания мне в этой зоне не дожждаться.

Выслушал от опера многословные полупамеки, типа: «Разве ты понимаешь, кто ты?» (мол, будем тебя прессовать в любом случае), «Есть определённые правила игры...» (что он хотел этим сказать, я до сих пор не понял), а также попытки убедить меня жить по их правилам — опер сказал, что у них даже бывший вор в законе Галей — «уважаемый человек!» — ходит на промзону и работает. Твердого обещания перевести меня в другую хату я от него так и не услышал.

Наконец меня повели к врачу. Отодрали от рук и от живота ткань одежды, которая уже почти присохла, а потом советовались, зашивать порезы или достаточно будет перебинтовать. Решили перебинтовать — так происшествие можно будет квалифицировать как легкий инцидент, а если бы меня зашивали, это говорило бы о том, что раны серьёзные. Это было невыгодно местному начальству, которое, как я потом узнал, докладывало о ситуации на самый верх — министру МВД.

После перевязки меня повели в хату... Ту же самую. И тут я сделал еще одну ошибку. Вместо того чтобы всеми силами упираться и не идти туда, я поверил ДПНК, который сказал, что вопрос о моем переводе в другую камеру «решается». Камера

была перевернута вверх дном: весь мой небогатый скарб перетряхнули, вывернули мусорное ведро — просто на пол. Искали «мойку». Было около девятнадцати часов вечера...

Примерно каждые полчаса я начинал молотить в дверь и спрашивать, почему меня не переводят. Меня кормили обещаниями, что «вот-вот». Но, когда начал наступать отбой, я понял, что меня обманули: решили пойти на принцип, мол, «он к нам с ультиматумом, тогда и мы не уступим».

На такой случай у меня был «План Б».

В шестнадцатой камере до меня сидел бывший вор в законе Дима Галеев («Галей»), которого, чтобы посадить в белорусскую тюрьму, экстрадировали из Швеции — МВД хотело от него чего-то в своих криминальных играх. Как результат, камера была забита разными вещами, которых обычно в ШИЗО не бывает. Одну из них я заметил с самого начала — около уборной стояла какая-то изогнутая полка непонятного происхождения и назначения (скорее всего для того, чтобы «срабатываться» через канализацию между камерами). Я взял тряпку и закрыл глазок на двери, чтобы контролер не видел, что я делаю. Взял палку и просунул ее в решетку, которая окружала лампочку под потолком. С ее помощью я надеялся разбить лампочку, осколком стекла вскрыться во второй раз и порезать ноги — там вен больше, и находятся они более плотно, на этот раз точно переведут в больничку, никуда не денутся! После нескольких ударов лампочка начала раскачиваться (она висела на проводе), но биться не спешила. Удар о решетку, другой — она звенит, но по-прежнему не бьётся! Размахнуться палкой тоже не получится — она ограничена «квадратом» стальных прутьев, в которые я ее продвинул. Прибегает ДПНК и с криком «Баян качает! Открывай двери!» приказывает контролеру открывать дверь. Офицер и два контролера влетают в камеру и быстро понимают, что я задумал. Хватают меня за руки и ставят к стене. От злости на их обман и на то, что мой план снова не удался, я уже плохо себя контролирую: начинаю кричать на них и грозить всеми смертными карами. ДПНК командует: «доставай наручники!» Достают наручники и пытаются меня скрутить. Я сопротивляюсь, как могу. Но их трое. Буквально вбивают мои руки в наручники: в ходе борьбы все свежие перевязки сорвались, снова пошла кровь. ДПНК хочет пристегнуть меня наручниками к металлической табуретке. Острых предметов в камере нет, но даже если бы и были, я понимаю, что, пристегнутый наручниками, я до них не дотянусь, поэтому вынужден пообещать ему не вскрываться.

Легавые уходят, оставляя меня в камере в наручниках. Проигран бой, но не война. Через полчаса приходит врач и перевязывает меня по новой. Отбой прошел, и я ложусь спать, как есть, «закованный». Через какое-то время менты заходят и снимают «браслеты».

В ту ночь я снова спал очень тяжело — кроме холода, напоминала о себе боль. Да и с порезанными руками не особо поотжимаешься. Но природа сделала мне подарок — уже на следующий день на улице значительно потеплело, и остальной свой срок в ШИЗО я провел более-менее сносно.

А через пару недель мне поставили еще один профилактический учет. Кроме профучета по категории «склонен к захвату заложников» я стал «склонен к суициду». Чуть, конечно, если бы хотел убить себя, то резал бы вены вдоль, а не поперек.

На следующий день история получила продолжение: в ШИЗО закрыли «смотрящего» за зоной и его помощника, а по всему барaku ШИЗО/ПКТ провели капитальный шмон, выкидывая нехитрые «запрещённые предметы» арестантов: таблетки, журналы, «лишнюю» одежду, нитки, канатики и подобное, при этом не забывая напоминать: это из-за того, что «политический вскрылся». Таким нехитрым способом менты натравливали на меня других эков..

Какая во всем этом мораль? Мораль здесь только одна: если идешь в ШИЗО, бери с собой две мойки.

Освобождение

Всем политузникам прогрессивных убеждений, вчерашним, сегодняшним и будущим, с верой в то, что все тюрьмы будут уничтожены — посвящается.

Обычный вечер на улице Добролюбова, 16, в городе Горки. 19-я камера ПКТ. Исправительная колония №9. Август.

Ужин прошел, вечерняя проверка – тоже. В режимном учреждении и весь организм начинает жить по режиму: хотеть есть, спать, пить и ходить в туалет по расписанию. Вот и мы с Гринеёй (мой сокамерник) на своих 5-ти квадратных метрах подготовились пройти традиционный ритуал – вечернее чаепитие. Чаю и сладостей хватает: неделю назад была отоварка. Мы подготовились, запасая «ништяки», и предвкушали, как это всё «рубанём» завтра – в мой день рождения. В четырёх бетонных стенах, в полном однообразии, радостей не так много, и кофе с шоколадкой одна из тех вещей, которая хоть изредка заставляют мозг зэка выбрасывать в кровь эндорфины.

Едва допив чай, мы услышали лязг «тормозов». Что-то странное. Было около 18 часов вечера, время неурочное, в этот момент никто не должен был заходить. Тормоза открываются, а за ними и – решётка. На пороге стоят двое офицеров: режимник и ДПНК:

– Дедок, забирай всё и собирайся. Пойдем.

На душе стало тревожно. Обычно такие перемены ничем хорошим не заканчиваются. Куда? И почему в такое время? Естественно, выполнять приказ не спешу:

- Куда собираться? Зачем? В другую хату? Или на этап? В чем дело-то?
- Собирайся скорей, потом всё скажем! Все вещи главное забирай, полностью.
- Какое потом? Вы сейчас скажите! Куда собираться? Я не пойду никуда!

Но менты отказываются говорить, хоть убей. Я не уйду, пытаюсь разгадать ребус. В другую хату? А смысл? На этап в другую зону? Но это делается совсем в другое время и по другой процедуре. Может, ПКТ мне каким-то чудом отменили и поднимают обратно в лагерь? Но почему тогда не говорят об этом прямо?

После долгих препирательств режимник говорит:

– Коля. Всё будет нормально. Вот увидишь. Собирайся.

Мусорам, конечно, веры нет. Но смотрю ему в глаза, и кажется, не врёт. Вспоминаю: конкретно этот мусор в этой зоне еще не сделал мне за полгода ничего плохого. Что делать – надо идти, если захотят – вынесут. Собрал почти все свои вещи. Все вкусняшки, половину конвертов, открыток и стержней оставил Гринеёй – он не греется, ему нужнее.

Выводят из ПКТ, идём на КПП (пропускной пункт между разными сегментами зоны). По дороге еще раз интересуюсь у режимника: куда?

– Домой, – отвечает.

Конечно же не верю, скорее нарастает злость – с таким нельзя шутить.

Приходим на пропускной пункт, поднимаемся на второй этаж. Я вижу: все мои сумки, оставленные в отряде (то, что в ПКТ «не положено») стоят здесь. Мент говорит мне, что я освобожден и сейчас меня выведут за пределы колонии.

Это было как удар по голове. Мне казалось, что вокруг меня происходит какой-то спектакль, что сейчас из-за дверей выскочит опер в костюме клоуна и начнет хохотать: «Обманули дурачка на четыре кулачка». Но ничего не происходило. Я сел и, наверное, изменился в лице. Режимник, увидев мое состояние, разволновался, хотел даже вызвать доктора.

– Как освобожден? На основании чего? Где документ? – я попытался прийти в себя и понять, что происходит.

– Ничего не знаю, слушай... Мне сказали тебя освободить — я освобождаю!

На КПП приходит козёл, берет мои сумки (все я не утяну) и доводит до КП на выходе из зоны. Менты посмеиваются: для них это тоже непривычный случай. На КП, ведущем на свободу, — несколько кодовых дверей. Прошли одну. Перед второй в окошке сидит еще один легавый, который начинает проверять мою личность. Спрашивает имя, фамилию, год рождения, адрес. На год рождения начинаю путаться в месяцах и днях, переспрашивать его: мозг сейчас совсем другим занят. Мент борзее — начинает на меня покрикивать:

– Нормально говорить можешь или нет?! Тебя спрашиваю! Что непонятно?!

– Голос не повышай на меня! Я на тебя не кричал! Как вспомню, так и скажу! И вообще, в документах своих смотри, что тебе надо!

Перебранка длится полминуты, пока не встречаются менты, что меня выводили. Но на мой настрой хамство мусора никак не влияет — удивляюсь, как оно вообще осталось в моей памяти. Дают справку об освобождении. В графе «причина освобождения» — Указ Президента «О помиловании». Ну, теперь пазл сложился...

Открываются двери. Передо мной — вольный мир.

Радость? Восторг? Эйфория? Ничего подобного. Не понимаю, что вокруг меня происходит. Тревога, чувство подозрительности. Шок. «Как рыба, выброшенная на берег» — лучшая метафора для состояния, которое я в тот момент испытывал. Казалось бы, стоило радоваться, что то, чего я так долго ждал, осуществилось, притом так неожиданно и безоговорочно. Но я в растерянности. Я вышел из другого мира, где полная предсказуемость, распорядок. Уверенность — не смейтесь — в завтрашнем дне. Где батончики бобруйской халвы в отоварке, библиотека раз в неделю, сокамерник Гриня со своими историями. Я знал, как двигаться, как жить, в чем быть уверенным, а в чем — нет. А теперь я — в новой вселенной, и я не знаю, чего от нее ждать.

Перед входом стоит подержанная «Лада». Возле нее — два каких-то чувака. Гэбэшники, конечно. Подходят.

– Садись, поехали.

– Ну поехали, — кидаю сумки в багажник.

Пытаюсь их разговорить: «Из какой структуры-то? Местные-неместные?» Молчат. Солнце клонится к закату. Я смотрю в окно как зачарованный. Этого не может быть. Поля, леса. Коровы какие-то пасутся. Как будто смотришь фильм. Нет, это происходит не со мной.

За всю поездку я ни разу не спросил их, куда едем. Рассудил, что либо в Оршу, либо в Могилев. Приехали в Оршу на ЖД вокзал. Сходил в туалет, там переоделся: на мне

была куча тёплого белья, почти всё, что разрешено в ПКТ, было на мне надето. А тут — жарко. То есть не то чтобы жарко — комфортно. Я не мёрзну. В камерной системе не бывает комфортно, почти всегда тебе либо слишком холодно — и ты одеваешься как капуста, либо тебе слишком жарко, и ты ходишь в трусах. А тут — обычно, и нет нужды утепляться... Пришлось снять лишнее. Там же, на месте, выкинул половину содержимого кешеров. Еще до выхода из зоны хотел оставить это нуждающимся — да хоть бы петухам. Мусора не дали. Что ж, не тащить же это барахло домой! Старая телогрейка, ватные штаны (всё — хэнд-мэйд с крытой), тапки, в которых оттоптал все 5 лет, туалетная бумага, несколько пачек сигарет, десяток слипшихся леденцов, поплававшаяся пластиковая кружка, выцветшая роба... Хотя нет, робу оставлю на память. Собрал сумку, но выкинуть в мусорку рука не повернулась. В зоне — целое сокровище, а здесь это никому не нужно... Оставил рядом с урной прямо в кешере, может, какой бездомный заберет. Все-таки телогреечка не такая уж и плохая...

В нагрудном кармане у гэбэшника вижу билет на поезд. Понятно — ждет, как меня отправить. Пытаюсь выпросить билет: сам доеду, говорю, не пропаду. Не отдает. Приказ, понятное дело...

Поезд приходит. Меня провожают до самого вагона. Гэбист дает билет. Прохожу в вагон, оглядываюсь. У меня две здоровые клетчатые сумки. Похож на помесь беспризорника и челнока. Пытаюсь прийти в себя...

Потом был звонок из поезда родным с попутчиков: случайных, но очень добрых людей: невестки и свекрови, ехавших из Кобрин. Узнав, что я только освободился, взялись поить меня чаем, кормить бананами и сникерсами. Проговорили с ними всю дорогу, и 2,5 часа прошли незаметно. Выхожу на перрон. Там уже стоит гусёк в штатском с видеокамерой. Кто бы сомневался... Со стороны перехода на меня буквально летит десяток человек: кто бегом, кто на велосипеде. Я бросаю кешера на асфальт и обнимаюсь со всеми, с каждым по очереди. Боже мой, как вы изменились... Да и я, пожалуй, не меньше. Некоторых узнал далеко не сразу. А люди всё прибывали. Все те, кто был частью моей прошлой жизни, кого я не видел пять лет. Они не забыли про меня. Они примчались на вокзал, в последнюю минуту узнав, что меня освободили. Многих не ждал увидеть: Ольга Николайчик, Дима Дашкевич. А вот и журналисты. Задают вопросы, я в ответ несу какие-то шаблонные ура-антирежимные глупости. Но за один вопрос готов просто прибить: «Какие ваши планы?» Ребята, какие планы?! Я только что из бетонной каморки 2х2 метра, у меня мир сузился в точку. Я еще не понял, где я. Мой мозг, душа и восприятие до сих пор в 19-й хате. Мои планы были: с утра убрать хату, сделать йогу и взяться за Джека Лондона из библиотеки. О чем вы вообще спрашиваете?!

Так получилось, что на момент освобождения никого из моих родных не был дома, но еще до полуночи мы встретились. В ту ночь я никак не мог заснуть. Организмом овладело какое-то совсем непонятное состояние. Я ходил по квартире и делал на автомате какие-то вещи, которые не делал годами: открывал холодильник, заходил в интернет, умывался горячей водой. Руки помнили, как обращаться с этим всем, а сознание — нет. На понимание того факта, что я теперь живу не в тюрьме, мне понадобилось четыре дня. До этого времени, если бы меня вернули назад, я бы просто ничего не почувствовал: этот краткосрочный выход просто забылся бы, как рядовая прогулка во дворике ПКТ. Но в этом, если приглядеться, есть глубокий

философский смысл. Ведь всё, что со мной произошло — лишь переход из одной тюрьмы в другую.

Только режимы — разные.

Заключение

Жалею ли я о том, что произошло? Сегодня, по прошествии времени, можно ответить на этот вопрос однозначно: нет. Я ни о чем не жалею. И если бы можно было повернуть время вспять, тогда, на первых допросах, где решалась моя судьба, я сделал бы все точно также.

Я обязан тюрьме многим. Для тех, кто ставит перед собой цель самосовершенствования, тюрьма — настоящая школа борьбы со своими слабостями, школа понимания человеческой психологии, школа познания границ своих возможностей, проще говоря — школа жизни. Такой она стала и для меня. К тому же, если быть искренним — сидеть в тюрьме и страдать нетрудно, если знаешь, почему и зачем ты сидишь. Не за то, чтобы привести к власти нового президента, а потом жаловаться, что он предал свой народ, не за то, чтобы государство сменило пророссийскую бюрократию на прозападную, не за то, чтобы рабочие белорусских предприятий изменили хозяина с государственного на частного, и не за то, чтобы делопроизводство в карательных учреждениях КГБ и МВД вместо русскоязычного стало беларускоязычным, а для того, чтобы внести свой, пусть и ничтожно малый, вклад в построение общества, в котором одна человеческая личность никогда не будет лишать свободы, прав и человеческого достоинства другую.

Анархический строй, в котором исчезнут сами предпосылки для структурного неравенства, предрассудков, иерархии и эксплуатации человека человеком, уступив место равенству разных, толерантности, настоящей — прямой — демократии и освобождению от любого угнетения, многим кажется утопией. Особенно в доказывании «утопичности» анархизма изгаляются государственные пропагандисты. Но как по мне, то только такая цель, как достижение этого идеала, может стать достойной причиной для того, чтобы поставить на кон свою свободу, здоровье и даже жизнь. Все остальные цели, вроде перечисленных выше, — это полумеры, которые ведут к косметическому ремонту Системы, которая продолжит создавать заключенных и надзирателей, эксплуататоров и эксплуатируемых, хозяев и рабов. Суть останется, изменится только фасад.

Сидеть за идею нетрудно, если вспомнить борцов прошлого. Народников царской России буквально хоронили заживо в каменных подвалах тюрем — они проводили там десятилетия, и далеко не все выходили живыми. Белогвардейцы в гражданскую войну жарили на металлических листах анархистов-махновцев, захваченных в плен. В 1906 году двадцатидвухлетнюю эсэрку Марию Спиридонову, которая стреляла в подавителя крестьянских восстаний, при задержании избили и изнасиловали, а потом приговорили к пожизненной каторге. В 1941 году венгерских анархистов — «Гайдуков Котовского», которые поднялись на защиту еврейских кварталов от погромов, — легионеры, пытая, убивали на бойне, подвесив на крюки для туш. Память о тех, кто пережил намного более тяжелые испытания, чем ты, не давала упасть

духом и снизить требования к себе. Еще и поэтому не следует считать, что ты — единственный в мире мученик за справедливость и переоценивать свою роль в этой войне.

В одном из произведений Карлоса Кастанеды Дон Хуан говорит своему ученику: «Главное препятствие на пути воина — считать себя центром Вселенной». Действительно, сознание нас обманывает, заставляя в определенные моменты чувствовать только свою боль и только свои трудности. Врожденный эгоцентризм подталкивает нас к тому, чтобы считать себя каким-то уникалом, достойным большого сострадания, поступки которого — самые главные, а муки — самые тяжелые. Но это не так. Ты — лишь звено в цепочке тысяч и миллионов, которые страдали до тебя: у них тоже были семьи, друзья, они тоже хотели дышать воздухом свободы и проводить время с друзьями вместо сидения в сырых казематах. Твоя боль ничем не больше их боли. Это вдохновляет, ведь дает тебе, без преувеличений, принадлежность к Истории, и это же заставляет более критично и требовательно относиться к себе самому: начинаешь понимать, что в масштабах планеты ты только кирпичик, который должен быть использован Историей для постройки нового мира...

Мы знаем, кто мы. И мы знаем, чего хотим. Пусть марионетки во власти придумывают новые методы борьбы с «экстремизмом» и думают, что бы еще запретить, пусть чекисты пилят госбюджет, закупая новую аппаратуру для контроля за нами, пусть менты запугивают нас своими водометами, газовыми гранатами и спецназом, пусть льют грязь на нас с экранов зомбящика — мы все равно будем идти вперед, держа за руки всех тех, кто шел по этому пути до нас.

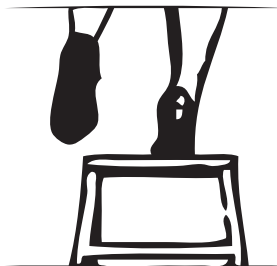
Ведь только в этом жизнь, и смысл, и правда.

Об авторе

Николай Дедок — активист анархистского движения, был задержан 3 сентября 2010 года по обвинению в нападении на российское посольство в Минске. В ходе следствия обвинение были переквалифицировано: автору вменили организацию символических акций прямого действия против государственных учреждений, сопряженных с уничтожением имущества. Своей вины он не признал.

В ноябре 2011-го международные правозащитные организации признали Николая политическим заключенным. В ходе своего 5-летнего тюремного срока сменил несколько карательных учреждений. Освобожден 22 августа 2015 года указом президента Беларуси. На данный момент является студентом Европейского гуманитарного университета (Вильнюс) по специальности «Всемирная политика и экономика» и журналистом белорусской газеты «Новы час».

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Николай Дедок
Цвета параллельного мира

<https://radicalbook.tilda.ws/>

ru.theanarchistlibrary.org